

XX

19²⁴_X17

...Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

...Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-Революционный Комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом...

...История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все.

...Правительство колеблется. Надо добить его, во что бы то ни стало!

В. Ленин

Из письма В. И. Ленина членам Ц.К.
24 октября (6 ноября) 1917 года.
Собр. соч., т. XXI, стр. 362-363.

...Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции.

Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян...

...Нужно правительство Кишкина-Коновалова заменить правительством Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

И. Сталин

Из статьи "Что нам нужно?",
опубликованной в газете "Рабочий путь"
24 октября (6 ноября) 1917 года
("На путях к Октябрю", стр. 215).

ДА ЗДРАВСТВУЕТ XX ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СССР!

Два десятилетия назад Великая Октябрьская Социалистическая революция, руководимая партией Ленина — Сталина, вывела народы бывшей царской России из кровавого хаоса империалистической бойни и водрузила на одной шестой части земного шара знамя власти советов.

На смену отжившим эксплуататорским классам впервые в истории выступил в качестве руководителя государства пролетариат. Он взял власть в свои руки, чтобы спасти страну от расхищения империалистическими хищниками, чтобы преобразить страну, повести народы к новой жизни.

Сметенные вихрем народного восстания, российские помещики и капиталисты, их собратья в других странах, вся продажная буржуазная пресса в бессильной злобе предсказывали молодому государству трудящихся скорую гибель. Не ограничиваясь этими «пророчествами», российская и международная реакция ополчилась с оружием в руках против страны рабочих и крестьян. Белогвардейские банды царских генералов, блокада, интервенции, голод, заговоры и измена в тылу, — все было двинуто врагами трудящихся против социалистической республики советов. Бывали месяцы, когда границы советского государства сжимались под натиском белогвардейских банд вокруг Москвы и Петрограда. Без хлеба, без угля, отрезанная от всего мира, сражалась советская республика на бесчисленных фронтах гражданской войны за свободу, за счастье трудящихся, за социализм. В архангельских лесах, в снегах Сибири, в степях Украины, Дона и Кубани, на равнинах Царицына и других фронтах победоносные полки революции громили колчаковских, деникинских, юденинских, врангелевских белогвардейцев и армии интервентов. Под гениальным руководством Ленина и Сталина росла и выросла в грозную силу рабоче-крестьянская Красная армия, выковывались железные кадры командиров, сплывались стальные ряды регулярных красных дивизий и корпусов. Бесславно провалился «поход 14-ти держав» на советскую республику, враги трудящихся жестоко просчитались: на четвертый год гражданской войны последние остатки белогвардейщины были брошены в Черное море могучим натиском красных героев Перекопа.

Прошло двадцать лет. История целиком подтвердила гениальный прогноз Ленина, высказанный им в работе «Удержат ли большевики государственную власть?». Социалистическое государство рабочих и крестьян стоит незыблемо, как гранитная скала, могучее и непобедимое, сильное безграничным доверием и беззаветной преданностью многомиллионной семьи народов СССР. История целиком подтвердила пророческие слова товарища Сталина на VI съезде партии о том, что «именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму». Сейчас не только рабочие всех стран, но и лучшие представители мировой интеллигенции твердо знают, что Октябрьская революция и социалистическое строительство в СССР знаменуют собой величайший поворот всей человеческой истории от капиталистического рабства к социализму. Рабочий класс всего мира убедился в колоссальном преимуществе планового социалистического хозяйства СССР, не знающего безработицы и кризисов, над прогнившей капиталистической экономикой, с ее варварской растратой производительных сил, опустошительными кризисами, хронической безработицей и нищетой миллионов масс. Все ярче, как призывный маяк, возвышается над всем миром Страна советов, указывающая единственно верный путь к свободе, к счастью трудящимся и угнетенным всех стран.

Двадцать лет советской власти! За это двадцатилетие многонациональный Советский союз, под руководством ленинско-сталинского Центрального комитета, стал могучей социалистической державой

Величественны достижения строительства социализма в СССР. Столетиями неисчислимые природные богатства огромной страны лежали под спудом или хищнически эксплуатировались буржуазно-помещичьей верхушкой царской России. Советская власть, руководимая партией Ленина — Сталина, преобразила лицо страны, выявила и обратила на потребу народных масс новые гигантские запасы полезных ископаемых — угля, нефти, железной руды, цветных металлов, минеральных удобрений, сломала традиционные границы и зоны хлебных и других растительных культур, связала железнодорожными, морскими и воздушными путями отдаленнейшие районы с центрами социалистической индустрии. Промышленность царской России была на привязи у иностранного капитала, российская буржуазия зверски выжимала пот из рабочих, обрекая их на голодание, болезни, темноту. В корне изменилось лицо промышленности за двадцать лет советской власти. Волею большевиков, энтузиазмом и героическим трудом рабочих масс, СССР из отсталой аграрной страны превратился в страну мощной социалистической индустрии, вооруженной по последнему слову новейшей техники, располагающей многими десятками крупнейших в мире промышленных предприятий. Во всем мире известны гиганты сталинских пятилеток — Магнитогорск и Кузнецк, Краматорск и Уралмаш, Молотовский и Сталинский автозаводы, Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные, могучий Днепрогэс и многие десятки металлургических, химических, машиностроительных заводов, мощных шахт, электростанций и т. д. Второе место в мире и первое место в Европе заняла продукция нашей социалистической промышленности — таков итог индустриализации СССР, осуществленной в годы сталинских пятилеток. Десятки новых промышленных районов, новых городов с сотнями тысяч населения выросли за годы пятилеток. В недрах социалистической промышленности партия и советская власть выпестовали мощное движение социалистического соревнования и ударничества и высшую его форму — стахановское движение, являющее миру новую, невозможную при капитализме, производительность труда, труда свободного, ставшего делом чести, славы, доблести и героизма.

Ушла в прошлое и дореволюционная деревня. Свыше двадцати миллионов мелких и мельчайших крестьянских наделов, истощенных и неурожайных, опутанных густой сетью налогов, недоимок, банковских процентов; тройная кабала помещика, кулака и царского чиновника; повальные эпидемии, невероятная детская смертность, безграмотность, господство религиозных предрассудков, неуклонное обнищание, — такова была горькая жизнь крестьянства при царском строе. В результате победоносной политики индустриализации, обусловившей техническое перевооружение сельского хозяйства, в результате правильной ленинско-сталинской политики в отношении крестьянства миллионные массы деревни повернули с вековых путей нищеты и отсталости на путь передового механизированного колхозного земледелия. В 1910 году в деревне было свыше 10 миллионов сох, косуль и деревянных плугов — такова была «машинowoоруженность» дореволюционного крестьянского хозяйства. Сейчас поля колхозов обрабатывают свыше 350 тысяч тракторов, около 100 тысяч комбайнов, десятки и сотни тысяч других сельскохозяйственных машин. Только в условиях советского строя возможен был такой скачок в течение нескольких лет от варварской «техники» индивидуального крестьянского двора к механизированному передовому хозяйству колхозов. Поставленная товарищем Сталиным задача — добиться ежегодного урожая зерна в 7—8 миллиардов пудов против 4—4,5 миллиарда в «лучшие» дореволюционные годы — уже воплощается в жизнь, о чем свидетельствует рекордный урожай юбилейного 1937 года.

Великая Октябрьская Социалистическая революция — первая в истории подлинная народная революция, давшая возможность народным массам вкушать плоды своей победы над эксплуататорами. С каждым годом становится жизнь миллионов рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции все более зажиточной, радостной, счастливой. Неуклонный и быстрый рост материального благосостояния трудящихся масс есть неотъемлемая черта развития советской социалистической экономики. Сталинская забота о человеке лежит в основе политики партии и советского правительства. Только за годы второй пятилетки почти в два с половиной раза вырос народный доход. Более чем вдвое выросла продукция промышленности, производящей предметы потребления. Систематическое снижение цен принесло только за 1935 и 1936 годы экономии населению в 10 миллиардов рублей. Фонд заработной платы рабочих вырос с 1932 года в два с половиной раза и достиг огромной цифры в 78,3 миллиарда рублей. Покупательная способность населения отразилась в 100 с лишним миллиардах оборота торговой сети по Советскому союзу за 1936 год. Колоссальны затраты советского государства на культурно-бытовое обслуживание трудящихся. Эти огромные средства, составляя неотделимую часть бюджета трудящихся, увеличивают их благосостояние. Одни только пособия беременным и роженицам с 25 миллионов рублей в начале первой пятилетки выросли до 1145 миллионов рублей в 1937 году. На просвещение государственный бюджет тратил в 1925/26 году 559 миллионов рублей, а в 1936 году — 13,4 миллиарда рублей. СССР стал страной самой высокой рождаемости, страной сплошной грамотности, страной необычайного расцвета высшего образования, науки, искусства, физической культуры. Советский союз обладает самой мощной в мире сетью школ, библиотек, клубов, советский театр и кино стали достоянием колхозной деревни, нигде не издаются в таком объеме, как в СССР, произведения классиков мировой литературы, нигде нет такой безудержной тяги миллионов к науке и знанию. Советская страна уже имеет сотни тысяч инженеров, агрономов, врачей, педагогов, работников науки и искусства из среды рабочего класса и крестьянства. Из недр народа встают новые сотни тысяч и миллионы талантливых людей, лишь при советской власти получивших возможность всестороннего роста и развития, показывающих всему миру образцы преданности делу трудящихся, образцы героизма, высокого мастерства в труде и творчестве. Недаром гремит во всем мире слава сталинских соколов — Громова, Чкалова и их товарищей, победивших холодные просторы Арктики, недаром величайшее уважение вызывает во всех странах героическая четверка зимовщиков Северного полюса. Не случайно советские музыканты, физкультурники завоевывают первые места в международных соревнованиях, не случайно триумфальными были поездки за границу мхатовских мастеров сцены и замечательного красноармейского ансамбля песни и пляски. Советский союз является миру могучий расцвет новой, невиданной в истории, культуры социализма.

Величайшим завоеванием социалистической революции, результатом правильной ленинско-сталинской национальной политики партии является братский союз десятков народов, населяющих территорию СССР, расцвет культуры каждого из этих народов, национальной по форме, социалистической по содержанию. Царская Россия была подлинной «тюрьмой народов». Полное бесправие «инородцев», беспощадная насильственная руссификация так называемых окраин, кровавые расправы и издевательства царских сатрапов сочетались с удесятеренной эксплуатацией российским помещиком, купцом, промышленником многочисленных народностей от Памира до побережья Ледовитого океана. Советское государство положило конец национальному гнету и бесправия, выкорчевало до конца расовую ненависть и национальную рознь, закрепило узы равенства, братства и дружбы всех народов, населяющих великий Советский союз. В национальных советских республиках и областях, хозяйственное и культурное развитие которых искусственно тормозилось царским режимом, выросли новые центры крупной промышленности, перестроено на колхозных началах и механизировано сельское хозяйство, развернулось гигантское культурное строительство. Нерушимый братский союз трудящихся СССР без различия расовой и национальной принадлежности уже давно стал символом братства народов всего мира.

Советский союз приходит к своему двадцатилетнему юбилею, располагая могучей, славной, непобедимой Красной армией, вооруженной по всем требованиям современной военной техники. Красная армия — плоть от плоти и кость от кости народных масс, начиная от рядового красноармейца и кончая железным наркомом обороны, первым маршалом Советского союза тов. Климом Ворошиловым. Красная армия — гордость народов СССР. Связь Красной армии с широчайшими массами трудящихся — основа ее мощи, ее успехов в боевой подготовке, ее непобедимости. На всех рубежах великого Советского союза непоколебимо стоит стальной стеной рабоче-крестьянская Красная армия, являющаяся мощным орудием мирной политики страны социализма и в то же время готовая ответить сокрушительным ударом на

удар фашистских поджигателей войны. Красная армия, вооруженные силы Советского союза — одно из величайших завоеваний двадцатилетия советского государства.

Жизнь в Советском союзе стала зажиточной, радостной, красочной, счастливой для всей семьи народов СССР. Этими величайшими завоеваниями социалистического строительства наша страна обязана правильной ленинско-сталинской политике нашей партии, признанного авангарда трудящихся СССР и всего мира. Начиная с подготовки и осуществления вооруженного восстания и кончая построением социалистического общества, наша партия, руководимая своими гениальными вождями Лениным и Сталиным, оставалась непримиримой к классовому врагу и его агентуре, ни на минуту не прекращала борьбы с ними. Двадцать лет советской власти были годами настоящего сплочения рядов партии на принципиальной основе ленинско-сталинской политики, годами решительного очищения ее рядов от контрреволюционных троцкистско-бухаринско-рыковских шпионов и предателей, буржуазных националистов и других негодяев, пытавшихся по указке контрреволюционной буржуазии и фашистской реакции реставрировать капитализм в СССР. Партия неустанно мобилизовала миллионы трудящихся на дело разоблачения врагов народа и их беспощадного искоренения. Только благодаря верности нашей партии принципам ленинизма, только благодаря гениальному руководству великого вождя народов товарища Сталина, Советский союз пришел к двадцатой годовщине как страна победившего социализма, ликвидировав эксплуататорские классы и успешно разгромив их продажную троцкистско-фашистскую агентуру, несмотря на все ее гнусные ухищрения и маскировку. Классовая бдительность к проискам врага, безаветная преданность великой партии Ленина — Сталина и советской власти, умение оберегать социалистическую собственность, как зеницу ока, подлинный советский патриотизм, любовь к социалистической родине, — таковы черты, которые воспитывала и воспитывает наша партия в каждом своем члене, в каждом непартийном большевике. В этих свойствах большевиков — партийных и непартийных — залог непобедимости страны социализма.

Двадцатый год советской власти ознаменован принятием и проведением в жизнь великой сталинской Конституции. Сталинская Конституция — подлинная хартия свободной счастливой жизни для трудящихся — достойным образом увенчивает борьбу нашей партии за торжество дела социализма в нашей стране. Подготовка к выборам в Верховный совет СССР, протекающая накануне двадцатилетней годовщины, выявляет гигантский подъем политической активности и творческого энтузиазма народных масс Советской страны. Она свидетельствует еще и еще раз о том, что советская власть, завоеванная в героические дни Октября, есть кровное дело всех трудящихся СССР.

Постановлением Центрального исполнительного комитета СССР 12 декабря 1937 года объявлено днем выборов в Верховный Совет Союза ССР. Это вызвало новый подъем энтузиазма в миллионных массах трудящихся нашей замечательной родины. На фабриках, шахтах, железных дорогах, в колхозах Советской страны, — всюду развертывается праздничное трудовое соревнование, посвященное двадцатилетию Великого Октября и предстоящим выборам в Верховный Совет СССР. Вся страна показывает в эти дни огромный рост политической активности и сознательности масс, готовность их избрать в верховные органы Советского союза лучших людей страны, проверенных, до конца преданных партии и правительству, партийных и непартийных большевиков сталинской закалки, способных до конца бороться за дело коммунизма и беспощадно разоблачать и искоренять врагов трудящихся. В дни выборной кампании в верховный орган СССР народы Советского союза демонстрируют свою глубокую любовь партии и советской власти и благодарность любимому вождю и другу трудящихся всего мира — товарищу Сталину.

Уже первые предвыборные собрания рабочих, колхозников, служащих с огромным подъемом, с чувством любви и благодарности называли имя желанного кандидата всего народа в Верховный Совет СССР — Иосифа Виссарионовича Сталина, гениального продолжателя дела Ленина, великого вождя трудящихся, человека, который весь свой гений, всю свою неограниченную волю, весь свой пламенный большевистский энтузиазм отдает делу победы социализма, делу счастья трудящихся во всем мире. За именем великого Сталина идут имена его верных соратников — Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Андреева, Ежова, Микояна, Чубаря, Хрущева, имена знатных людей страны, стахановцев-орденоносцев заводов, мастеров колхозных полей, верных сынов социалистической родины. На всех этих собраниях сказывается со всей силой тесная связь беспартийных с коммунистами, величайшее доверие и поддержка трудящихся масс своей родной партии Ленина — Сталина.

Знамя советов гордо реет над одной шестой частью мира. Это знамя олицетворяет лучшие идеалы человечества, сокровенные мечты трудящихся и угнетенных всех стран. Это знамя, знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, победит во всем мире!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТВОРЕЦ КОНСТИТУЦИИ
СЧАСТЛИВОГО СОВЕТСКОГО НАРОДА!

Фото А. Морозова.

Вся страна с величайшим воодушевлением готовится к выборам в Верховный Совет СССР.

Пошлем в Верховный Совет доблестных патриотов, непоколебимых борцов за дело Ленина—Сталина, за счастье рабочих, крестьян, служащих и интеллигенции, за честь и славу великой социалистической родины!

Акад. И. М. Губкин

ВСЕНАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК

На Чрезвычайном VIII съезде советов, делая доклад о проекте конституции, товарищ Сталин сказал: «Конституция нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, угодные и выгодные трудящимся».

Много хороших, «угодных и выгодных трудящимся» порядков закрепила в действительности великая хартия вольностей могучего советского народа.

Пройдите по Москве и сравните «век нынешний и век минувший».

Какое огромное количество прекрасных школ, светлых и комфортабельных домов выросло сейчас на улицах Москвы. Эти новые школы — для наших детей, которые растут под ласковым солнцем нашей прекрасной родины.

Сталинская забота о детях, их воспитателях, учителях, о качестве самой учебы дала уже прекрасные всходы и Конституция закрепила этот «угодный и выгодный трудящимся» порядок, дав всей молодежи нашего Союза право на образование.

Вот перед нами одна из старейших улиц Москвы — Моховая. А на ней — старейший русский университет, детище великого Ломоносова.

Раньше на этом храме науки рядом с памятником первому русскому материалисту — Михаилу Васильевичу Ломоносову был начертан лозунг поповского мракобесия: «Свет христов просвещает всех». Лозунг, прикрывавший позорное невежество, в котором царское правительство держало талантливый русский народ, давший науке, несмотря ни на что, таких гениев, каким был Ломоносов.

Великий Октябрь стер этот лозунг и начертал великие слова: «Наука — трудящимся!».

Мы знаем, что неграмотных у нас больше не будет. А ведь не так далеко время, когда количество грамотных в нашей стране было ничтожно. До революции как-то попробовали составить карту с указанием процента неграмотности по разным областям. Темным цветом покрывали места, где неграмотность была наибольшей, и оказалось, что всю Россию надо покрыть темной краской. Лишь кое-где оставались просветы.

Почти символически выглядел освещенный университет на фоне окружающих его тусклых домов, казарм старой Москвы.

Продолжим наше путешествие. Вот старая Калужская улица, я — ее постоянный житель. На Калужской улице были трактиры, питейные заведения. Теперь все по-другому. На площади, на месте бывшего Мещанского училища, сейчас раскинулись большие корпуса пяти высших учебных заведений: Института им. Сталина, Сельскохозяйственного института, носящего тоже это великое имя, Института цветных металлов, Нефтеинститута и т. д. Это все институты, которые готовят кадры для нашей тяжелой промышленности.

На новой Калужской улице разместились научные учреждения. Академия наук развернула свои филиалы, базы, лаборатории, научно-исследовательские учреждения по всей Москве и по всему Советскому союзу — в Ленинграде, Тбилиси, на Дальнем Востоке, в Средней Азии.

Великая сталинская Конституция закрепила право на образование для всех трудящихся и открыла широкий свободный путь каждому к науке и знаниям. Кончается рабочий день и раскрываются двери вечерних курсов, старики-отцы идут в школы, чтобы догнать своих детей, они соревнуются с детьми в овладении наукой, их охватила жажда знаний. Это стремление к науке чувствуется всюду, на всех бескрайних просторах нашей страны.

Везде наука неразрывно связана с жизнью. Десятки миллионов трудящихся нашей прекрасной родины непосредственно увязывают свою повседневную работу с наукой.

Разве наши замечательные пятисотницы на полях Украины, Северного Кавказа не являются передовыми, научными работниками? Разве не являются ими десятки тысяч мичуринцев, опытников и т. д.? А разве Алексей Стаханов не научный работник? Такие Стахановы и Кривоносы улучшают и поднимают промышленность и сельское хозяйство нашей счастливой родины.

«Кадры решают все», — сказал наш гениальный учитель товарищ Сталин, — и у нас будут кадры в неограниченном количестве. Мы знаем, что троцкисты, бухаринцы, все эти шпионы и диверсанты и вредители старались тормозить подготовку кадров. Они создавали гнусную теорию о том, что у нас перепроизводство специалистов. Этим они стремились опорочить нашу родину, задержать победоносное шествие социализма в нашей стране. У нас нет и не может быть перепроизводства, ибо тем наше государство и отличается от капиталистического, что оно требует постоянного пополнения технических кадров, работников культурного фронта, ибо наша страна все больше и больше развивает свое строительство. Вредители и фашистские шпионы получили по заслугам. И мы выкорчем всех врагов, которые попытаются затормозить социалистическое строительство нашей прекрасной родины.

Сталинская Конституция — это надежный оплот дальнейшего бурного расцвета всей страны и социалистической науки. Всего два месяца назад, на XVII сессии Международного геологического конгресса мы перед всем миром демонстрировали успехи нашей геологической научной работы. Наши достижения в области геологии на этом конгрессе были признаны всем миром. Кому же мы обязаны всеми этими успехами? Этими успехами мы обязаны нашей партии, нашему правительству, которые создали такие условия для научной работы, каких нет ни в одной стране мира. Великие идеи марксизма-ленинизма освещают нам наш путь, расширяют наш горизонт.

Предстоящие выборы в Верховный совет возлагают на нас большую ответственность. Мы должны приложить все силы, чтобы в Верховный совет были избраны действительно лучшие представители нашего советского многомиллионного и многонационального народа. Мы, научные работники, должны заняться пропагандой идей великой сталинской Конституции.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1937

ДЕКАБРЬ

1937

12

ШЕСТОЙ ДЕНЬ ШЕСТИДНЕВКИ

*День выборов
в Верховный Совет
СССР*

ВСЕ НА ВЫБОРЫ

В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР!

Песня

Ленин и Сталин. Барельеф работы скульптора Н. Василия

Пройдя испытанье каленьем,
Становится прочным металл.
Отцов поколение Ленин
В октябрьских боях закалял.

Тебе, кузнецу нашей мощи,
Салют отдаем и поклон,
Неся через Красную площадь
Несметную силу знамен.

Мы облик привыкли любить твой
С младенчества, с детских садов.
Еще не бывали мы в битвах,
Но каждый на подвиг готов.

И если, враждой ослепленный,
К нам лапы протянет фашизм,
Мы гордо подыдем знамена
За волю, за счастье, за жизнь!

Страхнули мы тяжесть вчерашних
Отживших понятий и слов,
Как наши высокие башни
Страхнули двуглавых орлов.

И так же, как ты гениален,
Как ты, прозревающий даль,
В горниле строительства Сталин
Сумел закалить нас, как сталь!

Якуб Колас

Стране советов

Отзвенели унылые звоны,
Забурели, поникли кресты —
Знаки злой темноты.
Новый край разметал все препоны,
И ручьи побежали по склонам,
Орошая земные пласты.

В диких чащах дремучего леса,
Среди тинистых, топких болот —
Удивляешься — что ни год:
Оживают луга повсеместно,
Загораются зори чудесно,
Освещая великий поход.

И играют ветра-самогуды
На высокой струне проводов,
На гитарах столбов,
Что бегут, как гонимы, с Осипбуда¹,
Чтоб рабочему вольному народу
Привет передать хоть без слов.

¹ О с и п б у д — Осинстрой.

Шум строительных дней не смолкает
У станков и в просторах земли.
Слышны песни вблизи и вдали.
Так уверенным строем шагает,
К счастью, к радости путь пролагает
Настоящий хозяин земли.

Не узнать Беларусь нам сегодня, —
Разогнулся трудящийся люд.
Грохот, шум, гомон, гуд...
Стяг победы невиданной поднят...
А за Неманом — тяжкие стоны,
А за Неманом — тюрьмы да кнут.

Так позволь же, краинна родная,
Твой приветствовать мощный разгон.
Песню-быль, сказку-сон.
А погибшим за счастье народа,
За отчизну рабочих, свободу —
Мой печальный и низкий поклон!

Перевел с белорусского
Александр ЧАЧИКОВ

В. И. Ленин и И. В. Сталин с красногвардейцами в Смольном, 1917 год. Рис. худ. П. Васильева
Центральный музей В. И. Ленина.

Л. Никулин

Октябрьская ночь

Широкоплечий человек в картузе и солдатской ватной куртке постучал в окошко деревянного дома на Средней Пресне. Никто не ответил. Он терпеливо стоял у окна, прислушиваясь к отдаленным звонкам трамвая, поглядывая в ночное небо и зарево огней Брестского вокзала. Подождав минут пять, он снова постучал в окно. Открылась форточка и всхлипывающий женский голос произнес:

— Погоди, Григорий Иванович.

Хлопнула ободранная, вся в клочьях войлока дверь, и вышел парень в штатском пальто, в шляпе и с трехлинейной винтовкой на веревке через плечо. За ним шла пожилая женщина в платке.

— Анна Егоровна, — сказал стучавший в окно, — поцелуйте сынка и ложитесь-ка спать, Анна Егоровна.

Мать обняла сына, затем старший, названный Григорием Ивановичем, осторожно обнял женщину за плечи и повел к двери.

Как только захлопнулась дверь, оба ушли. Мать ушедшего парня погасила свет и легла. Форточку она оставила открытой, хотя уже наступили прохладные октябрьские ночи.

Тем временем сын Анны Егоровны Ваня Редечкин и член районного совета Григорий Иванович Казаков торопливо шли мимо Зоологического и продолжали разговор, начавшийся на Средней Пресне.

— Полностью наша школа называлась «Ремесленное училище товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры в Москве». По мысли господ Прохоровых, училище должно было конкурировать с ремесленной школой Морозова в Орехове.

Тут рассказывавший замолчал. Он и Ваня Редечкин остановились, пропуская шедший довольно стройно, в ногу красногвардейский отряд. Красногвардейцы поднимались в гору, в сторону Кудринской площади.

— Слушаешь, что ли? — продолжал Григорий Иванович.

— А как же.

— Родоначальник фамилии Прохоровых, Тимофей Васильевич, в своем сочинении «О богатении» высказал такую мысль: «Богатство допустимо иметь в том случае, ежели оно употребляется на помощь обездоленным или ежели оно способствует духовно-нравственному совершенствованию людей». Вот почему потомки почтеннейшего Тимофея Васильевича основали ровно сто лет назад училище, в которое отбирались смышленные крестьянские дети, обучались закону божьему и ремеслам во славу Трехгорной мануфактуры. Есть даже такая книжица, описывающая заслуги рода Прохоровых. Константин Прохоров любил искусства, умел шить башмаки и искусно оде-

вал кукол. А нынешний хозяин кончил университет и ездит за границу. Однако, по примеру предков, завел большой церковный хор и ездит на Пресненские пруды глядеть кулачные бои. Особо отличавшимся в сокрушении ребер ближнего своего дарит из собственных рук красненькие. Попрежнему гложут «барабанщики», а работники стригального цеха болеют туберкулезом и заживо гниют в знаменитых прохоровских «спальнях»...

Григорий Иванович замедлил шаг и пошарил в карманах, разыскивая табак и спички. Распахнувшиеся полы куртки обнаружили у пояса тяжелый морской кольт.

— По этой причине трехгорцы-дружинники в пятом году геройски обороняли Пресню — «единственный уголок на земле, где царствует рабочий класс», как было сказано в последней нашей прокламации. Учеников в училище Прохорова было семьдесят, а после декабрьского восстания осталось полсотни. Прочих расстреляли в пятом же году. Кормили их в училище, главным образом, кашей, почему они у вас на Пресне называются «кашниками». Обороняли Пресню от пехоты, кавалерии и артиллерии четыреста с лишком человек. У шмитовцев, мамонтовцев, железнодорожников были маузеры и винчестеры, у кашников и трехгорцев — бульдоги и смит-вессоны.

Ваня Редечкин подтянул веревку, резавшую

плечо, и положил руку на холодный ствол винтовки.

— Умирали героически. После февраля разбегались мы бумаги охранки. Нашлись списки. «Иван Михайлович Вожков. Боевой дружинник. Что-либо показывать не желает». Рядом крестик, что означает расстрел, и подпись: «Поручик Аглаимов». На четвертушке бумаги десять фамилий и десять крестов, — тут тебе и протокол следствия и смертный приговор.

Голос Григория Ивановича пресекся. Он остановился и несколько мгновений смотрел в темноту, как бы увидев занесенные снегом, спиленные телеграфные столбы, опрокинутые вагоны конки, баррикады из бочек, сорванных с петель ворот и вывесок. И силуэты солдат в башлыках и бескозырках.

— И как сказано было в нашей прокламации: «Мы начали. Мы кончаем. В субботу ночью разобрать баррикады и разойтись всем далеко... Да здравствует борьба и победа рабочих!».

Девятнадцатилетний Ваня Редечкин уважительно посмотрел на своего спутника. В шепоте негромком голосе Ивана Григорьевича появились влажность и теплота.

Они приближались к районному совету. На перекрестке, где обычно стоял милиционер, теперь оказались три солдата и двое с винтовками в штатских пальто, подпоясанных солдатскими ремнями.

— Свои, — сказал им Григорий Иванович, — член совета Казаков и красногвардеец Иван Редечкин. Да здравствует борьба и победа рабочих!

В четвертом часу ночи в форточку, которую оставила открытой Анна Егоровна Редечкина, влетел отдаленный грохот: нестройный ружейный залп. Опять, как в пятом году, поднималась Пресня.

Ленин в Смольном в октябре 1917 года. Картина худ. В. Хвостенко

Джамбул

Народный певец-импровизатор
Казахстана, орденоносец

Сла-Тау

В орлиных просторах большой высоты,
Как чалые кони, вздыбились хребты, —
Над всем Джетысу поднялся Ала-Тау,
Исполнен величия и красоты.

Снега на вершинах мерцание льют.
Косматые тучи нашли там приют.
Они, золотясь при закате, клубятся
И тайны жемчужных вершин стерегут.

С покрытых снегами и льдами громад
Кипит, низвергается, бьет водопад, —
Гремит валунами и пеной играет,
Из радужных брызг одевая халат.

Снега и орлы высоко в небесах,
А ниже — дремучих лесов полоса.
Зеленые сосны звенящею хвоей
Поют свои дикие песни в лесах...

В садах под плодами ломается сук,
В них сочные яблоки, сладкий урюк,
В горах созревают пурпурные вишни,
Ковры земляники алеют вокруг.

В лугах, зеленеющих, как изумруд,
Джейраны и туры кочевье ведут,
Багровые лисы и снежные барсы,
Медведи и волки в ущельях живут.

В долине меж гор — под парящим орлом —
Густой синевою блестит водоем,
Веселые стаи играющей рыбы
Мерцают в воде голубым серебром.

На склонах трава от лучей золотá,
Луга в бирюзовых и желтых цветах,
А ниже в напевном журчанье арыков
Столица-красавица — Алма-Ата.

Богат Ала-Тау — в чалме изо льда,
Врагам он богатства свои не отдал:
Озера и руды, сады и джайляу
Отдал он героям борьбы и труда.

А там, за хребтом Ала-Тау, видна
Под облачным небом чужая страна,
Где горе гуляет по глиняным фанзам
И теплою кровью дымится война.

Джамбул с высоты озирает овраг,
Не скрыт ли там хитрый, озлобленный
враг.

Над белою войлочной юртой Джамбула,
Как пламя, колышется красный флаг.

С казахского перевел
К. АЛТАЙСКИЙ

НАША РОДИНА

Взлетают звезды над ковшами расплавленной стали, резцы снимают легкие стружки металла. Новорожденные тракторы и автомобили впервые трогают колесами землю, летчики ввинчивают в небо пропеллеры...

Привет тем, кто будет встречать праздник двадцатилетия в разгар своего творчества, — они имеют право на труд!

Светит солнце над тихим морем, широки террасы перед дворцами отдыха, пахучи цветы, сладки мандарины... Хороша поздняя осень на юге.

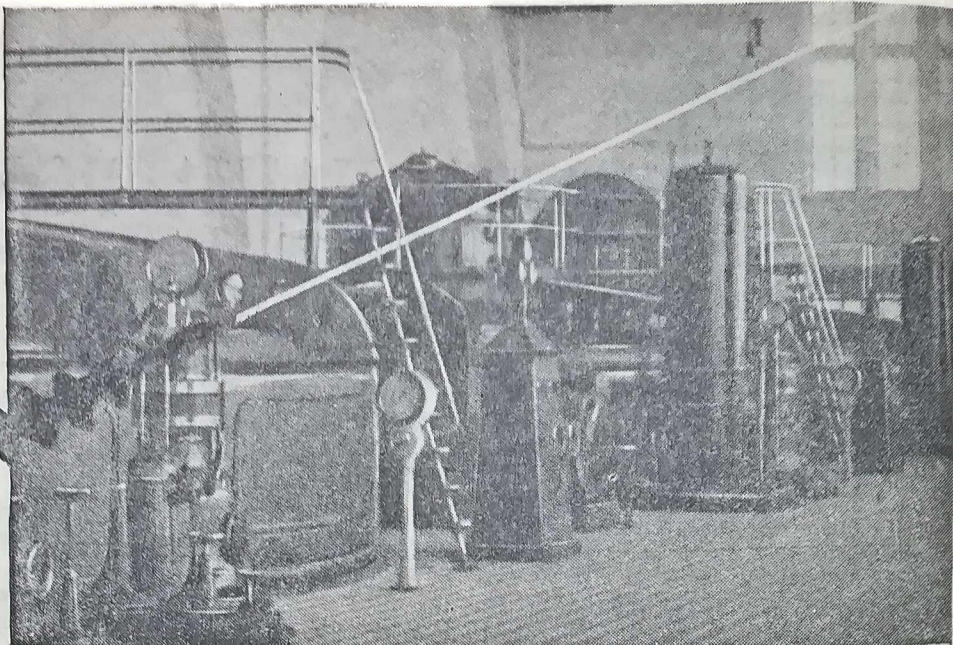
Привет и тем, кто встретит праздник под лазурным небом, в царстве солнца и морской свежести воздуха, — они имеют право на отдых!

Двадцать лет мы живем в новом мире — и одинаково молоды все, как молода наша родина.

От Северного полюса до льдов Памира, от Киева до Камчатки, — в стране, где не заходит солнце, двадцать лет развевается алый шелк знамен революции.

Мы отвоевали эти просторы от кащеев капитала, мы обстроили их и украсили, мы встали по их границам неприступной стеной обороны, — никто не отнимет у нас ни пяди нашей земли! Русские, украинцы, белоруссы, грузины, армяне, азербайджанцы, туркмены, узбеки, киргизы, таджики, казахи, татары, ненцы, ойроты и многие другие, — составили великий Союз, нерушимое братство навечно. Мы — советский свободный народ!

Возле одной из этих мачт электропередачи произошел однажды такой незначительный случай. Проезжал крупный иностранный консультант, вдруг он приказал остановить машину, вышел в поле и стал глядеть. Мачты уходили по прямой через поля, вправо и влево, до горизонта. Казалось бы, ничего особенного.

— Очень интересно! — сказал консультант. — В нашей стране мы могли бы сделать эти мачты из нержавеющей стали, но никогда не смогли бы протянуть их, как по удару хлыста, прямо. Это поразительно!

В стране был еще голод, границы еще пылали огнем войны, но Ленин и Сталин поставили вопрос об электрификации, как вопрос генеральный.

Великое переустройство страны началось с первых шагов советской власти. Над трибуной в Большом театре засверкала огнями карта будущих электростанций, VIII съезд советов единогласно утвердил программу ГОЭЛРО.

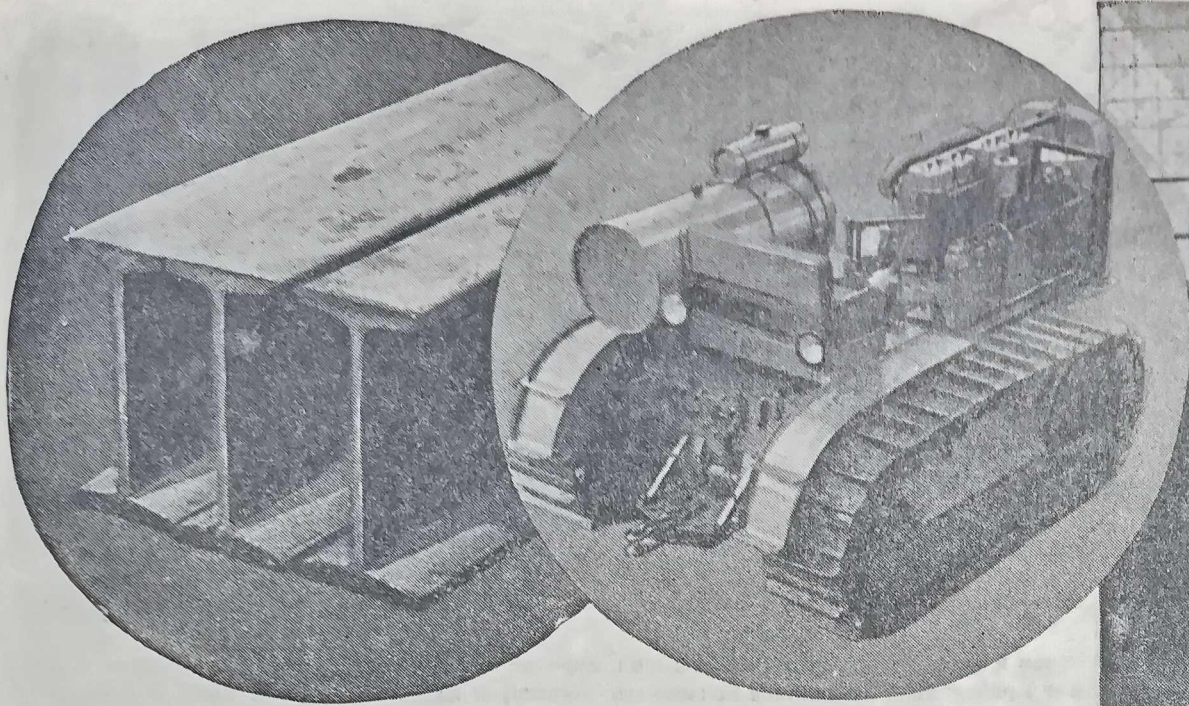
Насмешками встретил буржуазный Запад первые деррики на Волховстрое. А Иван Гаврилович Александров уже докладывал проект электрического гиганта на Днепре. И когда американские инженеры увидели, что такое сила свободного труда, они не смогли сдержать своего удивления.

«Мы видели бетонирование в различных частях света, — писал консультант Днепростроя Томсон, — но впервые кому-нибудь из нас приходилось наблюдать бетонную лавину».

К XV годовщине плана ГОЭЛРО, к 1936 году, мощность всех районных электростанций в два с половиной раза превысила предположение ленинского плана.

Так был положен энергетический фундамент социализма.

Величие Ленина раскрывается перед нами каждый день. Каждый шаг наш на историческом пути показывает нам, насколько гениальны были его предназначения.

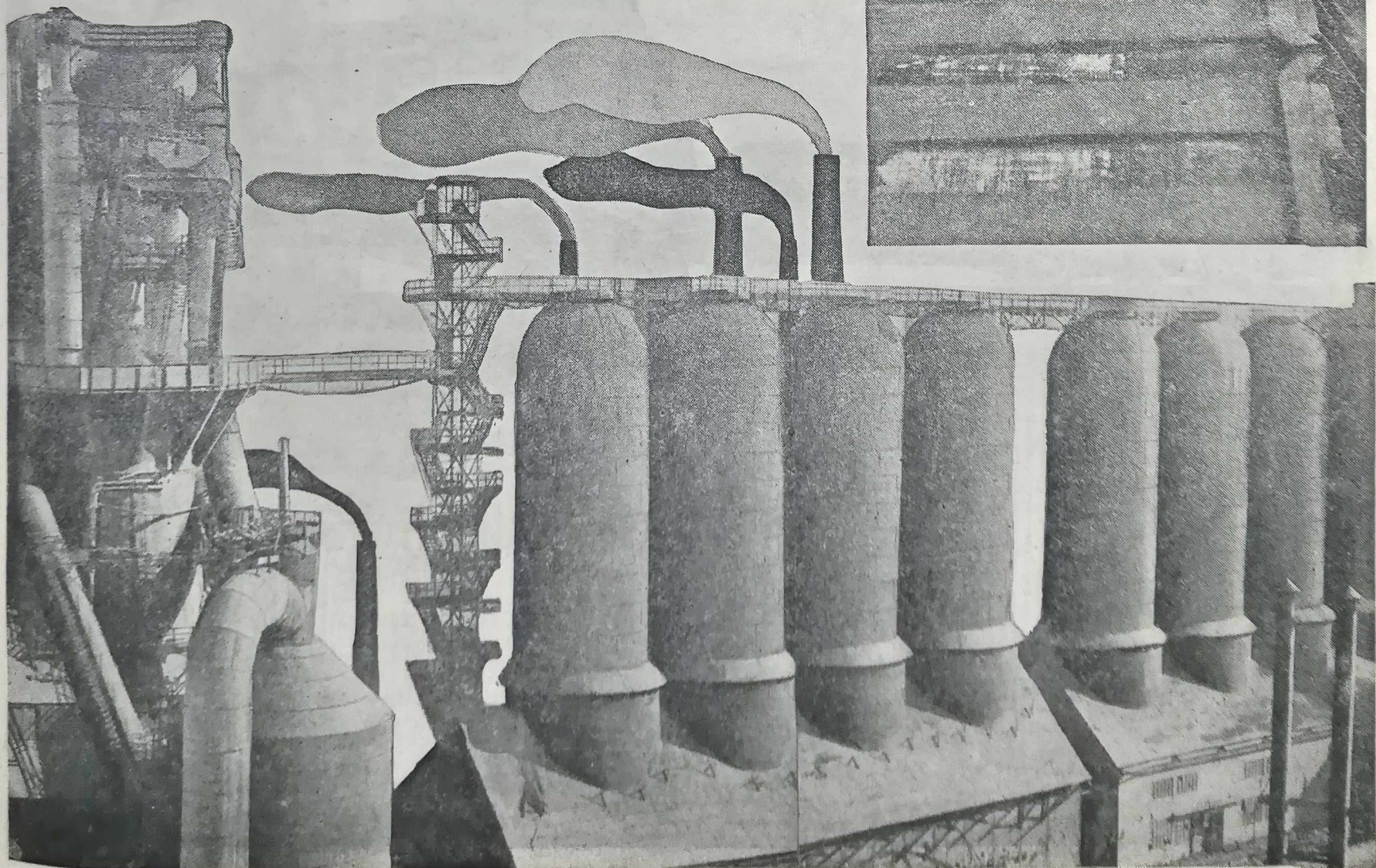
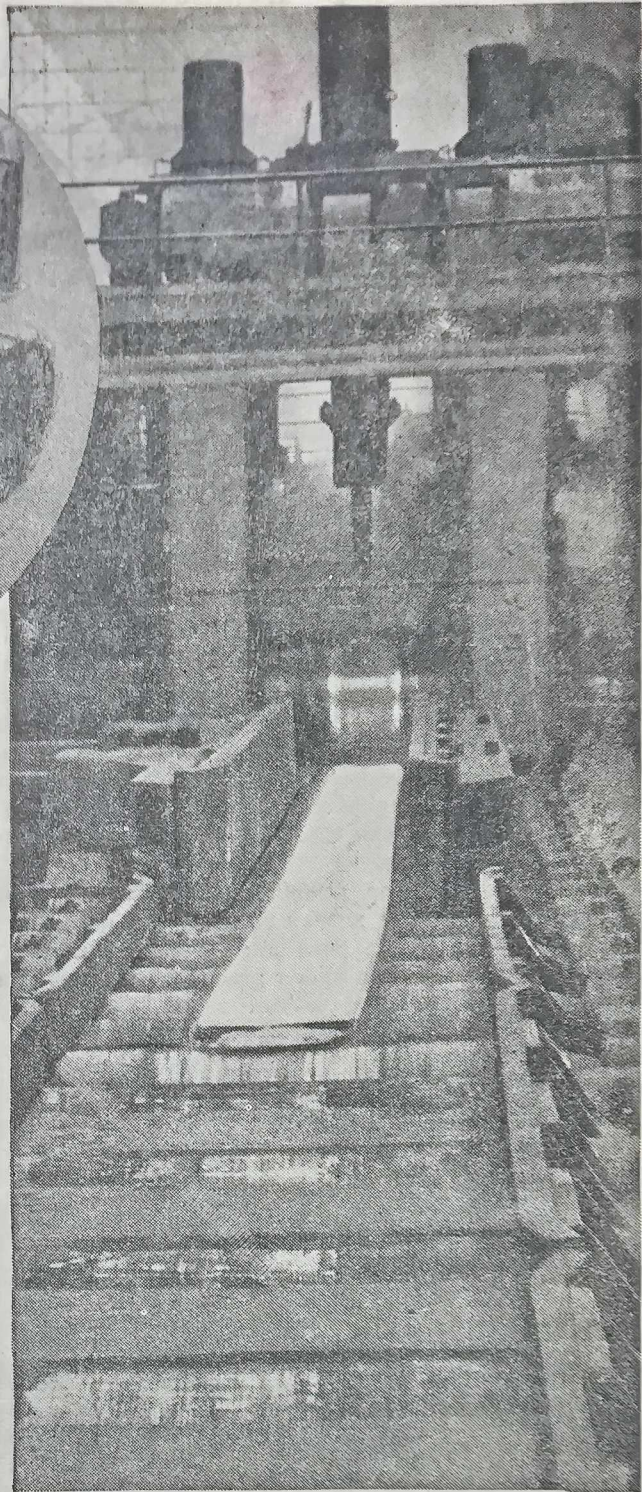
На VIII Всероссийском съезде советов Ленин делал доклад о деятельности Совнаркома. Это было в конце 1920 года, и уже тогда, в эпоху, когда гражданская война еще не была кончена, а страна находилась в архитяжелом положении, — он предвидел нашу историю на десятки лет вперед. Тогда, в 1920 году, он сказал:

«Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали, и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную» (Собр. соч., т. XXVI, стр. 46—47).

В этом и были заключены два основных, два грандиозных движения последующих лет — индустриализация и установление колхозного строя в сельском хозяйстве СССР.

Чтобы добить капитализм, надо было ликвидировать его в деревне. Надо было сельское хозяйство превратить в крупное обобщественное хозяйство, а без машин этого нельзя было сделать. Надо было создать в СССР мощную промышленность.

Наш народ ответил на призыв партии, на слова Сталина таким пламенным трудовым подъемом, что даже самые смелые планы оказались превзойденными, и обе пятилетки были выполнены с превышением. СССР стал страной металла и машиностроения.

Все, начиная от чертежей самолетов и кончая алюминием и сталью для фюзеляжа и мотора,—делается в нашей стране, нашими рабочими и инженерами. А ведь авиапромышленность—вершина современной техники, и по высоте ее судят об уровне индустрии в стране.

Необозримые пространства Союза покорены крыльями советских аэропланов. Авиалинии протянулись более, чем на 95 тысяч километров. Десятки тысяч тонн груза, сотни тысяч пассажиров переносит по воздуху наш аэрофлот.

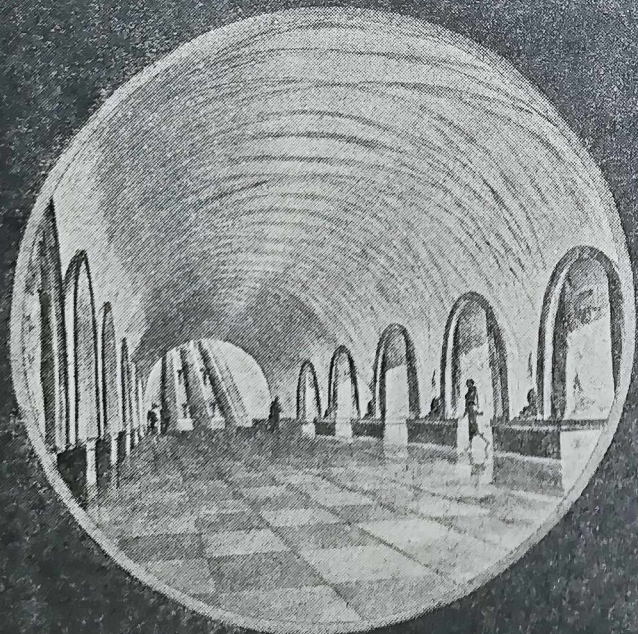
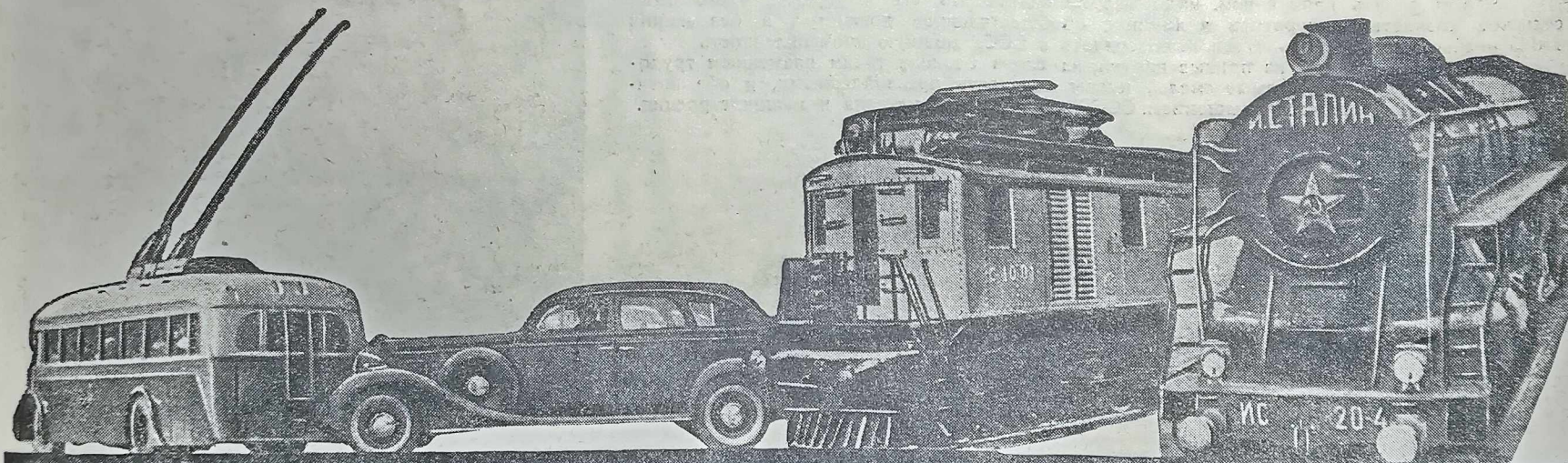
От стратосферы до глубин земли осваивает свою страну ее новый, социалистический хозяин.

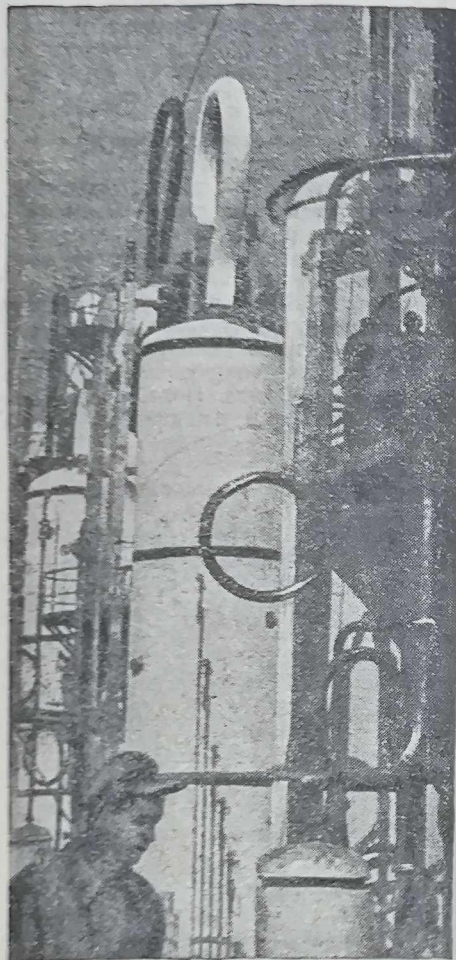
Редкие железные дороги в мире так насыщены движением, как дороги СССР. А ведь за время революции мы построили более 10 тысяч километров новых железных дорог.

Ни один город мира не имеет такого метро, как Москва. А ведь техника подземного транспорта насчитывает у нас всего несколько лет со дня своего рождения.

Нигде и никогда автостроение не возникало так внезапно: ведь до начала пятилеток мы почти не умели делать новых автомобилей. Автобусы, троллейбусы, великолепные семиместные лимузины—их сложнейшее производство родилось на наших глазах в последние годы.

Только социализм мог дать силу такому гигантскому прогрессу. На деле доказали мы, что труд человека наиболее продуктивен тогда, когда он движется не шкурными интересами кучки богачей, а разумной волей миллионов свободных людей.

«Земля, ее недра, воды, леса... являются всенародным достоянием.»

Сколько протора в этих скупых словах Сталинской Конституции! Куда ни глянет око,—все принадлежит тебе, свободный человек! Владей, бери полной мерой все, что нужно тебе для счастливой жизни.

Железо таится в глубинах твоей земли, каменный уголь сохраняет для тебя тысячелетние запасы солнечного тепла, нефть—черная кровь земли, ждет твоих буров, чтобы брызнуть фонтанами и потечь в моторы твоей страны, превратиться в энергию.

Ничья хищная рука не перехватит у тебя плодов твоей работы, глаза стяжателя не следят за твоими усилиями, подсчитывая будущие барыши.

Советская нефть!

Она помогает и нашему хозяйству и нашей славе. Все тракторы колхозных полей живут нефтью и все аэропланы героев Союза движутся ею.

Ленин первый дал путевку советской нефти на мировой рынок.

Сталин первый создал план грандиозной реконструкции Бакинских и Грозненских промыслов.

Степан Шаумян и еще 25 героических комиссаров советского Баку жизнью своей заплатили за освобождение Азербайджана.

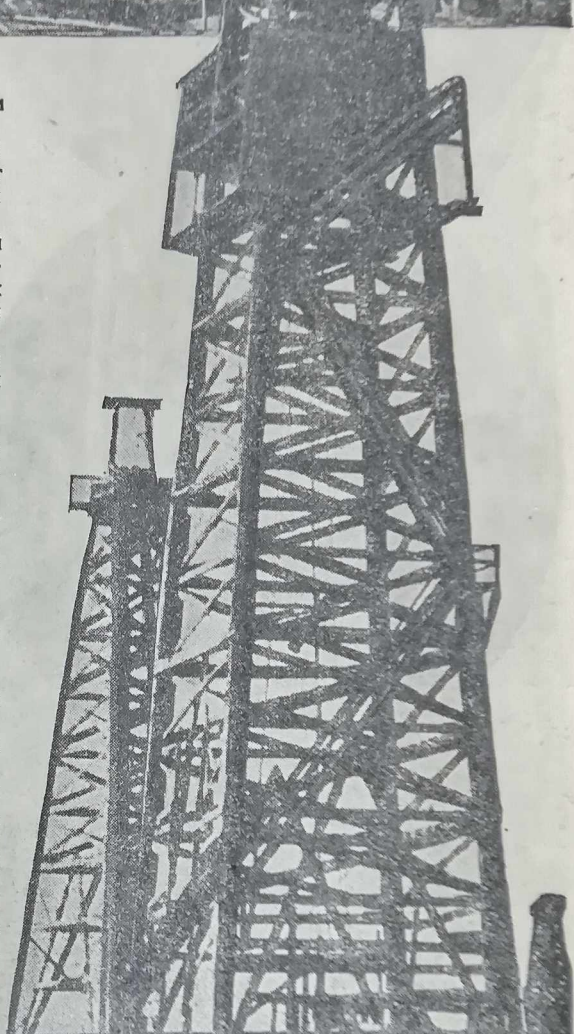
Киров осуществлял этот план освобождения.

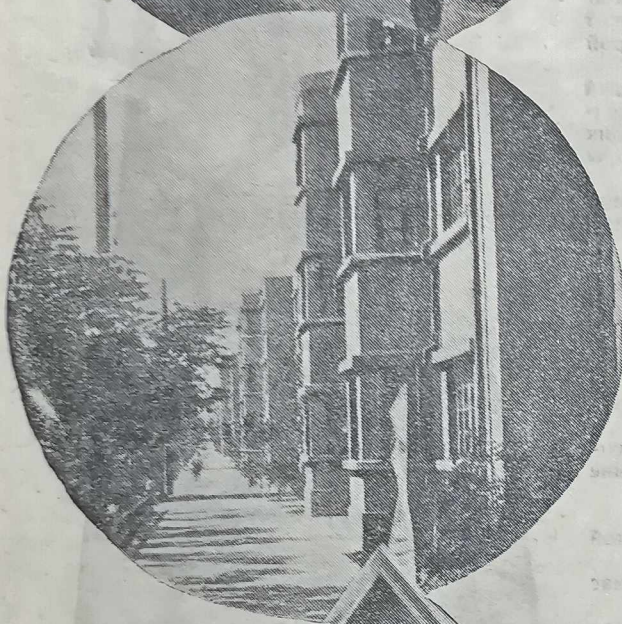
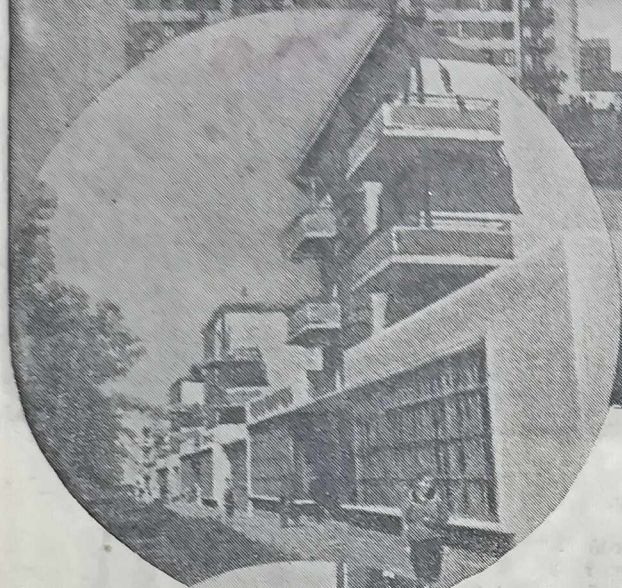
Серго Орджоникидзе руководил созданием нефтяной промышленности Союза.

С советской нефтью связаны самые дорогие для нас имена.

С советским углем связано зарождение стахановского движения. Здесь, в мерцающих черным блеском шахтах, рядовой шахтер кинул клич всему рабочему классу Союза—воплотить полностью все возможности, которые несет в себе свободный творческий труд.

Свинец, марганец, медь, олово, цинк, редкие металлы—все есть у нас в изобилии, а главное—есть у нас люди, которые хотят и умеют пустить это все в дело на общую пользу, на счастье всего народа.

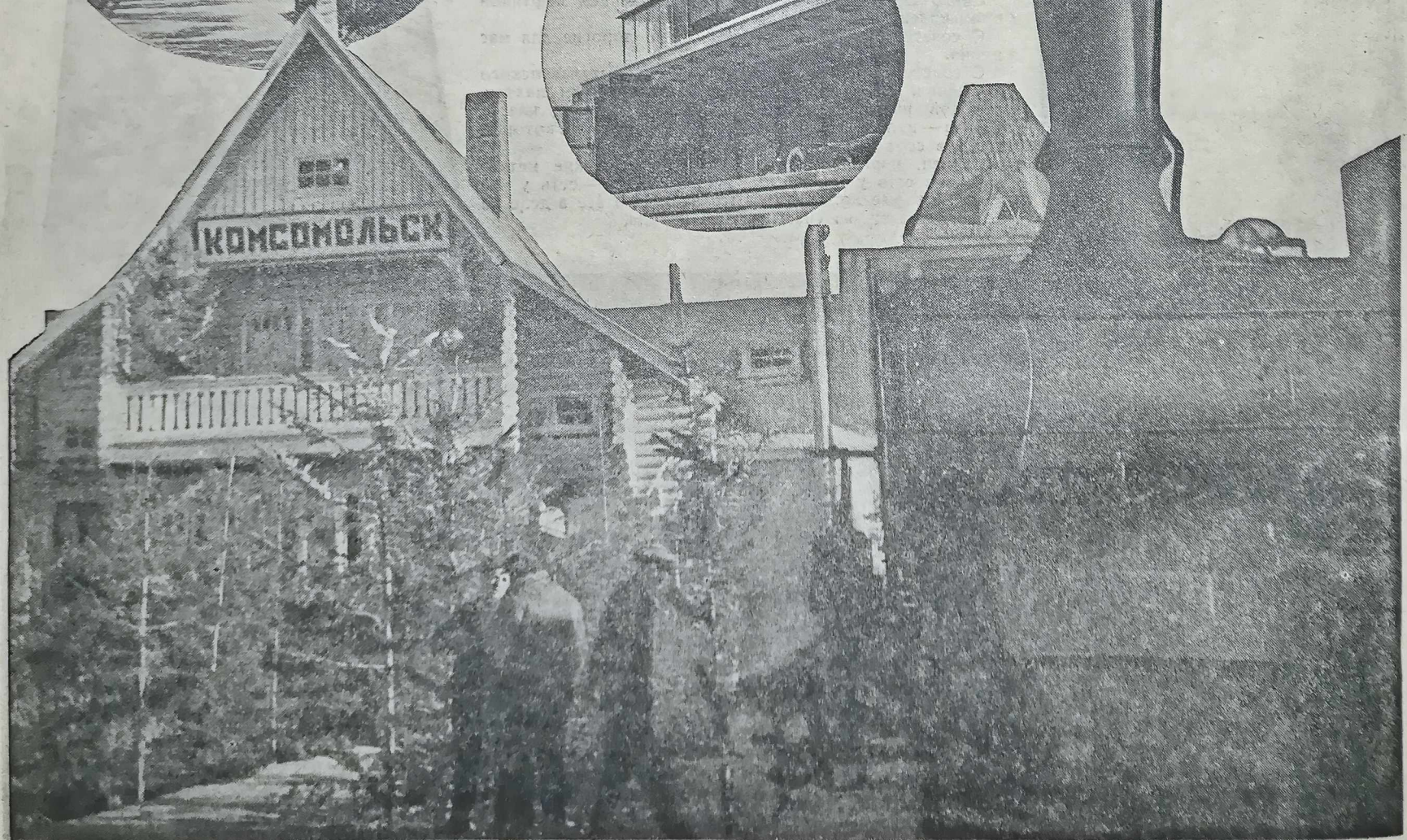
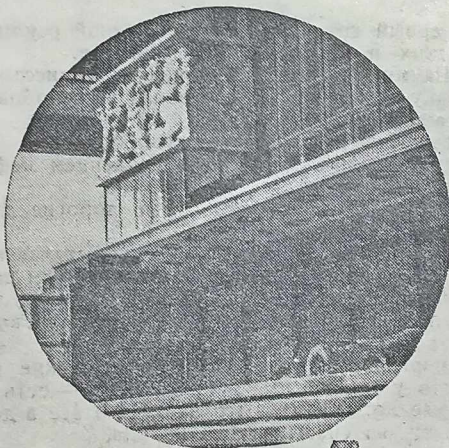
Более 43 процентов населения СССР родились уже после великого Октября. Наша рабочая молодежь и не помнит, как и где жили отцы. Они жили в городах — да, это верно. Но город — такое же широкое понятие, как страна или даже планета. И в городах есть свои пустыни и свои дебри, города делились на районы дворцов и районы трущоб. Рабочие жили в трущобах. В 1912 году в Москве свыше 300 тысяч рабочих и их семей занимали только койки, в лучшем случае ютились в каморках. На одну комнату в среднем приходилось по 11 человек! Холодные подвалы и чердаки, зловонные, темные норы, жилища — без мебели, кровати — без белья, — вот в каких «городах» жил пролетариат России.

Революция начала с того, что, выбросив тунеядцев из их золоченых гнезд, отдала города трудовым людям. Уже от этого одного города стали иными.

Но с ними произошло и другое превращение. Никто уже не мешал отныне перестраивать их так, чтобы сделать красивыми и удобными. И масштаб этих перестроек говорит о размахе, который возможен лишь в стране социализма.

Если Москву нельзя было перенести на Волгу, то Волгу привели в Москву. Вместо «заплатных» мер по городскому транспорту, сразу была решена вся проблема строительством метрополитена. Грандиозный план реконструкции был определен во всех деталях на многие годы и осуществляется неуклонно.

Наряду со столицей растут сотни других городов Союза. Появились и новые города. Возникла новая архитектура, новые принципы планировки, новые формы обслуживания населения.

Великий путь прошла индустрия нашей страны, но не менее удивительные изменения произошли и в сельском хозяйстве. Как и всюду, здесь преобразования технические неотделимы от политических.

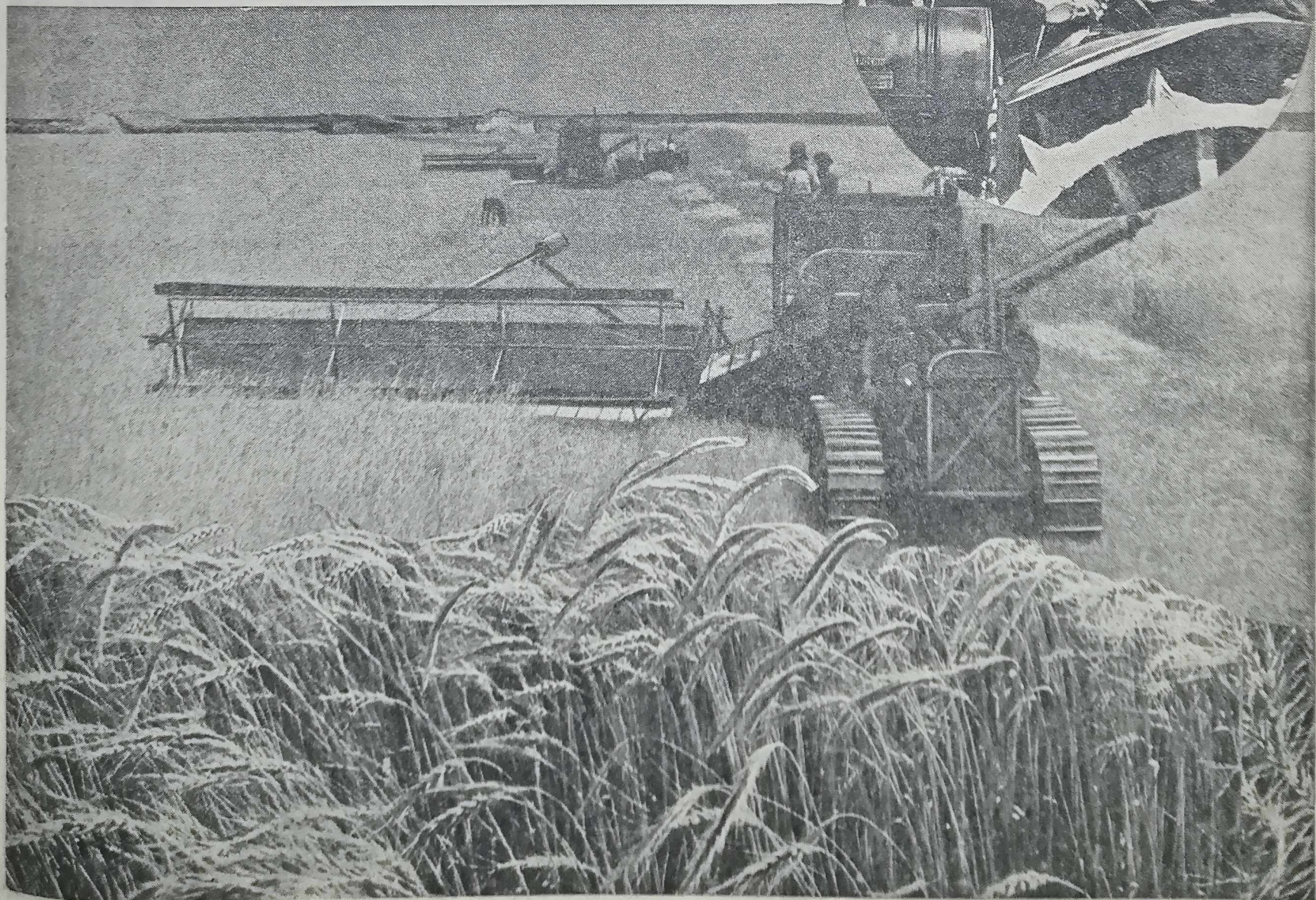
До Великой социалистической революции деревня была главной экономической основой России. Но она же славилась и как самая отсталая, самая технически не оснащенная и самая бескультурная ее часть.

Когда рабочий класс взял власть, он встретился в деревне с безбрежным морем мелких и мельчайших хозяйств, из которого, как из соленого раствора кристаллы, непрерывно выделялись новые и новые собственники и хозяйчики. В деревне за прочными заборами кулацких хуторов росли капиталисты и капиталистики... Но в ней же была и сила, готовая уничтожить все это: обездоленные бедняки, батраки, наконец, середняки. Однако кулацкая гибель была бы невозможна, если бы в этом сражении не участвовали «мирные танки» — тракторы, комбайны, машины, потому что коллективную обработку земли нельзя вести успешно сохой или даже конным плугом. Громадные площади общей земли только машинам под силу вспахать, засеять и убрать.

Но откуда было взять все это? Не за границей же закупать? Никаких денег нехватало бы для такого грандиозного импорта.

Значит, сначала надо было создать индустрию тракторов, комбайнов, автомашин. А ведь это и значило создать всю громадную промышленность, ибо трактор и автомобиль — результат металлургии, резиновой промышленности, медной, алюминиевой, стекольной, даже текстильной... Индустриализация страны была необходима не сама по себе, но как основа великого плана переделки всей страны, и в частности социалистической переделки деревни.

Теперь в селе народилось новое колхозное крестьянство — свободное, культурное и социалистическое.

Если бы авиатор вздумал лететь над СССР по картам, составленным до революции, — он заблудился бы. Он запутался бы в новых ориентирах — железных дорогах, мостах, шоссе, городах, заводах и даже новых реках и озерах, которых не было двадцать лет назад. Все новое в нашей стране, а новое всего — мы сами.

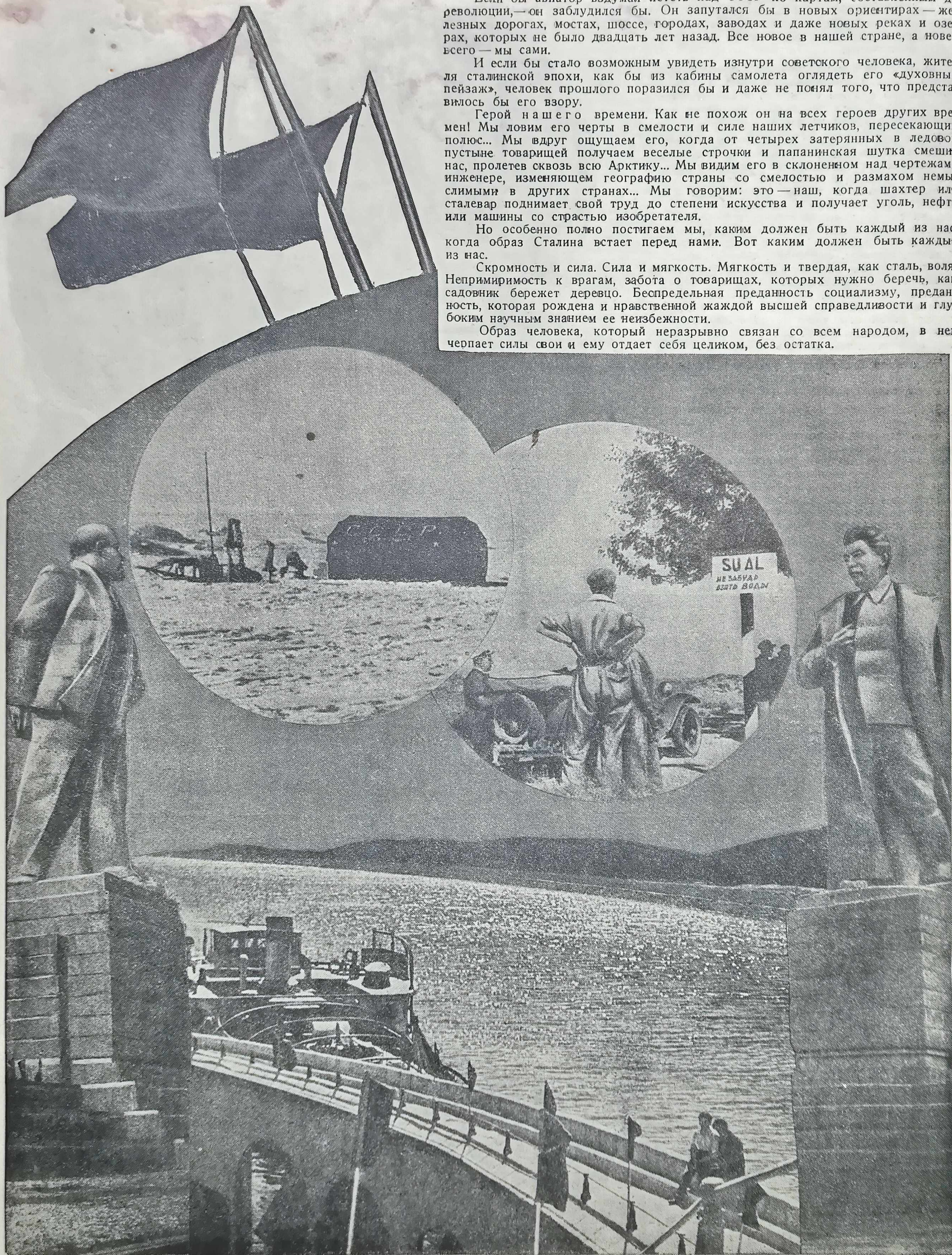
И если бы стало возможным увидеть изнутри советского человека, жителя сталинской эпохи, как бы из кабины самолета оглядеть его «духовный пейзаж», человек прошлого поразился бы и даже не понял того, что представилось бы его взору.

Герой нашего времени. Как не похож он на всех героев других времен! Мы ловим его черты в смелости и силе наших летчиков, пересекающих полюс... Мы вдруг ощущаем его, когда от четырех затерянных в ледовой пустыне товарищей получаем веселые строчки и папинская шутка смешит нас, пролетев сквозь всю Арктику... Мы видим его в склоненном над чертежами инженере, изменяющем географию страны со смелостью и размахом немислимыми в других странах... Мы говорим: это — наш, когда шахтер или сталевар поднимает свой труд до степени искусства и получает уголь, нефть или машины со страстью изобретателя.

Но особенно полно постигаем мы, каким должен быть каждый из нас, когда образ Сталина встает перед нами. Вот каким должен быть каждый из нас.

Скромность и сила. Сила и мягкость. Мягкость и твердая, как сталь, воля. Непримируемость к врагам, забота о товарищах, которых нужно беречь, как садовник бережет деревцо. Беспредельная преданность социализму, преданность, которая рождена и нравственной жаждой высшей справедливости и глубоким научным знанием ее неизбежности.

Образ человека, который неразрывно связан со всем народом, в нем черпает силы свои и ему отдает себя целиком, без остатка.

ОКТАБРЬ НА ЭКРАНЕ

7 октября 1917 г. у пригородного петроградского полустанка остановился прибывший из Финляндии поезд № 75. Идет холодный серый дождь. По скользким доскам перрона, осторожно переставляя длинные ноги, шагает офицер. Держа руку в кармане, он заглядывает в лица пассажиров. Он кого-то ищет. Выходы вокзала оцеплены юнкерами. Склонив фонари, караульные начальники проверяют документы у выстроившихся в очередь пассажиров.

Отцепленный от состава паровоз уходит к водокачке. Из будки паровоза вылезает человек в штатском. Он пожимает руку машинисту, говорит, слегка картавя: «Спасибо, товарищ!», и уходит в темноту.

Это Владимир Ильич Ленин. Ленин приехал из Финляндии, чтобы поставить в порядок дня вопрос о немедленном вооруженном восстании.

Временное правительство, возглавляемое Керенским, испытывает страх и смятение перед обманутым народом. Народ ждет Ленина. Временное правительство отдает приказ об аресте Ленина. Эсеровская организация взяла на себя труд ищек, решив не останавливаться даже перед убийством вождя народа.

Ленин вынужден скрываться на конспиративной квартире. На следующий же день Ленин увиделся со Сталиным. В течение четырех часов Ленин и Сталин обсуждают

план вооруженного восстания. А на крыльце дома сидит рабочий Василий, сжимая нагретый в руке теплый наган. Он один охраняет сейчас для революции жизнь этих двух людей.

Квартира на пятом этаже невзрачного дома питерской окраины стала штабом революции. Отсюда Ленин руководил подготовкой вооруженного восстания, не признавая усталости и того же требуя от товарищей. Лишь ночью, внезапно подняв озабоченное лицо, склоненное до этого над очередной статьей для «Правды», говорил:

— Нужно Сталину кашне, а то простудится. Только, пожалуйста, потактичней,—и ласково улыбался.

Местопребывание Ленина открыто шпионами. Ночью контрразведчики едут на грузовике, чтобы его арестовать. Шофер Григорьев, героически жертвуя собой, срывает выполнение преступного замысла.

Ленин идет вместе с рабочим Василием к Смольному. Весь город в боевом напряжении. Еще одно препятствие. Конный разезд. Офицер направляет коня на Ленина, Василий загоразживает Ильича собой.

Ленин открывает дверь в актовый зал Смольного. Кажется, что произошла катастрофа. «Ленин! Ильич! Ленин!» — кричит весь зал стоя. Кричат неистово, страстно. Это крик победы. Люди кричат, аплодируют. Люди в солдатских шинелях, бушлатах, рабочих ват-

Фильм «Восстание». В роли В. И. Ленина народный артист Союза ССР Б. Щукин

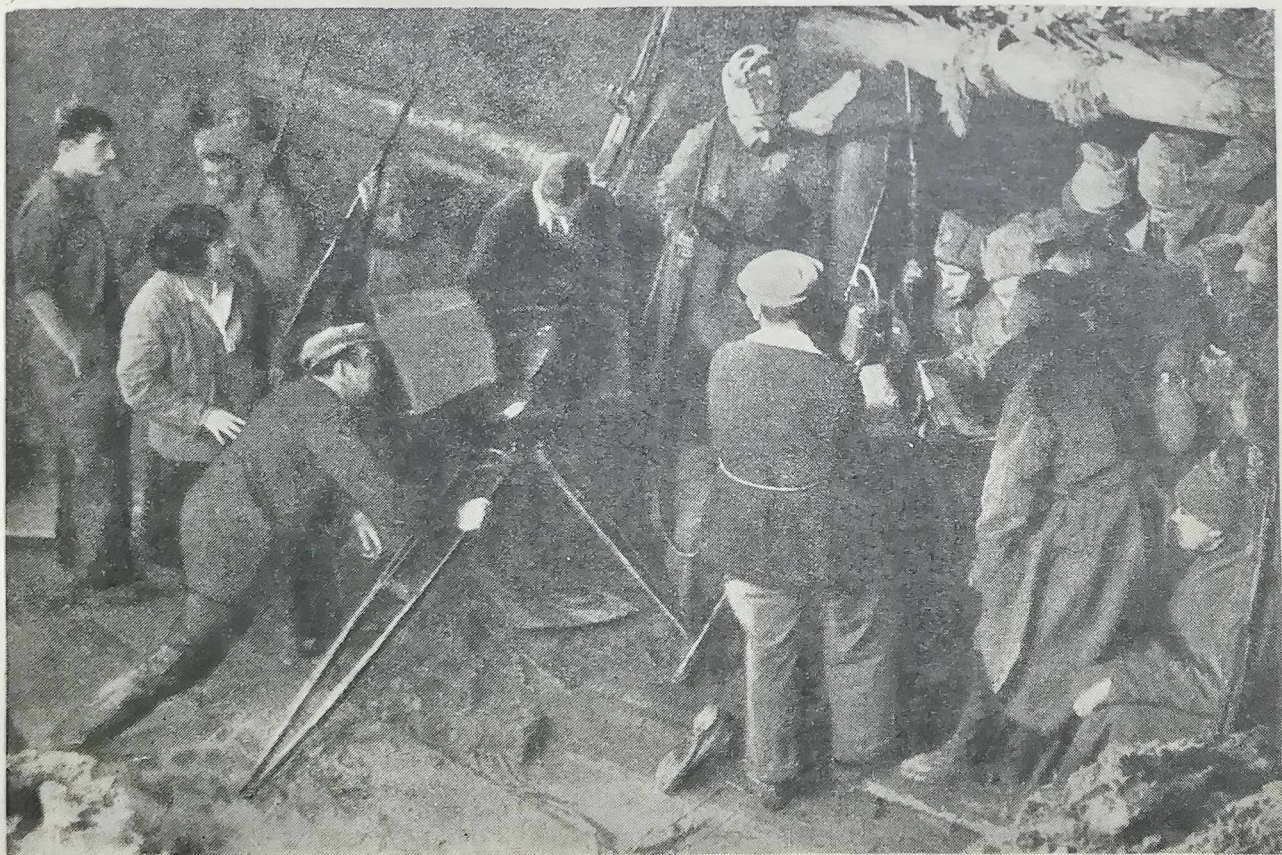

Съемка эпизода — раздача оружия рабочим

Фото А. Капустянского и А. Аракелова

Матросы читают письмо Ленина. Кадр из фильма «Восстание»

Съемка эпизода в окопах. Солдат-агитатор читает газету «Рабочий путь» со статьей Ленина
Фото А. Капустянского и А. Аракелова

никах. Вбегает мокрый, потный, со сбившейся на затылок папашой, с винтовкой за плечами фронтовик Иван. Расталкивая всех локтями, он пробирается вперед, к самой трибуне, и останавливается, влившись жадным взглядом в Ленина. Он смотрит на Ильича долго, пылливо разглядывая, какой же он, Ленин, и потом вдруг торжествующе кричит: «Обыкновенный!».

Кажется, никогда не смолкнут овации, зал продолжает бушевать. За окном глухо и гулко вздохнули орудия. Ильич улыбается. Рядом Сталин.

— Товарищи. — говорит Ильич, выбрасывая вперед правую руку, — рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!

Тема великих Октябрьских дней, Ленина, Сталина есть и будет извечной темой искусства. Эта тема не может быть исчерпана до конца никогда.

Автор сценария «Восстание» взял самый трудный период времени — предоктябрьские дни, когда Ленин-трибун, народный вожь, отрезан от народа стенами конспиративной квартиры. Но эта «ограниченность» места действия позволила сценари-

В. И. Ленин и рабочий Василий. В роли Ленина — народный артист Союза ССР Б. Шукин;

сту сосредоточить все свое внимание на приказе и раскрытии внутренних качеств Ленина.

Ленинская жизнь не дробится на большие и малые дела. Ленин был всегда самим собой, даже в самых незначительных поступках. Только Ленин мог заметить, что рабочий, принесший ему извещение о дне заседания ЦК, не спал двое суток. И Ленин категорически требует, чтобы этот человек немедленно лег спать. Сталин может простудиться — это тревожит Ильича. Самоотверженная доброта, нежность, заботливость о людях, внутренняя чистота всего существа Ленина, весь он является для нас замечательным образцом большевика.

Понятно, с каким волнением приступил коллектив киноработников к работе над фильмом «Восстание».

Картину снимает режиссер М. Ромм. Главный оператор — Б. Волчек, роль Ленина ведет народный артист СССР Б. В. Шукин.

М. Ромму посчастливилось видеть В. И. Ленина. Первый раз это было в двадцатом году. Девятнадцатилетний красноармеец в гимназической фуражке и лаптях.

М. Ромм был избран делегатом от роты на районную красноармейскую конференцию.

Делегаты, шумно рассевшись в здании кинотеатра, курили громко спорили, закусывали, — они привыкли к тому, что ораторы запаздывают. Неожиданно, в точно назначенное время, на эстраду вышел высокий военный, а вслед за ним — штатский. Военный громко сказал: «Слово предоставляется председателю Совнаркома Ленину».

Тишина. Затем ликующий гул. Ленин подошел к рампе и тотчас стал говорить. Люди замолкли.

Ленин говорил, искоса взглядывая в первые ряды. Он ходил вдоль рампы, засунув руки в карманы, говорил спокойно, размеренно.

Привыкшие к яростным выкрикам ораторов красноармейцы жадно слушали простую ясную речь. Ленин говорил о польской кампании; объяснял, почему Польша начала с нами войну, кому это выгодно и почему нужно, как можно скорее разбить оголтелых панов. Ленин говорил, ни разу не повысив голоса, изредка вынимая руку из кармана, чтобы сделать скупой пояснительный жест.

Красноармейцы уходили с конференции бесшумно и молча. Разговаривать было больше не о чем. Каждому стало ясно, что думать иначе, чем думает Владимир Ильич, нельзя. Нужно только скорее начать действовать.

Второй раз Михаил Ромм видел Владимира Ильича в художественном училище во Вхутеине.

Во Вхутеине шла жестокая борьба всяческих формалистических течений, кубистов, конструктивистов, каждый хотел стяжать себе право называться революционным новатором.

Неожиданно вечером в общежитие студентов пришел Владимир Ильич. Он сидел в студенческой комнате у окна, держа в руках жестяную кружку с морковным чаем. Студенты наперебой показывали Владимиру Ильичу свои полотна. В них было много дерзаний, но мало смысла.

Владимир Ильич, щурясь, разглядывал вывихнутые формализмом изображения. Вдруг на его лице появилась лукавая усмешка и, разведя руками, он сказал серьезно: — Простите, но я тут что-то ничего не понимаю.

Лица у студентов огорченно вытянулись. Ленин поднял голову, оглядел всех и вдруг рассмеялся дружелюбно, искренне, задорно. Он смеялся, расплескивая чай. И все почувствовали вдруг радость и облегчение.

Так смеялся Ленин.

Личные воспоминания, кропотливое изучение документов, мельчайшие детали, выплывающие в процессе работы над фильмом, — все это по крупицам создает живую фигуру Ленина, обстановку предоктябрьских дней.

Снимается сцена встречи Ленина с рабочим Василием, принесшим извещение о дне заседания ЦК. В фильме этот эпизод займет четыре минуты, а на съемку уходит целый день. Весь процесс съемки разбит на микроскопические доли, и при каждой новой репетиции рождаются все новые мысли и планы.

Рабочий Василий протягивает через порог руку Ленину. Внезапно поколебавшись, он делает шаг вперед. Он не хочет здороваться с Лениным через порог (это дурная примета, — к ссоре). На секунду в уголках глаз Ленина появляется усмешка, но Ленин понимает, что у этого преданного революции рабочего внутри еще есть предрассудки. Ничего, он с ними скоро расстанется. И Владимир Ильич делает вид, что он ничего не заметил.

А может быть, эту сцену нужно сделать иначе? Может быть, рабочий Василий, взволнованный свиданием с Лениным, ни о чем не думает, ничего не видит, кроме родного Ильича? Как лучше, как правильнее?

Огромного, напряженного труда потребовала от Б. В. Шукина работа над образом Ленина. Воспроизвести ленинскую походку, мимику, жесты, голос — ведь это еще не все. Главное — это проникнуть всем своим существом в образ Ленина, который бессмертен в сердцах народа.

Музей Ленина является для Б. В. Шукина лабораторией, где он изучает жизнь Владимира Ильича.

Б. В. Шукин работает ежедневно, неустанно, тревожимый сомнениями. Порой его охватывает мучительная неуверенность: так ли я говорю и на следующий день Шукин, склонившись, снова слушает речь Ленина, записанную на пластинку, и медленным шопотом повторяет слова.

Гримировка актеров ежедневно снимает два часа. А. Д. Ермолов сорок лет работает художником-гримером. В девятнадцатом году ему удалось видеть Ленина несколько раз в театре. Ленинское лицо запомнилось ему на всю жизнь. Ермолов рисует виденное по памяти. Он рисует, формируя с мастерством скульптора, тщательно, вдохновенно, огорчаясь и радуясь. И каждый раз нужно начинать снова. Ведь это не полотно, а чудесно измененное человеческое лицо. Ежедневно Ермолов испытывает муки художника, работа которого живет только несколько часов.

Б. В. Шукин спускается вниз, на съемку. И невольно при виде его испытываешь минутное смутение: внешнее сходство его с Лениным поразительно.

Скоро фильм «Восстание» увидят все трудящиеся Советского Союза.

В. К-в.

ОЙРОТСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ПЕСНЯ О ВОРОШИЛОВЕ

Милые долины! Хороши вы
Летом после шумного дождя!
Всякий знает Клина Ворошилова.
Нашей Красной армии вождя.

Никогда врагу не отдадим мы
Наших пашен, гор, родных полей.
Всякий знает, что непобедима
Армия рабочих и крестьян!

ПЕСНЯ О ПОГРАНИЧНИКАХ

Пограничники — зеленые фуражки.
Кожи сытые, шинели, сапоги.
У них ружья меткие и пашки,
Их боятся злые враги.

Пусть пурга бушует, проливные
Льют дожди. Зимой, в осенний мрак
На границе ходят часовые,
Не пройдет на нашу землю враг!

ВОЛКИ

Волк заметит каждое окошко,
Чтобы в стаду проползти во двор,
Враг заметит каждую оплошку
И пролезет к нам, как скользкий вор.

Злее волка и лисы хитрее,
Ядовитее любой змеи
Враг поганый!.. Он скрывать умеет
Волчью шкуру и клыки свои.

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Горы, степи, лес, поля и воды, —
Велика ты, родина моя.
Сколько рас, племен!.. И все народы —
Дружная, счастливая семья.

Счастье мы в боях завоевали,
Мы его не выпустим из рук.

Нас ведет любимый мудрый Сталин,
Наш отец, учитель, вождь и друг.

Счастливы трудящиеся люди
Необъятной родины моей.

Верим мы: такое время будет —
Заживет весь мир одной семьей!

Магросы «Авроры». Картина худ. К. Максимова

СССР — несокрушимая крепость социализма, величественный иранит, о который разобьются усилия любого врага подорвать нашу мощь. 12 декабря 1937 года — этот день покажет всему миру, что советский народ неусыпно стоит на страже материальных и духовных завоеваний Великой социалистической Октябрьской революции.

Коммунисты и беспартийные спланиваются еще сильнее в едином стремлении избрать в Верховный совет СССР лучших сынов и дочерей нашей родины.

Валентин Катаев

НЕМЦЫ¹

Прошел великий пост. Прошла пасха. Южная весна кончалась роскошно и уже сторонилась, уступая лету пыльную дорогу, заросшую по краям будяком и бледнорозовыми граммофончиками повилки.

И вот однажды бабы, выдиравшие из зеленого жита перекасти-поле и молочай, увидели на шляху трех человек в серых мундирах, с винтовками на ремне. Они шли в село.

Поровнявшись с бабами, окаменевшими от страха и любопытства, один из них, — по солидности, видать, ихний старшой, — приложил руку к бескозырочке блином, пошевелил задранными вверх усами тараканьего цвета, надул тугие щеки и низким басом буркнул нараспев, как из желудка:

— Мо-оэн!

— Бок помочь! — крикнул другой, приподняв над головой своей блин с круглой кокардой, малюсенькой, как точка.

Бабы упали в жито и, накрыв голову спидницами, кинулись утекать.

Прежде чем чужие солдаты добрались до кузни, все село уже знало, что пришли немцы.

Из-за плетней и палисадников, с призо и порогов смотрели сельчане вдоль улицы, скорее с любопытством, чем со страхом, на троих солдат с касками, привязанными сзади к толстым поясам.

Немцы шли посередине широкой деревенской улицы, поросшей кучерявой летней травкой в хоть и узких, но вместе с тем и мешковатых мундирах с расходящимся разрезом сзади и в толстых сапогах с двойным швом.

Судя по пыльным сапогам, порыжевшим от украинского солнца, и по ядовитым пятнам подмышками, было ясно, что немцы уже прошли верст не менее пятнадцати.

Время от времени они останавливались возле какого-нибудь двора, и тогда старшой прикладывал толстую руку к бескозырке, надувал щеки и бурчал нараспев:

— Мо-оэн!

После этого вперед выступал другой, повидимому, считавшийся у немцев знатоком русского языка, и, приподняв над головой блин, бодро кричал:

— Бок помочь, казайн. Добри ден! Как есть здесь итти находить деревенски рада, пожалуйста?

Но хозяин или хозяйка, а то и хозяин и хозяйка вместе, да еще в придачу с парой голопузых хлопчиков, уцелившихся за мамину юбку, смотрели на гостей с молчаливым любопытством.

Постояв немного у палисада, немцы шли дальше.

Так они вежливо ходили по селу часа полтора, пока им не попался старик Ивасенко, на двадцать верст кругом известный своим образованием и способностью поговорить по любому поводу до тех пор, пока у собеседника не заболит голова.

— Так что же вы хотите? — начал старик Ивасенко и, предвидя иностранный и длинный разговор, попрочнее установил локти на плетне. — Так что вы хотите, господа? Вы хотите знать место и пребывание, где находится сельское присутствие, или, теперь одно и то же, сельская рада?

— Так есть, — радостно кивнул головой знаток русского языка.

— Ше подождите радоваться, — строго заметил старик Ивасенко, который совершенно не выносил, чтобы его перебивали. — Ваше слово ще вперед. Так что же вы-таки хотите? — назидательно продолжал он, наслаждаясь плавностью и красотой своего слога. — Вы хотите, или, то же самое, вам треба явиться согласно воинского приказа до нашей сельской рады. Так я вам на это могу ответить только одно. Того сельского присутствия, или, то же самое, той сельской называемой рады у нас уже нема в помине с сего января месяца. Теперь вы можете спросить, где же оно, то же присутствие, или, то же самое, называемая рада? На это я вам отвечу так. Ее нема. Ее уже нема. Ее уже нема давно, потому что она благополучно кончилась, или, то же самое, разогнана сего месяца января. А ее место доси заступает присутствие, или, то же самое, но только теперь не называемое сельска рада, а называемый теперь также само сельска рада, но это уже совет рабочих и крестьянских и солдатских депутатов. А той рады, что вам треба, уже нема в помине. В помине нема уже той рады. Теперь. Вы хотите знать место и пребывание, где находится сельское присутствие, или, то же самое, теперь сельский совет. То на это я вам могу ответить одно, но только не сразу, а трошки подумав...

Немцы слушали-слушали, а потом, не дослушав, поправили винтовки и пошли себе дальше, шаркая тяжелыми сапогами.

Старик Ивасенко долго смотрел им вслед с ядовитой обидой в глазах и презрительно качал головой.

— И нехай. Когда они все такие умные, нехай шукуют сами. Нехай. Побачим.

Наконец, немцы кое-как добрались до сельсовета.

На камышевой крыше, рядом с аистом, стоявшим на одной ноге возле своего гнезда, они увидели похилившийся красный флажок, порядочно выгоревший на солнце.

Повидимому, это их очень удивило, так как старшой долго смотрел на флажок, потом надул щеки, высоко поднял брови и сказал жемудочным басом:

— О!

Затем они вошли в хату.

В хате, как всегда, окалачивалось много народа. Ремень в своем неизменном брезентовом пальто с капюшоном, которое он не скидал ни зимой, ни летом, как ни в чем не бывало сидел за столиком и старательно вырисовывал водянистыми чернилами ведомость на распределение клембовского сельскохозяйственного инвентаря между незаможными дворами.

— Бок помочь! — уже несколько утомленно, но все еще довольно бодро воскликнул знаток русского языка, снимая свой блин: — Добри ден.

С этими словами он строго обернулся лицом в угол и размахисто перекрестился слева направо на новенький московский цветной плакат, изображавший попа с лукошком яиц и стишками Демьяна Бедного:

«Все люди братья —
Люблю с них брать я».

После этого старшой произнес свое утробное «мо-оэн» и положил на стол бумагу, вынутую из внутреннего кармана.

— Битте.

— Пожалуйста, — перевел лингвист.

Ремень развернул добре-таки пропотевшую бумагу и прочел не торопясь вслух напечатанное на машинке по-русски требование начальника императорского и королевского соединенного отряда в трехдневный срок доставить на склад полевого интендантства тысячу двести пудов жита или пшеницы, двести пудов свиного сала, три тысячи семьсот пятьдесят пудов сена и восемьсот десять пудов овса. В случае невыполнения этого приказа виновные будут арестованы.

При общем молчании Ремень сложил бумагу вчетверо, провел по сгибу ногтем, твердым, как ракушка, сунул ее себе под локоть и снова, наморщив лоб, принялся вырисовывать ведомость.

— Альзо? — после длительного молчания сказал старшой.

— Герр унтер-офицер, — перевел знаток языка, — что есть по-русски господин унтер-офицер, имеет знать от вас, господин, ответ для герр обер-лейтенант.

— Скажи ему, что безусловно, — ответил голова, равнодушно продолжая лепить свои закорючки.

Старшой одобрительно кивнул головой, но затем строго надулся, поднял вверх тол-

¹ Орывок из повести «Я, сын трудового народа».

стый указательный палец и отрывисто произнес новое желудочное слово:

— Абер!

— Можешь не сомневаться, — сказал голова.

Немцы еще немного потоптались, суюсь по углам. Как видно, искали напиток. Но воды не нашли. Затем переводчик опять перекрестился на попу с лукошком и сказал общительно:

— Добри ден. Спокой ночи.

И, провожаемые молчаливыми взглядами, немцы вышли из совета.

На обратном пути они зашли в один двор напиться. Пока старшой с наслаждением купал усы в ведре ледяной криничной воды, знаток русского языка успел перемолвиться словечком с хозяйкой, подававшей это ведро.

— Немножко кушать, — сказал он, делая красноречивые жесты. — По-русски то будет: собаки так есть голодни, как мы.

Хотя еще совсем недавно сельчане единогласно подымали на митинге руки — ни в каком случае не давать немцам хлеба и гнать их чем попало вон с Украины, однако хозяйка по старой женской привычке пожалела солдатиков. Особенно пожалела она третьего из них — самого дохлого и маленького, с сухой морщинистой головкой черепахи и в круглых стальных очках, обмотанных ниткой.

Хозяйка сходила в хату и подала немцам на троих четверть буханки хлеба и порядочный шматок сала.

Ободренный удачей, знаток русского языка заходил по дороге из села еще в несколько дворов и там вступал в некоторые переговоры. Так что когда немцы проходили мимо кузни, на штыке переводчика уже болтался довольно увесистый узелок, связанный из чистого носового платка с красной готической меткой.

Те же бабы, половшие жито, видели, как немцы, выйдя из села, присели под курганом и поснидали. А поснидавши, достали чудачкие фаянсовые, украшенные переводными картинками пипки с длинными чубуками и зелеными кисточками, и сделали перекурку.

Потом они отправились дальше, причем старшой уже шел в расстегнутом мундире, под которым виднелась серая егерская рубаша с перламутровыми пуговичками, а также ладанка от насекомых. А дохлый в очках бабьим голосом спивал немецкие песни.

Одним словом, на селе немцы скорее понравились, чем не понравились. И о них забыли. Но ровно через четыре дня они появились снова и прямо направились в совет.

На этот раз совет был заперт на замок, а на двери имелась прилепленная житным мякишом записка: «Кому меня треба, то я нахожусь старостой на змовинах матроса Царева у хате Ременюков за ставком. Председатель сельского совета Ременюк».

Знаток языка читать по-русски отнюдь не умел, и немцы стояли перед запертой хатой в некотором затруднении.

Но тут недалеко, за ставком, им явственно послышались звуки скрипки, гармоники и бубна. Немцы посоветовались и побрели по направлению музыки. Обогнув ставок, они сразу наткнулись на палисад, в котором происходили змовины, матроса Царева с Любкой Ременюк.

Матрос пировал широко. Хата не вместила гостей. Столы поставили во дворе. Ременюк хотя и был занят выше горла, все же не мог отказать матросу. Голова сидел на видном месте с посохом и с полотенцем на рукаве и нетерпеливо вел змовины, следя, чтобы все делалось по правилам.

Старшой немец подошел ближе к столу, в упор выкатил на председателя глаза светлые, как пули, страшно надулся, двинул усами и гаркнул по-немецки так, что со стола свалилась ложка.

— Герр унтер-офицер спрашивает, — объяснил переводчик, — где есть должные продукты?

— Якие продукты? — сказал голова.

Унтер-офицер достал из бокового кармана записную книжку, раскрыл ее и грозно постукал по страничке химическим карандашом с резинкой на конце.

— Айн таузенд цвай гундерт, — сказал переводчик, — то по-русски будет одна и две сот тисача пуд пченица и две сот пуд свинске сало и три и семьсот пятьдесят тисача пуд сеио и восемьсот диесать пуд овес. Где есть эти?

— Та вы что, смеетесь над нами, чи шо? — воскликнул матрос после некоторого общего

молчания. Затем он налил из штофа полный стаканчик и подвинул унтер-офицеру.

— Лучше на, выпей, чтоб дома не журились. Такого у вас в Германии нет и не будет.

— Найн! — сказал унтер-офицер и ребром ладони решительно, но вместе с тем осторожно, чтобы не разлить, отставил стаканчик, после чего произнес довольно длинную фразу и снял с плеча винтовку.

Переводчик немного помялся, оглядываясь на многочисленных подруг гостей, любопытных и музыкантов. Он сделал осторожную улыбку и отступил на шаг назад.

— Герр унтер-офицер обладает сделать, господин председатель, что вы есть сейчас арестованный и должны иметь направление в комендатуру.

— Я! — сказал унтер-офицер: — Штет ауф! — и взял винтовку на руку.

— Та вы что, на самом деле, — смеется! — простонал матрос, чуть не плача от раздражения, что ему мешают змволжаться, вырвал из рук унтер-офицера винтовку, молниеносно ее разрядил и с такой силой зашвырнул за погреб, что по дороге туда она вдребезги разнесла собачью будку и положила на месте серого гусака, подвернувшегося на тот несчастный случай.

Гости повскакали с мест — и через минуту остальные две винтовки тоже пронеслись через двор, подскакивая, как палки, пущенные в городки.

Немцев заперли в погреб и дали им туда большую миску холодца из телячьих ножек с чесноком, целый хлеб и манерку вина.

Змовины шли своим чередом.

Сначала немцы страшно стучались кулаками в дверь и что-то кричали, но мало-помалу успокоились, а к вечеру из погреба уже слышался бабьин голос, спивавший немецкие песни.

Змовины кончились на рассвете, и тогда немцев выпустили из погреба. Они потребовали обратно свои винтовки. Но винтовки пропали.

До утра немцы ходили по дворам, спрашивая, не видел ли кто-нибудь их винтовок. Сельчане молчали. Тогда унтер-офицер приложил руку к бескозырке, пробурчал «мо-оэн», сделал своей команде знак поворачивать и зашагал из села с трясущимися от негодования щеками. А на другой день, не взошло еще

солнце, как за селом на шляху встало облако пыли.

Село было окружено немцами.

Пока серые солдаты снимали чехлы с четырех пулеметов, поставленных кругом на возвышенностях, взвод драгунов ворвался в село. Возле церкви он разделился на три части. Один разбег, не меняя аллюра, поскакал прямо к сельсовету. Другой — к хате Ткаченко. Третий остался на месте и спешился.

На этот раз немцам было прекрасно известно расположение села.

Старик Ивасенко, страдавший бессонницей и поднимавшийся раньше всех, видел, как Ткаченко разговаривал со старшим немецкого развезда, остановившегося около его хаты.

Сельчане еще не успели проснуться и выскочить на улицу, как драгуны, ездившие к сельскому совету, уже на рысях возвращались назад. За разбегом в брезентовом пальто, разорванном сверху донизу, бежал голова Ременюк, спотыкаясь и дергаясь, скрученный по рукам веревкой, концы которой держали драгуны.

Сейчас же следом за первым разбегом показался второй, волочивший матроса. Вид его был ужасен. Из разбитого прикладом рта на полосатый тельник широко падала кровь. На половину вырванный чуб прилип ко лбу, вывалившемуся в землю. Скрученная веревкой судорожно сжимала лохмотья гармоник, которой матрос отбивался, и на длинной георгиевской ленте, попавшей под веревку, болталась и била по босым ногам шашка.

Перед церковью стояла старая сухая груша, в прошлом году разбитая молнией. Под ней, привстав на стременах, медленно поворачивался немецкий вахмистр.

Драгуны окружили пленных и накинули на них петли. Вахмистр махнул палашом. Казнь совершилась в ту же минуту. И тотчас раздался женский крик такой силы, что на колокольне явственно дрогнула и зазвучала медь большого колокола.

Любка Ременюк вытянула вперед руки, остановилась, как вкопанная, и с остеклявшими глазами на равнодушном лице рухнула навзничь, пяти шагов не добежав до груши.

В село, при звуке рожков, с кухнями и обоими входила немецкая пехота.

Иван Молчанов

Песня о Домне Каликовой

Те дороги, те поляны
Непогода замела...
В те поляны в партизаны
Домна Каликова¹ шла.

Помнят белые бандиты,
Как бежали впопыхах...
Не ее ли пулей сбита
Сотня добрая папах?

Пулей смелой, пулей меткой,
Пулей, бьющей наповал...
Вот идет она с разведкой,
К белой банде на привал.

Собирались той порою
Офицеры на постой;
Кто узнает в ней героя,
В этой девушке простой?

Офицеры глушат водку,
Пляшет горькая в груди...
— Ты куда спешишь, красотка,
Ты постой да обожди!

Вот, подвыпивший десятский
Все о белых рассказал...
Только писарь, сын кулацкий,
Партизанку в ней узнал.

Он шепнул, и атаману
Хмель отшибло гулевой...
...Уводили на поляну
С непокрытой головой.

Партизаны подоспели,
Был сметен бандитский стан...
У нее нашли на теле
Восемнадцать рваных ран.

Непогодой спозаранку
Перепутья замело.
Хоронило партизанку
Все советское село.

Там, где северные зори
Над лесами свет струят,
Сосны темные, как море,
О прошедшем говорят.

Над равнинами седыми,
У лесных веселых вод
Домны Каликовой имя
В сердце девушек живет!

¹ Домна Каликова — комсомолка, партизанка, замученная белыми в 1919 г. Народная героиня Коми АССР.

Большое небо

Рассказ

Юденич наступал на Петроград. Изменники из военспецов передали генералу все сведения о состоянии наших сил и расположении частей.

Английские аэропланы и танки прокладывали Юденичу дорогу. Бои шли на подступах к Петрограду. Из передовых окопов уже можно было различить сквозь туман мерцающие огни величественного города.

Петерские рабочие, моряки и красногвардейцы героически отражали атаки врага. Они грудью защищали свой город.

В эти тяжелые дни советское командование обратилось к генералу Юденичу с предложением: Пулковские высоты, которые находились в расположении фронта, признать нейтральными, так как на них высились знаменитая Пулковская обсерватория, опоясавшая земную планету своим собственным меридианом.

В ответ генерал Юденич бросил на Пулковские высоты офицерские добровольческие полки с двумя батареями. Танки противника устремились на жидкую цепочку красных.

Красногвардейский отряд им. Карла Маркса принял на себя всю тяжесть удара. Горячие снаряды рвали землю, людей, сотрясая воздух.

Командир отряда матрос Белокопытов, отрываясь от бинокля, прокричал в ухо красноармейцу Григорьеву, чтобы тот пробирался в обсерваторию и принял меры для защиты здания от снарядов.

Григорьев, токарь Путиловского завода, курчавый низкорослый, приложив растопыренные пальцы к грязной солдатской фуражке, сказал громко:

— Будет исполнено, товарищ командир!

Цепляясь за корявые растрепанные, как веники, кусты, Григорьев объяснил задание двум красноармейцам, посланным с ним в обсерваторию.

— Небо сторожить, ребята, это не коров пасти. Комета какая-нибудь сорвется, они сейчас в трубу посмотрят, а в трубе увеличительные алмазные стекла, через них как есть все видно. Опять насчет религии, ими точно доказано—бога нет, а звезды—расплавленный металл. Понятно?

Шел блестящий и крупный дождь. Туман медленно сполз в низину. Отяжелевшие, облепленные грязью ноги разъезжались. Но когда один поскользнувшийся боец, чтобы не упасть, оперся о землю прикладом винтовки, Григорьев грозно крикнул:

— Зубами цепляйся, а оружия пакостить не смей!

Раздобыв лопаты, красногвардейцы копали в огороде землю. Набив ею мешки, они носили их с побавровевшими, склоненными лицами в обсерваторию через внутреннюю железную лестницу и складывали на крыше.

Глядя на грязный пол обсерватории, Григорьев заметил огорченно:

— Ишь наследили, разуться надо, ребята,—потом, указав на купол и на свои босые ноги, добавил:—чисто в мечети мусульмане,—и громко рассмеялся.

Зябко потирая желтые руки, к Григорьеву подошел худощавый румяный старик в белом халате—профессор Стрижевский. Нервно моргая, он спросил:

— Что тут происходит, господа?

Григорьев, не обижаясь на «господа», бойко ответил:

— А вот башку под лапоть, а все наружу. Если из тяжелых ударят, нашим трудом крышка.

— Но ведь это обсерватория,—сердито оборвал его профессор.

Григорьев отступил на шаг, оглядел профессора и, мотнув головой в сторону города, сказал злобно:

— А там, товарищ, женщины и дети, и ничего—долетают.

До ночи возились красногвардейцы на крыше обсерватории, устлая хрустальный ее купол мешками с землей. И когда они хотели уже спуститься вниз, над люком появилась голова профессора. Задыхаясь, он тащил на крышу огромную пухлую перину. Пряди седых сухих волос спадали на его высокий влажный лоб.

Григорьев, принимая из обессиленных рук профессора перину, сказал, просияв глазами:

— Вот за это спасибо!

Ночная тьма, казалось, тяжело вздыхала и пошатывалась от орудейного гула. Человек судорожно вздрагивал, но небо было равнодушное и спокойное.

Придавливая рукой окурки, Григорьев дружелюбно спросил профессора:

— Сказывают, звезда такая есть—Маркс. Это что, в честь нашего учителя называется?

— То Марс, товарищ,—поправил тихо астроном,—в честь бога войны.

— Бога?—переспросил Григорьев.—А Маркса нету?—и, взглянув серьезно в утомленные глаза профессора, сказал озабоченно:

— А нужно было бы завести, товарищ профессор.

— Да, но это должна быть новая звезда, ее нужно сначала найти.

— Чего искать!—задорно и весело воскликнул Григорьев.—Вот

она!—и, протянув руку к небу, он указал на самую большую звезду.

Профессор вышел проводить красногвардейцев; спотыкаясь, он расстроенно бормотал:

— Как же так, а я вас чаем хотел угостить.

— Благодарствуем, нельзя нам,—за всех отвечал Григорьев,—нас и так совесть замучила—долго прохлаждались тут.—Пожав руку профессору, красногвардейцы скрылись во тьме.

Красногвардейский отряд им. Карла Маркса пятые сутки, зарывшись в землю, отбивался от противника. Взбесившийся враг забрасывал отряд снарядами. Пули роились в воздухе, и нельзя было оторваться от земли, но красногвардейцы подымались и бросались в атаку.

Григорьев, лежа у горячего, трясущегося пулемета, испуганно оглядывался, когда снаряд, описав высоко в небе дугу, тяжело плюхнулся далеко позади, там, где возвышалась на бугре хрупкая стеклянная голова обсерватории.

В минуту затишья, толкая локтем пулеметчика, Григорьев тревожно шептал:

— Досада меня мучает. Случай был взглянуть на звезды, какие они есть на самом деле, а я застыдился профессора попросить, все ж таки интеллигентия...—и, приподнявшись на локти, он оглядывался.

Внезапно что-то черное с грохотом пронеслось мимо, как поезд, и Григорьев удивился, что боль может быть такой сильной и нестерпимой. Погружаясь в темноту, он чувствовал, как по лицу у него что-то текло.

В упорных боях с 21 по 25 октября белые были разбиты и отброшены к эстонской границе.

Красногвардейский отряд им. Карла Маркса, покинув ненужные теперь окопы, расположился на временный отдых.

Отряд сильно поредел, а все оставшиеся в живых носили на себе страшные следы тяжелых битв.

Двор обсерватории был усеян сеном, на нем вповалку спали измученные бойцы. У Григорьева на правом глазу чернела повязка, забинтованная рука висела на ремне. Мучимый лихорадкой, он баюкал ее, как младенца, сидя на крыльце в накиннутой через плечи трофейной шинели.

В высоком чистом небе, вздрагивая, мерцали звезды. Григорьев глядел на небо и искал сиротливым глазом среди трепетно пылающих планет звезду, которая еще не имеет названия.

На крыше обсерватории возились люди, они осторожно освобождали прозрачный купол от тяжелых мешков земли.

Из флигеля вышел профессор Стрижевский; зябко кутаясь и шаркая ногами, он осторожно шел по двору, заваленному спящими людьми.

— Товарищ профессор!—окликнул его слабо Григорьев. С трудом поднявшись навстречу, он спросил, протягивая руку:—Ну как, нашли звезду-то?

— Ах, это вы, голубчик?—наклонился к нему профессор и вдруг воскликнул:—Боже мой, что у вас с глазом?

— Уполовинили,—объяснил Григорьев и задорно добавил:—ну, ничего, зато вы за меня теперь в оба посмотрите.

Потом, вытянув руки по швам и подняв подбородок, он попросил застенчиво:

— Товарищ профессор, разрешите поглядеть?

— Ах, прошу вас, пожалуйста,—засуетился обрадованный астроном.

— А ребятам тоже можно?—взволнованно спросил Григорьев.

— Но они же спят.

— Для такого дела...—И Григорьев зычно крикнул:—Кто желает звезды смотреть, вставай!

Потревоженные от сладкого, за семь суток первого сна бойцы, очнувшись, ругались. Кутая головы, они искали сна и покоя для измученного тела.

Сев на высокий металлический табурет, Григорьев припал единственным глазом к рефрактору. В таинственной тишине обсерватории он слушал рассказ профессора о величавой жизни вселенной. Небесный океан раскрывал перед ним свои глубины.

А на улице в холодной ночи выстроились кашлявшие, продрогшие, вырванные из теплого сна бойцы, чтобы увидеть далекое небо вблизи. Вспыхивали и гасли огоньки паперос, люди шутили хриплыми голосами, толкались, пробуя согреться.

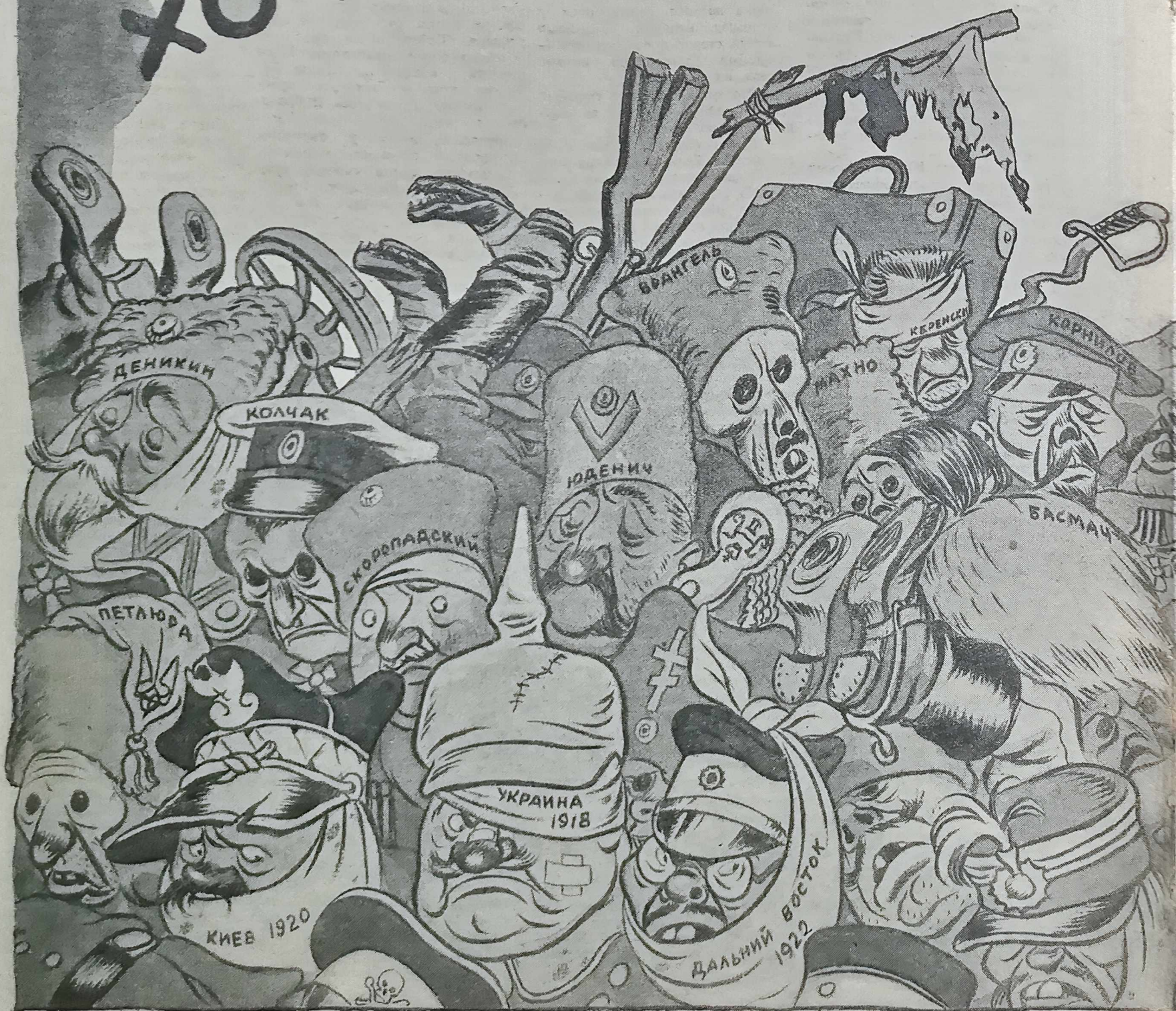
Но входя в помещение обсерватории, движимые каким-то инстинктом, они почтительно снимали фуражки.

Выходившего из обсерватории человека охватывало великое волнение от виденного, хотелось молчать и думать, и уже никто снова не помышлял о сне.

Близился рассвет, и можно было видеть на небосклоне силуэт города, подымавшего свои горделивые вершины в розовеющие облака.

Очередь перед дверями обсерватории все росла и росла.

а ну, кто еще
хочет на СССР

ЛЕТ НАЗАД

После неудачи Первого Лже-Дмитрия был поляками выдвинут второй самозванец; его история знает под названием «Тушинского во-ра».

Царь Василий Шуйский призвал на помощь шведов, шведы захватили Новгород. В это время польский король Сигизмунд наступал на Смоленск.

Московские дворяне свергли Шуйского, вскоре был убит и Лже-Дмитрий второй.

Но вся страна была охвачена народным вос-танием.

Московские бояре, спасая себя и свое иму-щество, избрали царем польского королевича Владислава, сына короля Сигизмунда, выго-ворив у него для себя ряд льгот.

Польское войско осенью 1610 года вступило в Москву и заняло Кремль.

Король Сигизмунд королевича на царство не пускал, хотел править сам, что обозначало от-крытое присоединение России к Польше.

Защищая свое национальное существование, восстала вся земля, и бояре, сговорившиеся с поляками, потеряли влияние.

Несмотря на уговоры бояр, до конца дер-жался против поляков Смоленск. Когда сопро-тивление стало невозможным, остаток гарни-зона заперся в церкви и взорвал себя.

Шляхта скоро показала, что есть правитель-ство худшее, чем старое московское.

Захватчики раздаривали своим привержен-цам земли, грабили города.

На Москву шли ополчения, желавшие осво-бодить город.

Поляки готовились к борьбе, собрались ста-вить пушки на стены Кремля и Китай-Города.

Уже давно было запрещено продавать в го-роде ножи, топоры отбирались даже у плотни-ков. Запрещено было даже продавать мелкие дрова, чтобы жители не начали драться колья-ми.

Памятник Минину и Пожарскому в Москве

Трудно сказать, как вспыхнуло восстание.

Одни говорят, что поляки заставляли извоз-чиков, которых в Китай-городе было множест-во, втаскивать пушки на стену, а те стали со стен пушки снимать и увозить; другие говорят, что на рынках русские отказались продавать

овес полякам и из-за этого вспыхнула ссора, перешедшая в побоище.

Вернее всего, что восстание было спровоци-ровано шляхтичами: захватчикам надо было истребить как можно больше москвичей пре-жде, чем к ним подойдет военная помощь.

Вот что пишет об этом в своих записках гетман Жолкевский.

«...наши не рассудили ожидать большой бури... Тогда определили наши между собою: выжечь Деревянный и Белый город и, запер-шись в Кремле и в Китай-городе, перебить... всех кого ни попало» (Записки гетмана Жол-кевского о Московской войне).

С утра во вторник Страстной недели нача-лась в Китай-городе резня.

Громили лавки, убивали извозчиков, купцов, людей, пришедших на рынки.

Жители бежали за Москва-реку и в Белый город.

Белым городом называлась часть города, ок-руженная каменной стеной, идущей по линии теперешних бульваров.

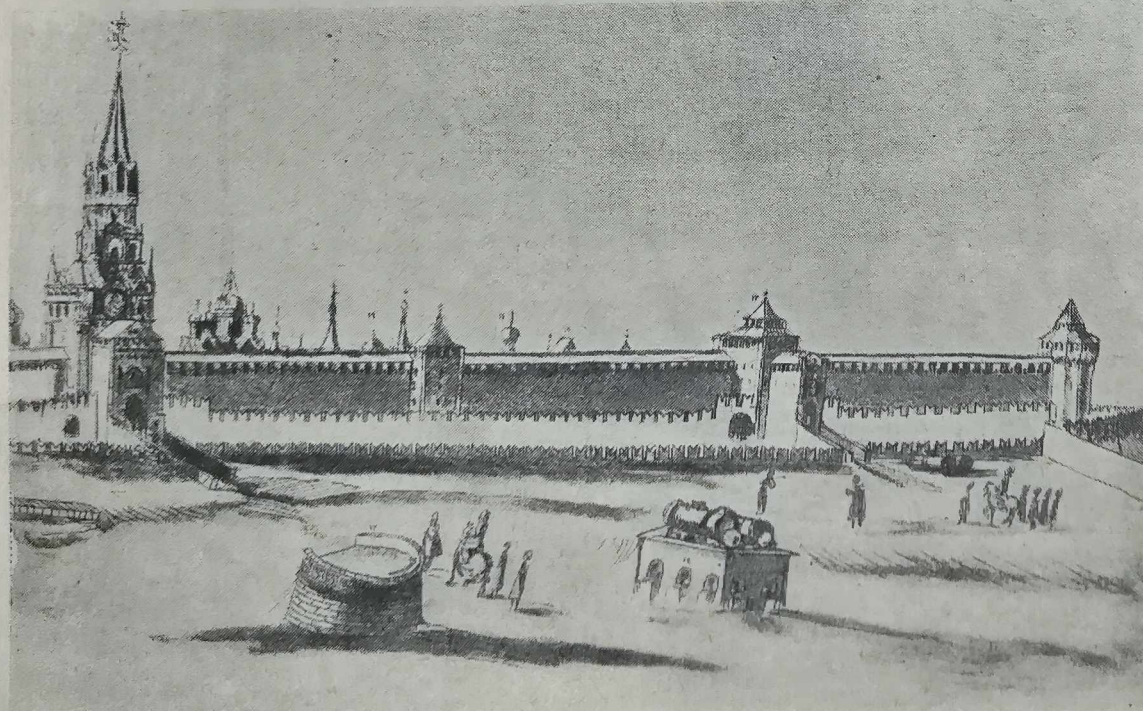
Здесь москвичи оказали сопротивление.

Немцы¹ и поляки подожгли город сразу во многих местах. Поляки хотели огнем выкурить неприятеля. Поднялся страшный ветер и огонь разлился по всему Белому городу.

Русские бились ножами, бросали в неприя-теля из домов дровами, столами, строили за-валы. Тогда в дело была пущена немецкая ка-валерия, уже заранее приготовленная.

Гетман в своих записках пишет:

¹ Немцы были приглашены Шуйским как наемным войскам и присоединились впоследствии к полякам.

Кремлевская стена, Спасские и Никольские ворота (с рисунка Мейерберга, 1661—1662 гг.)

«Множество Москвитян, не взирая на то, что скорой решительностью наших и пожаром были встревожены, бросились к оружию и овладели было воротами и большей частью Белого города; схватывались также с нашими в нескольких местах по улицам».

Увидев зарево над Москвою, спешили к городу с одной стороны поляки, с другой стороны — войска Дмитрия Трубецкого и Василия Масальского.

Уже был в Москве воевода Зарайский, Дмитрий Пожарский.

Его дом был расположен на Лубянской улице.

Князь Пожарский пришел, вероятно, с очень небольшим отрядом.

Наскоро сделал он небольшой острожек, достал пушки из пушечного двора, соединился с пушкарями, перешел в наступление и втоптал поляков в Китай-город.

Москвичи начали двигаться в Кремль.

Москва горела целиком, до стен Белого города.

Москвичи нападали на немцев и поляков, устраивали засады в переулках и тупиках.

Самая сильная сеча была на Никитской улице.

Тут немцы не могли пробиться через завалы.

Но ветер дул и с Москва-реки, и огонь гнал русских от Кремля.

Гетман вспоминает:

«В чрезвычайной тесноте людей происходило великое убийство: плач, крик женщин и детей представлял нечто подобное дню страшного суда: многие из них (москвитов) с женами и детьми сами бросались в огонь».

Горели деревянные мостовые улиц, переулки были завалены пылающими бревнами обрушившихся зданий, кресты на церквях свивались и корчились от пламени. Князь Дмитрий Пожарский еще держался в наскоро сделанном укреплении между Сретенкой и Мясницкой. Наконец, раненого, его вынесли из пламени.

Во время боя и пожара прорвался через Замоскворечье в Кремль из Можайска королевский полковник Струсь.

Пустая Москва горела двое суток. Где угасал огонь, туда приезжали жолнеры, солдаты польских интервентов, и немцы Маржерета, и снова поджигали развалины.

Наконец, груды золы легли в окружности на двадцать верст.

Поляк Маскевич рассказывает:

«В четверток мы снова принялись жечь город, коего третья часть осталась еще неприкосновенною: огонь не успел так скоро всего истребить. Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр... Игак мы снова запали ее по изречению псалмопевца «град господень изжину, да никто же в нем останется». Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола, ни двора».

Жгли Москву поляки, немцы, наемники, перешедшие из войска Шуйского к полякам, и московские немцы, присоединившиеся к ним.

Дороги вокруг Москвы были заполнены беженцами.

Беженцы несли с собою весть о гибели города, горе и имя Дмитрия Пожарского.

Князь Дмитрий Пожарский сражался храбро, но сражался он в пределах своей части города, его укрепление было около его городского дома.

Только позднее уже, под влиянием Козьмы Минина, Пожарский стал воином за всю страну.

Князь Пожарский 1611 года — храбрый воин, князь Пожарский 1612 года — сотрудник Минина, вождь многих не великих людей, которые поняли опасность, угрожающую их родине.

Добыча врагов, засевших в Кремле, была велика.

Прежде всего им досталась государственная сокровищница.

Пожары в старой Москве случались часто, и кладовые делали в каменных подклетах, с маленькими окнами за двойными решетками.

Среди торчащих труб, задымленных церковей жолнеры, разрывая груды угля и пепла, таранили двери кладовых, передевались в роскошные кафтаны.

Жемчуга было набрано столько, что ради

потехи заряжали им ружья и стреляли в москвичей.

Разыскивали среди развалин женщин, насиловали.

Среди развалин находили гайдуки брошенных детей.

В карточной игре солдат дети шли, как расплата за мелкие ставки.

Захватчики торжествовали.

Поляки в Кремле жили, как в тумане, дышали дымом и ликовали, грабили государственную казну, драгоценные сосуды, жезлы, богатую одежду, делили между собой, как добычу и жалование. Часть добычи была послана к Сигизмунду, от которого ждали скорой помощи.

Китайгородские стены крепки, за ними стояли еще более высокие стены Кремля, со стен были видны закопченные стены Белого города, в его кольце лежал пепел.

Гетман Жолковский писал:

«Таким образом, столица Московская сгорела с великими кровопролитием и убытками, которые и оценить нельзя. Изобилел и богат был этот город... бывшие в чужих краях говорят, что ни Рим, ни Париж, ни Лиссабон окружностью своею не могли равняться сему городу».

Через неделю к стенам Москвы подошел Прокопий Ляпунов.

Калужане, под предводительством Дмитрия Трубецкого, получившего боярство в Тушине, стали против Воронцова поля, владимирцы, костромичи, ярославцы стали у Петровских ворот, у Сретенских стал отряд Артемия Измайлова, у Тверских — двести стрельцов и монастырских слуг, присланных из Троице-Сергиевского монастыря.

Русские скоро вошли в Белый город, и поляки смогли сохранить за собой только Никитские, Арбатские ворота и ворота Водяные у Москва-реки.

Наступила весна, по улицам потекли черные ручьи, обгорелые деревья не зазеленели на пустырях. На улицах показалась трава, город засмердел от запаха множества необранных трупов.

Русские держали поляков в крепкой осаде, скоро у поляков начался голод.

В крепости при грабеже все тащили редкое и дорогое. У осажденных не оказалось даже соли, за солью делали вылазки.

Поляки писали в Польшу письма с требованием помощи.

Пожар Москвы поднял русские города и ухушил везде отношения с поляками.

Но взять Кремль русские еще не могли; бояре-предводители и казацкие старшины спорили и враждовали друг с другом.

Сам Прокопий Ляпунов был зарублен. Помощь и спасение пришли с севера.

Вот что пишет об этом в своей «повести» современных событий князь Иван Михайлович Костырев-Ростовский.

Нужно предупредить, что важные дела того времени москвичи писали сложно, называлось это плетением словес, и поэтому Московские записи для современного читателя труднее Нестеровой летописи.

«В то же время человек некий в Нижнем Новгороде убогою куплею питался, сиречь продавец мяса и рыбы в требование людям, имя ему Козьма, — той же Козьма отложше своей вещи дело, и восприимлет велемудрое разумение и смысл, ино и во всех людях страны тоя силу и власть восприимлет, и уроки многие собирает, изыскует во граде людей воинских, которые избыта от посещения иноплемennых, и сих изыскует и жаждущая сердца их утоляет, и наготу их прикрывает, и сими дела собирает воинство не мало».

Козьма Минин уже служил в ополчении против поляков, но там он увидел, что такую ратью отбить поляков нельзя, и поэтому прежде всего добивался создания крепкого войска с обеспеченным тылом с возможностью питания не за счет населения.

Когда нижегородцы выдвинули Козьму, то он потребовал от них права собирать налоги и самому определять их величину. В этом Козьма взял со своих сограждан расписку.

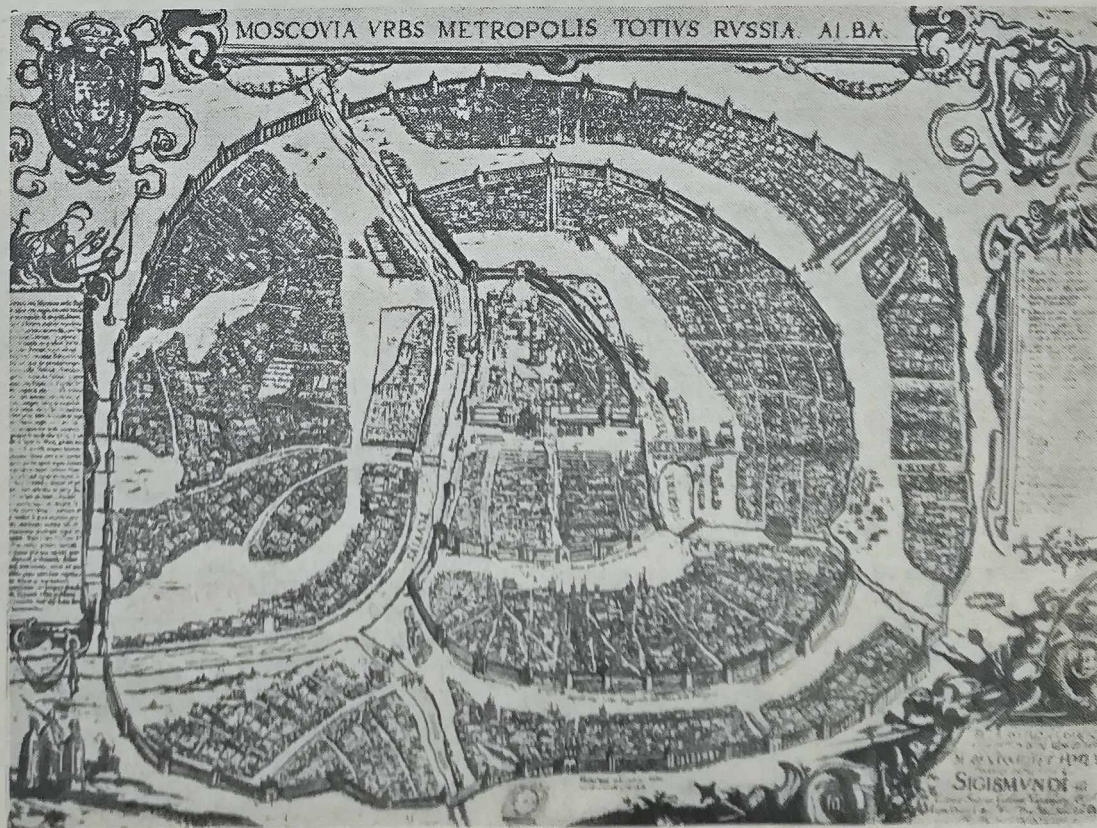
Вторым делом Козьмы было приглашение в воеводы князя Пожарского.

Из разоренных поляками земель приходили дворяне и пытались осесть на дворцовые земли, пожалованные им самозванным правительством. Крестьяне не желали, конечно, идти в кабалу.

Минин нанял беглых дворян и заплатил за службу им не землею с людьми, как это было принято в Московском царстве, а деньгами.

Этим он создал прочную основу своей рати и условия, при которых крестьянские ополчения могли сражаться рядом с войском дворян.

В Москве продолжалась война, крепость была окружена, но поляки все еще могли делать вылазки за провиантом.

План Москвы начала XVII века, составленный для польского короля Сигизмунда III. Стена, переходящая за Москва-реку, — стена Деревянного города или Скородома. Внутри, по линии нынешних бульваров, идет стена Белого города. Под стенами Белого города через трубу проходит река Неглинка (внизу справа). В центре — Кремль и рядом с ним Китай-город.

Подходили к полякам на помощь и войска. Минин к Москве не торопился, организовывал русский север, получал помощь людьми и деньгами из дальних городов, создавал крепкую территорию, на которую можно было опереться.

Помогли Минину Балахна, Юрьевец, Суздаль и Кострома, после колебаний. В Ярославле ополчение стало уже грозной для захватчиков силой.

Насколько были сильны в это время войска Минина, видно по одному любопытному обстоятельству.

Маржерет, разграбив Москву, съездил в Гамбург и потом с другими иноземными капитанами организовал отряд и явился в Архангельск.

Дела уже обстояли так, что он предложил свою помощь Пожарскому.

Ходкевич сбил крыло русской рати до Чаргольских ворот, но его отбили стрельцы, укрывшиеся за печами и трубами сгоревших домов. Князь Трубецкой до начала боя взял на помощь 500 конных у Пожарского.

Но начальники этих сотен напали на поляков без разрешения Трубецкого и заставили поляков отступить.

В следующую ночь шестьсот гайдуков, при помощи одного русского изменника, прошли вдоль Москва-реки и овладели русским укреплением в Замоскворечье.

Через день Ходкевич с поляками, венграми, литовцами пошел напролом, конные спешились, обозы с провизией медленно продвигались среди развалин.

Теперь Ходкевич шел со стороны Донского монастыря по нынешним Пятницкой и Ордынке.

Китайгородская стена в наши дни

Фото Б. Вдовенко

Отвечал князь Пожарский от имени всего войска.

«Благодарим вас, Господа Капитаны, за ревность и усердие к нашему Отечеству; с признательностью примем ваши услуги, если враги станут одолевать нас; ныне же наемные ратники и Воеводы нам не надобны: все Чины Русского Государства, за разум, правду, дорожное и храбрость, избрали к ратным и земским делам Стольника и Воеводу, Князя Дмитрия Михайловича Пожарского Стародубского; все Россияне жертвуют и жизнью, и имуществом: мы служим Отечеству без жалованья, сражаемся с врагами неутомимо, бьем поляков и очищаем от них Московское Государство. Дивимся только потому, что вы приняли себе товарищем Французенина Якова Маржерета, который недавно проливал Христианскую кровь злее самых Литовцев, а теперь вздумал помогать нам против своих друзей, Поляков. Зачем явился в вашей земле сей клевет Сигизмунда? Нам казалось, что ему, за его неправду, нигде места не будет, кроме Польши».

К сентябрю 1612 года Нижегородское ополчение пришло в Москву и стало отдельно, охраняв линию от Петровских ворот до Москва-реки.

Положение было очень серьезным. Ходкевич с польской подмогой был уже под Москвой на Поклонной горе. С ним шли поляки, литовцы, венгерцы.

Ходкевич стал переходить реку у Девичьего поля.

Трубецкой стоял у Крымского двора в тылу переправы. Главный удар приняло Новгородское ополчение.

Поляки, сидящие в Кремле, сделали вылазку и захватили Климентовский острожек (укрепление).

Задачей Ходкевича было перейти Москва-реку под защитой Кремлевских башен, в том месте, где сейчас стоит Москворецкий мост.

Подход к Кремлю со стороны Неглинной был защищен Нижегородским ополчением.

Под защиту деревянных стен везли часть обозов. Над стенами подняли литовское знамя.

Казаки остановились в бегстве, бросились на острожек и захватили, но решили с добычей вернуться в свой стан.

Войско Ходкевича продолжало продвигаться с главной частью обоза к переправе.

Результат боя зависел от мгновения.

Минин попросил у воеводы Пожарского отряд и получил под свое руководство всего полтысячи людей. С этими силами Минин перешел реку и ударил сам в поляков, стоявших у Крымского двора; в схватке на глазах Козьмы был убит его племянник.

Конная рота казаков побежала и смяла свою пехоту. Казаки прорвались к обозу и захватили четыреста возов с запасами.

Помощь Ходкевича потеряла свой смысл. Гарнизону Кремля нужен был хлеб, а не люди. Люди в крепость прорвалось во время боя несколько сотен, но весь отряд отступил.

Бой в Замоскворечье решил судьбу осажденных.

Дмитрию Пожарскому удалось на Неглинной образовать общий штаб обороны, польский отряд был закупорен в крепости.

В конце сентября, когда Пожарский отправил гарнизону предложение сдаться, он писал: «Помощи вам не будет, гетман с пехотой ушел к Смоленску, король ваш воюет с турками, так что вы не надейтесь, что к вам кто пришел на помощь. Сдавайтесь, ваши головы и жизни будут сохранены вам».

Обещал он отпустить людей без всякой зацепки и говорил, что если кому не будет на чем ехать или идти не в силах будет, от города мы подмогой дадим.

Полковник Будила и Стравинский ответили хвастливым письмом:

«Не пишите к нам ваших московских глупостей, не удастся вам ничего от нас выведать, мы вам стен не закрываем, добывайте их, если они вам нужны, а царской земли шишами и блинниками не опустошайте, лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей. Пусть хлопы попрежнему возделывают землю, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей, здоровее будет царство».

По ответу поляков видно, какая рать стояла под Кремлем.

Пожарского корят поляки за то, что он предводителствует шишами, блинниками и холопами.

Народное ополчение сжало Кремль не поборски.

Уже через неделю нужда у осажденных перешла в голод, осада продолжалась.

Осажденные съели лошадей, собак, кошек, мышей, сварили и съели обувь, начали есть трупы.

В одной шеренге гайдуки съели умершего товарища. Родственники умершего пожаловались начальнику, указывая, что по праву родства они должны были его съесть сами.

Гайдуки доказывали свое право на труп, потому что они были из одного десятка.

Судьей был выбран ротмистр и он сбежал, боясь того, что спорящие съедят его самого.

По польским сведениям всего съедено было 800 трупов. Люди боялись друг друга.

Сильный убивал и съедал слабого.

Ополчение берегло Кремль и старалось как можно меньше портить его огнем артиллерии.

22 октября старого стиля русские войска пошли на приступ. Китай-город был взят.

Поляки попросили разрешения на выпуск женщин из Кремля. Это им было разрешено.

Через два дня поляки выпустили русских бояр через Троицкие ворота. 25 октября старого стиля отворились все ворота Кремля. Поляки сдались.

Минин приказал все имущество пленных сдать казакам и этим с трудом сохранил жизнь пленным.

Взятие Кремля было началом конца польских интервентов.

Страна почувствовала свою силу. Поляки искали помощи для интервенций у папы и испанского короля, говоря о страшной силе России.

Польский король Сигизмунд пришел с новыми войсками. К нему присоединился Ходкевич со своим отбитым от Москвы отрядом.

Войско двигалось с трудом. Крестьянские отряды — те самые шиши, над которыми смеялся Будила, отрезывали полякам пути сообщения и не давали возможности добывать провиант.

Маленький город Волоколамск преградил королю дорогу.

Вот как описывает, изумляясь, победу русских автор повести «Разорение Московского государства»:

«Тако же сам король Жигимонт приходил на помощь и мало постояв под Волоком Ламским, тут под таким обычным градом, от таких не великих людей и побит и легцы. Ноги свои на бегании показал и малыми днями в Польше обратися» («Чтения общества истории и древностей российских», апрель — июнь 1881 г. Автор, вероятно, Симон Азарин).

Страну от захватчиков спасли «не великие люди», среди них Минин первый.

Пожарский Дмитрий был возведен после изгнания поляков в бояре и выиграл местнический спор с Пушкиными. Через четыре месяца ему было велено царем объявить Салтыкову, что тот пожалован в бояре. Салтыков был человек родовитый, но во время польской интервенции вел себя, как изменник.

Пожарский ехать к Салтыкову и объявлять ему о царской милости отказался. Салтыков объявил, что оскорблена знатность его рода, и царь велел выдать Пожарского Борису Салтыкову «головой с бесчестьем».

И его сочли человеком не великим.

ДЕТИ-ЗРИТЕЛИ

Фото Е. Иллеш и Е. Леонова

Ребята — честнее, нетерпимее, эмоциональнее взрослых. Если взрослым в театре скучно, они начинают только кашлять; если скучно ребятам, они вертятся и хлопают сиденьями стульев, разговаривают. Но зато если им интересно, они сидят так тихо, как взрослые сидеть не умеют, а если смешно, то смеются так дружно и громко, что приходится выжидать, чтобы не потопить в хохоте следующие слова роли. Когда шесть лет назад я взялся за руководство Государственным центральным театром кукол, то, имея до этого дело только с взрослыми, не сразу понял, что суть работы для детей не столько в изменении тем, сколько в нахождении новых приемов. Тему-то ребенок может воспринять почти любую, ту же, что и взрослый. Можно ему рассказать и о революции, и о Петре I, и о рабстве, и о честности, и о подлости, и о великих изобретениях, — о чем угодно. Но вот найти способ, как это все детям рассказать, вот это очень сложно.

Часто режиссеры детского театра, и я в том числе, желая поближе подойти к ребятам, начинают не с того конца. Мы приbedняем идею, тему спектакля, делаем ее более детской, чем сами дети, а постановочные приемы, методы, выразительные средства оставляем взрослые. Непонятным языком говорим слишком понятные вещи.

А надо делать совершенно обратное. Нужно о новых, интересных вещах говорить детям простым и понятным языком.

В Государственном центральном театре кукол была постановка «Братья Монгольфье» Г. Владычиной и Е. Тараховской об изобретении воздушного шара. В этой постановке мы стремились дать Францию и в costume и в музыке. И вдруг уж после нескольких спектаклей выяснилось, что слова «мэр» ребята не знают и ассоциируют его по созвучию со словом «милиционер». Слова «аббат» тоже не знают и со священником его не связывают, тем более, что и русских-то священников многие из них в глаза не видели. А ведь довести до зрителя содержание пьесы куда важнее, чем соблюсти точное барокко королевского дворца.

В спектакле «Каштанка» мы ввели роль шарманщика, исполняемую не куклой, а живым человеком. В начале спектакля шарманщик вытаскивает из мешка кукол: генерала, столяра, городского, Федьку. Представляет их зрителю, дает краткие характеристики. Генерал и городской становятся персонажами понятными, и таким образом мы избегаем ошибки, которую мы допустили с мэром.

Нам приходится думать и о том, что многое из того, что будет совершенно ясным для городских ребят, станет непонятным для ребят деревни. А ведь театр много разъезжает, часто играя для ребят, которые плохо знают даже русский язык.

Так было в Алма-Ата, в колхозах Армении и Грузии.

В спектакле «Волшебная калоша» Г. Матвеева, в котором играют

только звери, есть такой телефонный разговор:

Филин (сидит на березе, держит в лапе телефонную трубку): Лесная центральная! Дайте липовую АТС.

Сорока (сидит на самом высоком дереве): АТС липовая.

Филин: Три шишки, два сучка. Сорока: Два сучка, три шишки даю.

Филин: Да на два сучка, три шишки, а три шишки, два сучка.

Сорока: Да не кричите, я и даю три шишки, два сучка.

Филин: Благодарю вас. Алло, попросите к телефону Мурку.

Рысь (высовывается из круглой дырки в середине ширмы): Я у телефона.

Этот разговор прекрасно принимают ребята Москвы, Ленинграда, вообще крупных городов. Им нравится, что звери говорят, как люди, и что у них свои лесные номера телефонов. Но как только выясняется, что наш зритель телефонов в быту не знает, тем более АТС, мы эту сцену снимаем.

Вся структура спектакля, развитие интриги, темперамент этого развития в спектакле для ребят отличается от спектакля для взрослых. Режиссеру, ставящему для ре-

бят, труднее укрыться за внешнее. Как бы ни была красива картина, эффектен апофеоз, но если они прямого отношения к действию не имеют, ребята не будут ни смотреть, ни слушать. Они не склонны к «созерцанию», им нужно только дело.

Насколько я заметил, ребята любят действие, развивающееся по прямой. Всякие переброски и скачки во времени, так же, как и остановки, их только путают и сбивают.

Больше всего им хочется знать, «чем кончится». Поэтому не только акт, но даже картина не долж-

ны представлять собой замкнутый круг. Каждый раз надо оставлять мостик в следующую картину. Только конец спектакля это точка, а до этого все концовки — это знак вопросительный. Часто антракт мы делаем совсем не там, где нам указал автор. Только отправив действие вперед, разрезав его на самом интересном месте, можно делать перерыв. Тогда второго акта будут ждать, волноваться, обсуждать вероятные возможности развязки. Как только интрига вся распуталась, спектакль для ребят кончился.

Это, на первый взгляд, как будто простое и понятное правило оказалось трудно выполнимым.

Держать напряжение зрителя до самого конца удавалось совсем не так часто.

В пьесе «Пузан» Г. Матвеева, рассказывающей о похождениях сбежавшего из цирка медведя, нам пришлось переделать весь второй акт ради того, чтобы найти органический конец. И подсказали нам нашу ошибку сами дети.

Хозяин находил «Пузана» уже в самом начале второго акта. Остальная часть акта уходила только на то, чтобы вернуть медведя назад в цирк. Этого ребята уже явно не хотели смотреть. Вертелись на стульях, разговаривали, какие бы «трюки» мы ни старались делать.

И только после того, как мы нашли способ продлить приключения медведя и выпустить хозяина только к самому концу, спектакль стал на свое место и конец оказался действительно в конце, а не в середине.

В спектакле «Каштанка» последняя картина была в комнате столяра. Ребята отказались ее смотреть. Ведь столяр нашел Каштанку уже в цирке. Этим фактом поиски собаки хозяином и хозяина

собакой завершились. Радостная встреча сопровождалась аплодисментами. Все выяснилось. Последнюю картину пришлось снять.

Конец не только должен быть в конце, но он должен быть логичным и ясным.

И для ребят обязательно бодрым.

Они не переносят неясных, с их точки зрения, не логичных и пессимистических концов. Конец должен быть «желаемым». Чем больше в пьесе препятствий, чем труднее они, тем «желание» сильнее и пьеса интереснее. Но если спектакль кончился так, что логика его непонятна, если это не то, чего они так страстно желали, то для ребят это не конец спектакля.

В одном из детских театров Москвы, в театре не кукольном, я смотрел «Женитьбу» Гоголя. Ребята, несмотря ни на что, полюбили Подколесина (они не могут не любить кого-нибудь в спектак-

ле). Они горячо, мучительно желали, чтобы он женился. Они досадовали на его нерешительность. Они ненавидели соперников-женихов и особенно сваху. Они радовались ловкости и удачам Кочкарева. Они предвкушали победу. И вдруг в тот самый момент, когда счастье казалось уже достигнутым и ребята начали подпрыгивать на стульях от радости, произошло несчастье. Подколесин выпрыгнул в окно. И дали занавес. Я никогда не видел такого глубокого разочарования и недоумения. Ребята не могли поверить, что это конец. Как конец? Ведь не кончилось. А дальше что? Что же он женился? Не женился? А за кого она замуж вышла? Неужели конец? Домой итти?

Гениальный гоголевский конец, абсолютно оправданный для Подколесина, невозможно смешной и совершенно логичный, хотя бы и неожиданный, для зрителей-взрос-

лых, для ребят был и не смешон и не логичен. Казалось, что над ними кто-то зло подшутил. Играли, манили, а кончили непонятно и обидно.

То же самое произошло и с нашей Каштанкой. Чехов возвращает ее старому хозяину. Это же попробовали сделать и мы. Но ведь второй хозяин, клоун, был хороший? Хороший. Добрый? Добрый. Жизнь Каштанки у клоуна была интересна? Еще бы. Для ребят, что может быть интереснее цирка! Конечно, хорошо, что Каштанка нашлась. Очень радостно за нее, за столяра и особенно за Федю. Но клоуна жалко. У него умер гусь. Что он будет делать без Каштанки? Он так ее любил. Он спас ее от голодной смерти.

И неужели Каштанка никогда больше не будет выступать в цирке?

Нет, для ребят это был не хороший, а грустный конец. Они не хо-

тели его. И как всегда, это было написано на их лицах. Пришлось пойти на компромисс. Когда Каштанка нашлась, клоун умоляет столяра продать Каштанку. Столяр не соглашается. Тогда клоун просит разрешения брать Каштанку для выступлений в цирке. Столяр соглашается, а Федя даже очень рад.

И «представление продолжается»: Каштанка уже на полных правах остается на арене. Публика в цирке аплодирует. Аплодируют и ребята. Занавес. Конец.

Ребята-зрители все время заставляют нас думать о том, для кого мы работаем, и если мы делаем свое дело не так, выражают нам свое неудовольствие ясно и четко всем своим поведением. Для этого не требуется ни анкет, ни опросных листов.

Но зато если мы делаем верно, то нет лучших, более благодарных и счастливых зрителей.

Отцы и дети

Рассказ

В надвигающихся сумерках вышли они из села, крадучись, как воры. Женщина шла торопливо, старчески шаркая, спрятав обе руки под засаленный передник. Можно было подумать, что она просто направляется на противоположный конец села, чтобы немного посплетничать. Мужчина брел позади на значительном расстоянии. Заступ висел на веревке у него за плечами. С левой стороны висела котомка. Он то и дело прикасался к своей шапке, но только одни его брови вздрагивали в ответ на приветствия встречных.

Когда село осталось позади, женщина остановилась возле одного из тополей, росших вдоль проселочной дороги. Муж поровнялся с ней, и дальше они пошли вместе, топчя густую пыль. Они долго шли вперед нога в ногу, не говоря ни слова. Мужчина думал о том, что ему все-таки следовало бы взять с собой своего старого приятеля — палку. Но это было невозможно. Туда, куда он собрался, ему нельзя показываться с палкой.

Он посмотрел сверху вниз на жену. Она была ему лишь по плечо. Мелкими, торопливыми шагами шла она рядом с ним, продолжая прятать обе руки под передником, и тихо, так что один только муж мог понять, вернее, догадаться, — молилась. Ей можно это простить. Сейчас она повернет обратно домой, а дома первым делом пойдет к соседям. Она всхлипнет и скажет: «Бедный мой Балинт, у него уже семь десятков за горбом, а ему придется брести целую ночь, потому что он где-то прослышал, что в городе ищут ночного сторожа. Может быть, ему повезет... Бедняга собрался так поспешно, что даже позабыл дома свою палку».

Вдали показались огни соседнего села. Женщина просеменила к краю дороги, под деревья. Теперь она вытащила руки из-под передника.

— Возьми... — больше она ничего не сказала, но в ее голосе слышались слезы, — возьми, мой милый... — она всхлипнула и вложила свою руку в жесткий кулак мужа.

В каждой руке она держала по яйцу. Она осторожно опустила это сокровище на ладони своего спутника. На несколько секунд ее голова прижалась к груди мужа, затем она подняла руки, притянула к себе усатое лицо и поцеловала его в губы. Она хотела пожелать ему счастливого пути, но не могла. В такой путь не уходят сопровождаемые добрыми напутствиями.

— Ну... ступай... милый, — произнесла она. Балинт приближался уже к оклице второго села, а мысли его все еще витали вокруг небольшого прощания. Два вареных яйца — немалая ценность. Где только она сумела их раздобыть и припрятать так незаметно? Славно можно попить! Хлеб, зеленый перец с солью и крутые яйца!

— Роза... Розика! — произнес он вслух и даже остановился. Он не мог идти дальше. Давно прошло то время, когда жена сама, без просьб, соглашалась поцеловать его. Даже

когда она была молода... как долго ее приходилось упрашивать...

— Розика! — повторил он вслух и сдвинул баранью шапку на затылок, потому что лоб его покрылся потом.

Около полуночи он присел на край насыпи. Он страшно устал. Но он сидел, напряженно бодрствуя, боясь, чтобы сон не одолел его. Он взглянул на небо. Небосвод был ясен и усыпан звездами. Он искал на ясной черной поверхности знакомые созвездия. Сразу же он нашел «Косу»¹, отливающую зеленым светом. Немного дальше «Кастрюля»² склонялась к смутно мерцающему Млечному пути. А вот, погляди-ка, позади кастрюли «Наседка» с выводком цыплят! Они словно хотят забраться в кастрюлю. Он долго созерцал игру звезд. Затем обнаружил и свою старую знакомую — путеводную звезду странников: Полярную звезду... Давно уже он не смотрел на нее. А ведь в былые годы он так ее любил! Он был еще мальчишкой, когда отец обратил на нее его внимание. Эта звезда служила оплотом «бедным парням»³. Ночью, когда они снаряжались в путь, чтобы ползком окружить господский табун в степи, «бедные парни» молились этой звезде. И она, несомненно, не забывала их молитвам и помогала им. Иначе они вряд ли почитали бы ее. И отец тоже. Балинт Балог несколько раз сидел в округе под арестом, и степные жители говорили о нем с большим уважением, когда сам он уже давно превратился в прах. Старик никогда никого не выдал жандармам, несмотря на то, что его пытали. Несчастному переломили ногу, и с тех пор его все звали Хромой Балинт Балог. — Ты чей? — спрашивали его чужие, когда он был мальшом.

— Хромого Балого, а зовут меня, как и его, Балинтом! — заодно отвечал он.

Как давно это было! Должно быть, лет шестьдесят назад. Хромой Балог был тогда уже молчаливым, угрюмым человеком. Он не раскрывал рта целыми неделями, но стоило ему завидеть жандарма, он начинал сыпать такими страшными проклятиями, что жена бросалась к нему и ладонями зажимала его изрыгающий ругательства рот. Не из стыдливости, нет! Скорее потому, что она оберегала своего мужа...

— Да что же я могу поделать? — говорил Хромой Балог, когда жандармское пугало исчезало с глаз. — При виде их меня берет такое отвращение, что прямо с души воротит...

Старик обладал страшной силой. Уже парализованный, хромой, с руками неподвижно прижатыми к бедрам, он заставлял грузить себе на оба плеча по мешку, до краев наполненному зерном, и так нес их от мотыльки до зернохранилища. За это его любили подрядчики на полевых работах и ни за что не хотели

расставаться с ним. Он прокладывал дороги, осушал болота, строил каналы или нанимался косцом за десятую долю покоса.

В конце прошлого века, примерно, лет сорок назад, жандармы опять зашныряли вокруг него. Тогда он уже вел вместе с сотнями и тысячами других борьбу против помещиков. В то время забастовки, как пламя, распространились по помещичьим полям обширной венгерской низменности. Спелые колосья гнулись к земле, а остро отточенные косы мирно покоились на плечах косцов.

Косцы собрались на границе имения, насчитывающего тысячи моргенов земли. Со стороны села приближались поблескивающие штыки жандармов. Они гнали перед собой словаков. Они их привели, чтобы убрать урожай на помещичьих полях.

Послушнее, богобоязненное был этот забитый народ...

Во главе собравшихся стоял Хромой Балинт Балог, а рядом с ним сын. Управляющий подъехал к ним верхом, за ним — жандармы. Управляющий слез с лошади и пошел вдоль толпы. Перед Хромым Балогом он остановился и крикнул:

— Шагом марш!

Старик продолжал стоять неподвижно. Управляющий набросился на него и стал кричать задыхаясь, что никто из рабочих ему больше не нужен, чтобы они все убирались. На дороге уже стояли словаки, окруженные жандармами. Управляющий побагровел, охрип, но продолжал насккивать на Хромого Балого.

— Убирайтесь-ка лучше, барин, подобра здорову, пока целы! — предостерег его старик.

Управляющий ударил Хромого Балого по лицу. Старик взревел, коса, блеснувши, поднялась с его плеча и врезалась в грудь управляющего. Ее острие вышло у него между лопатками, и в ту же секунду косцы обрушились потоком на жандармов. Те, не успев начать стрелять, мгновенно оказались втоптаннми в землю. Словаки пустились наутек. Восставшие косцы были захвачены ротой жандармов. Хромому Балогу еще в селе, в погребе нотариуса, переломали кости. Он уже умирал, когда его вместе с тридцатью другими перевели в окружную тюрьму. Так он и умер. Когда через четыре-пять лет, понемногу один за другим, люди стали возвращаться из тюрьмы, они первым делом побывали на кладбище. На могиле Хромого Балого росли цветы, масса цветов, и чьи-то заботливые руки обложили могильный холм узкой полосой дерна. Многие годы городские рабочие чтить его память. И повсюду на венгерской низменности старика часто и подолгу вспоминали люди, живущие трудом своих рук.

Балинт Балог не раз совершал путь от села до городского кладбища. Во время войны эти посещения прекратились. В эти годы он объезжал страну в качестве ландшафтурмовского возчика, а когда после мировой войны беднота взяла в руки поводы страны⁴, ему удалось однажды снова побывать на кладбище. Тогда на могиле старика произносились речи и ораторы, по очереди пожимали Балинту руку. Один из них спросил его, что он думает о своем отце и о деле, за которое тот отдал жизнь.

Балинт Балог посмотрел на спрашивавшего долгим взглядом, потом сказал:

— Кто спорит, тот должен крепко спорить!

Они вернулись в село на телеге, он и жена. Двоих взрослых сыновей поглотила война, один, рожденный на пороге старости ребенок, которого звали тоже Балинт, остался под присмотром соседей, когда окружной комитет советов пригласил их в город на праздник.

Вскоре в селе появились белые офицеры. Они били Балинта Балого по щекам, называли его старой свиньей, бунтовщиком и увезли его с собой. В городе они снова били его. Целую неделю он ползал только на животе, потому что после пыток не мог стоять на ногах. Просидев четыре года в тюрьме, он вернулся домой. Его жена превратилась в маленькую старушку, а сынишка Балинт ходил уже в подпасах.

Маленький пастушонок вырос и стал батраком. Потом его сдали в солдаты. Потом... в прошлом году служка из управы пришел за старым Балинтом, повел его к нотариусу и там, в канцелярии, — староста и священник тоже присутствовали при этом, — нотариус огласил извещение военного суда, в котором сообща-

¹ Народное название Ориона.

² Большая Медведица.

³ «Бедные парни» — пайки разорившихся крестьян в Венгрии, грабившие помещиков.

⁴ 1919 год — власть советов в Венгрии.

дось, что Балинт Балог-младший повешен за измену государству...

Старый Балинт Балог таращил глаза на небо. Вокруг него царила тишина. Звезды на небе светили теперь более тускло. На горизонте ночь уже переходила в рассвет. Он смотрел на небосвод, но и там он видел лишь толстое лицо нотариуса, видел, как тот, с сигарой в углу рта, изрекает приговор: «Повешен...»

— Балинт, Балинтка!

Старик, шатаясь, пошел дальше. Он уже устал, но не решался присесть из боязни уснуть, а тогда все пропало. Все.

В начале весны Розика сказала:

— Балинт, ты должен пойти отыскать нашего сына. Скоро годовщина его смерти. Обнеси оградой и обрванный постель бедняжки.

Да, да! Отыскать! Если он станет справляться, ему не скажут, где зарыли его палачи. А раз они все равно не покажут, зачем спрашивать? Да еще пришлось бы, пожалуй, стоять навтыжку и униженно умолять этих господ. А возможно, что они и упрячут тотчас же в тюрьму того, кто хочет почтить могилу измненника.

В начале лета Мигай Йочик, самый богатый крестьянин на селе, сказал... Он сделал вид, что не заметил старика, хотя тот стоял тогда на базаре за его спиной... Он громко объявил своему соседу:

— Старый Балог мастерит лестницу! — И так как никто не спрашивал его, зачем нужна старику лестница, он заявил со смехом: — Лестница ему понадобилась, чтобы в день всех святых навестить своего сына!

План придумала Розика:

— Ты пойдешь туда, Балинт, проберешься за ограду кладбища, искать будешь только у края, туда они бросают таких... таких... — и Розика всхлинула, помянув своего сына словом «такое»...

— Роза! Розика! — воскликнул Балинт Балог. Он остановился. Погрозил кулаками светлеющему небу и тоже всхлинул.

Мощный порыв словно снял покрывало ночи с равнины. Утренняя заря разлилась на посевшем небе. На востоке пылал на горизонте огненный холм. Это был не холм, а гряда нагроможденных друг на друга пылающих мешков... Теперь холм заострялся кверху. Огненная башня высилась над равниной. Вершина башни непрерывно росла... Теперь она превратилась в гриб, гигантский, слепящий... Потом он разросся, становясь все бледнее. Вскоре он развернулся и превратился в тулуп. Уже можно было смотреть на эту огромную оболочку из ослабевшего огня... Внезапно внизу этой огненной покачивающейся стены вспыхнули сотни факелов. Они взорвали ее. Свет хлынул на равнину, над которой теперь миллионы жаворонков встречали песней новый день.

Город был уже виден. К нему вел между рядами прямых, как стрела, сосен влажный асфальт, но Балинт приближался к городу по полям и выгонам. Фабричные трубы, церковные колокольни выглядывали из-за залитых солнцем крыш... Дальше, шагах в пятистах, лежало кладбище...

Он остановился и огляделся по сторонам. Никого не увидев, он двинулся дальше. Он хотел проникнуть на кладбище незаметно. Что ж поделаешь, если теперешний мир таков, что человеку не позволяют безнаказанно навестить могилу повешенного... И тот, кто это делает, и тот, кто заметит такого человека и не донесет, — оба изменники. Поэтому они вдвоем с Розой так осторожно разработали этот план посещения могилы в день годовщины.

Здесь, позади кладбища, найдется, должно быть, щель, через которую он сможет пробраться. Может быть, какая-нибудь из досок отодвигается и можно проползти. Лезть через забор было бы трудно, но если придется... Он остановился. Перед ним внезапно, словно из-под земли, вырос кто-то.

— Куда, отец? — спросил незнакомец.

Балинт осмотрел молодого человека. Он окинул глазами и ров, в котором стоял парень и из которого он вынырнул так внезапно. Парень, как видно, не ночевал под открытым небом: достаточно было взглянуть на его одежду, почти несмятую, и на бодрые глаза.

Балинт не ответил. Он пошел дальше, то и дело оглядываясь. Повидимому, парень снова улегся в ров, потому что его нигде не было видно.

Балинт на каждом шагу заглядывал через забор. Время от времени он ощупывал ту или иную из досок, но все они стояли прочно и неподвижно.

— Вы хотите войти? — услышал он вопрос.

Парень, которого он видел раньше, стоял позади него. Может быть, это кладбищенский сторож? Но нет. Тогда бы он расхаживал внутри. Он зашагал дальше. Незнакомец позади него тихо прошептал:

— Вы найдете три меловых креста, там и вход.

Он оглянулся. Незнакомец сказал ему еще вдогонку, что когда он уже будет внутри, он должен задвинуть доски на место. Он нашел три креста, вынул доски, прополз через отверстие, затем тщательно вставил доски.

Из-за одного из памятников вышла девушка. — Вы кого-нибудь ищете, папаша? — спросила она.

— Я... — он отвернулся. Напрасны были все расчеты, напрасен труд, он потерял время попусту! Кладбище уже полно. Он снял шапку и отер потный лоб.

Немного дальше у забора, вокруг одной из могил, стояли люди. Четверо. По четырем углам могилы. Они стояли прямо, как свечи, но их лица, их глаза были обращены к могильному холму.

Откуда-то показался пятый. Он остановился у могилы. Один из стоявших благоговейно отошел в сторону, и на его место встал новый. Вот и еще один... Еще... На месте четверых прежних стояли четверо новых. Неподвижно, словно на часах. Среди них была одна девушка.

Они стояли караулом у красиво убранной могилы.

На высокой, обложенной дерном могиле лежали груды лилий, роз и гвоздик. Караульные снова сменились. Теперь по четырем углам могилы стояли четыре девушки. Прежде чем стать, они положили на холм цветы.

Балинт Балог подошел к могиле. Он увидел, что время от времени та или иная из караульных шевелит губами, и услышал, что они едва слышными голосами поют песню: «...Вы жер-

твою пали в борьбе роковой... в любви беззаветной к народу». Тихо и жалобно одновременно пели четыре девушки...

Поющие плакали, слезы текли по их щекам; покидая в одиночку свои места, они низко кланялись. На смену им подошли всего трое мужчин, Балинт занял четвертое место. Его никто не приглашал, он подошел сам...

Прежде всего он взглянул на сверкающее синее небо. Потом глаза его опустились на могилу, и он стал слушать заглушенную, отрывисто звучащую песню. Слова запрещенной песни о последнем, решительном бое.

Тело старого Балинта Балого выпрямилось при отрывочных звуках давно неслышанной призывной песни. Мужчины покинули свои места. Балинт повернулся. Из-за могил со всех сторон бежали молодые и старики, мужчины, женщины и девушки. Они образовали полукруг, став лицом к могиле, у края которой все еще стоял старик. В центре полукруга кто-то доставал широкое красное знамя, обмотанное вокруг тела. Красный шедк укрепили на палке, и он заколыхался, низко склоненный перед могилой и перед Балинтом Балогом.

Один из мужчин начал тихо говорить. О деде, которого убила помещичья власть и чью могилу уже замело время. И о внуке, унаследовавшем веру деда. Его тоже убили богатые. Но на их место, на место убитых, пришли другие, пришли тысячи, десятки тысяч. Многие еще сойдут в могилу, прежде чем наступит свобода народов, радостная жизнь для бедняков. Но живые и победившие бедняки никогда не забудут мучеников за общее дело. Память о Балинте Балого-старшем и его внуке Балинте Балого-младшем будет долго жить и служить примером...

Затем они разбежались. Знамя исчезло, исчезли и люди. Остался лишь тот, который говорил. Он продолжал стоять, пока старый Балинт Балог в третий раз читал по складам имя своего сына. Потом дотронулся до плеча Балого:

— Пойдемте, отец! Вас еще могут захватить!

Перевод Е. МАГАТ

Игорь Строганов

Суомаланде

СААМСКАЯ ПЕСНЯ

Студеных тундр
необозрим простор,
крутые горы,
темные озера.
От гор твоих
и от твоих озер
не отвести
восторженного взора.

Корабль уходит
в дальние края,
наш апатит
берет корабль в залив.
Суомаланде¹, —
родина моя,
Суомаланде, —
нет страны красивей!

И если ночью
падает дрожа
сияние
на кировские трубы,
на молодых оленях
выезжать
мы в легких чунках
из становищ любим.

Пусть наши чумы
теплые стоят
век на земле
свободной и счастливой.
Суомаланде, —
родина моя,
Суомаланде, —
нет страны красивей!

Сквозь мерзлоту,
сквозь покрывало тьмы,
сквозь слепоту
далеких расстояний
вчера прозрело
око Туломы²,
что ярче звезд
и северных сияний.

Виднее стала
красота твоя
в широком
электричества разливе,
Суомаланде, —
родина моя,
Суомаланде, —
нет страны красивей!

¹ Дословно — Лапландия. В песне — страна саами, населяющих центральную часть Кольского полуострова на севере СССР.

² Гидроэлектростанция, находящаяся за полярным кругом на Кольском полуострове.

Ровесники

Рассказ

С трудом я отбил себе номер. Три часа, размахивая путевкой и колотя себя в грудь, я убеждал портье в своем праве на номер. В вестибюле гостиницы, кроме меня, было еще много народу, — все размахивали путевками, все колотили себя в грудь. Дежурный портье, седая женщина в очках, разговаривала с нами отрывисто, в промежутках между телефонными звонками. Потом она ушла, и я, протискавшись ближе всех к окошечку, сразу поймал взглядом большую цифру 16, изображен-

Было приятно и то, что при номере был балкон с видом на море. Я даже чемодана не раскрыл, — несессер всегда при мне. В ванне я уже засыпал, — сказала двухсуточная дорога. Поэтому на балкон я заглянул только на минутку, чтобы вдохнуть полной грудью морской воздух и немедленно завалиться спать. Внизу, под кронами лавра и пальмами, густой толпой двигались курортники, слышался женский смех, где-то смеялось радио. И вот тут я увидел его. Это был совсем юный паренек, в моряцком тель-

шел на балкон. Прямо передо мной еле слышно плескалось о берег невидимое в темноте море. В огромном его просторе блистали две светлые точки, должно быть, огни дозорных судов. Ветра не было. После долгого пути тишина казалась торжественной, космической, нерушимой.

Я закурил папироску; блеск эпички на мгновение взорвал темноту. И тогда под балконом кто-то зашевелился, заерзал по гравию, вздохнул.

«Сторож, — подумал я. — Сейчас спросит, сколько времени».

— Извиняюсь, который час? — раздалось снизу, из темноты.

— Половина четвертого, — ответил я. — А вы что: сторожите?

— Сторожи, — с усмешкой раздалось снизу. И потом, словно осмелев, человек спросил:

— Можно к вам в номер? Вы один?

— А зачем?

— Мне нужно... понимаете, — нужно!

— Не понимаю, что вам может быть нужно в чужом номере, — довольно сухо сказал я. — Ведь я не знаю, кто вы такой.

— Я тоже не знаю, кто вы такой, — раздалось снизу. — Поговорить не с кем, вот и прошусь. А не хотите — так я уйду. У меня груши есть, — вдруг как-то совсем по-детски добавил невидимый собеседник.

Мне стало смешно.

— Груши? Согласитесь, — это довольно странно: приходит человек ночью и угощает грушами. Может, вы отравить меня хотите своими грушами?

— А зачем мне вас травить? — ответила темнота. — Этими грушами не бросайтесь, — таких здесь ни за какие деньги не купите.

— Но как же вы пройдете в номер? — заинтересовавшись, спросил я. — Гостиница закрыта, вряд ли вас дежурный впустит.

— А зачем мне дежурный? Вы только скажите, что можно, и я сейчас же буду у вас.

Я колебался. Пускать к себе в номер ночью незнакомого человека я побаивался. С другой стороны, я люблю всякие приключения, люблю людей, их рассказы о себе... И в конце концов, что может случиться?

Я вошел в номер, взял свою дубовую палку со стилетом и, выйдя на балкон, тихо сказал:

— Ну, вы, — как вас там, — можете прибыть ко мне в гости!

Через минуту, рядом со мной на балконе стоял человек, в котором по светлым глазам я сразу признал давешнего паренка. Он вскарабкался по выступам здания и переманхнул через баллюстраду.

— Вот груша, попробуйте, — сказал он.

Я взял тяжелый, большой плод; но левой рукой я на всякий случай держал наготове свою увесистую палку так, что кнопка, освобождающая стилет, была под большим пальцем.

— Вы, простите, совсем один? — повторил паренек свой вопрос.

— Да. А что?

— Можно мне посмотреть номер?

— Да чего вам там нужно? Номер — как номер!

— Пожалуйста покажите, — каким-то смущенным голосом настаивал паренек.

— Да пожалуй — смотрите. Только раньше скажите, кто вы такой?

— Шофер я здешний, при гостинице. Звать меня Петей.

Войдя в номер, я повернул выключатель: слеска мигая, зажглось электричество. Шофер Петя с большим пакетом груш в руках постоял с минуту на пороге балкона, затем вздохнул и сказал:

— Можете гасить. Спасибо.

— Что вы Петрушку вальяете? — с досадой спросил я. — Зачем вам нужно было осматривать номер?

— Неудачливый я, — прошептал в ответ шофер. — Никак у меня не выходит.

— Да что должно выходить, чорт вас возьми?

Петя помолчал и вздыхая принялся есть груши: судя по звуку, груша была сочности необыкновенной. Я соблазнился и надкусил свою. Таких груш я в жизни не пробовал: они таяли во рту, наполняя дыхание каким-то необыкновенным плодовым ароматом.

— Где это вы достали? — с полным ртом спросил я. Петя бросил остаток в кусты и принялся за другую грушу.

— А что: хороша? — чмокая, спросил он. — Их можно полтонны съесть и ничего не будет. А номер я смотрел потому, что девушку искал, — неожиданно заключил он.

— Какую еще девушку? — удивился я.

— Инженер-диспетчер она. Светланой звать. Она еще вчера жила в этом номере.

Я понял, что передо мной — влюбленный.

— Значит, она вчера же и уехала, — сказал я.

— Видно, что так, — согласился шофер Петя. — Хотите еще грушу? Только она вовсе не должна была уехать: у нас с ней состязание назначено.

— Какое?

— Морское и сухопутное. Морское состязание — на дальний заплыв. Она все хвастала, что обгонит меня на десять километров. А сухопутное — это в шахматы.

— А теперь уехала?

— Ничего не понимаю, — ответил шофер и с досадой бросил остаток груши в кусты. — Форменно сговорились, судью себе нашли, моторку я подговорил, чтобы, конечно, следовала за нами... А ее — нет!

— Упустили, выходит?

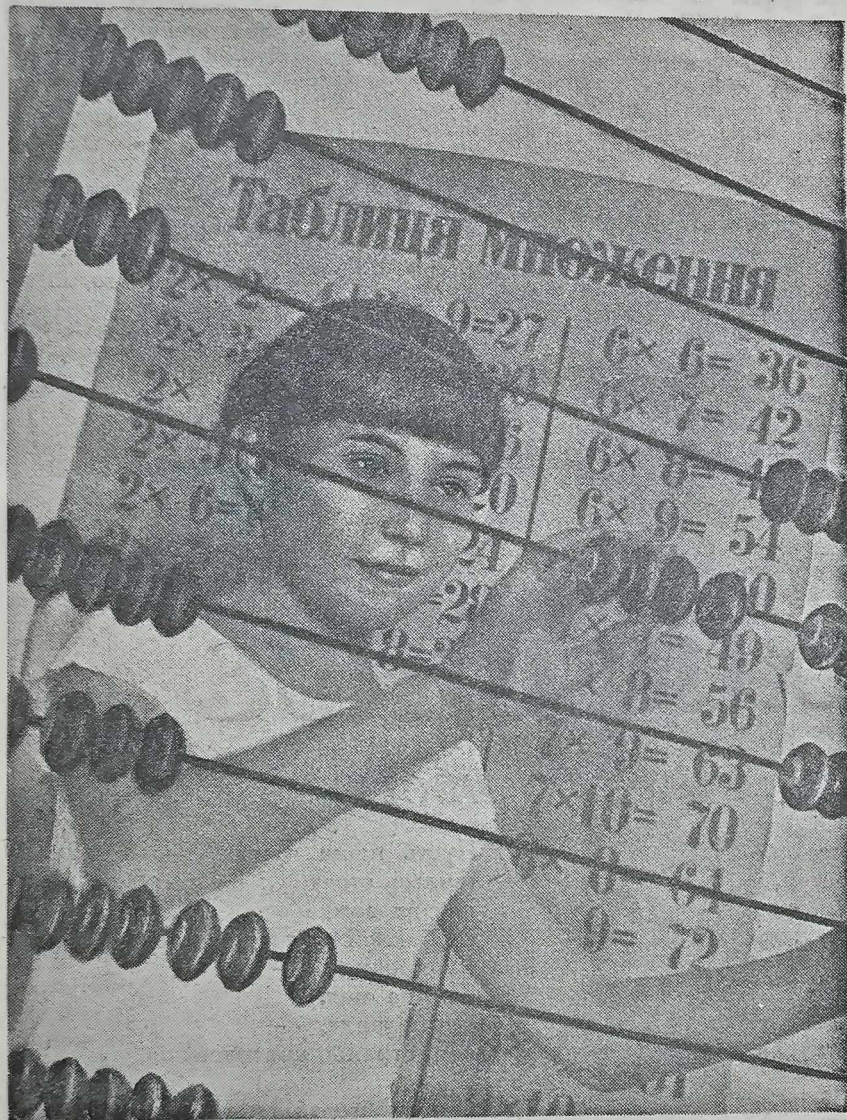
От белой полосы на горизонте возник светлый молочный туман. Дозорные огни потускнели. Небо все светлело и откуда-то сзади нас побежали по небу розовые полосы зари. Сильный запах лавром. Я мог уже видеть лицо своего собеседника.

— Значит, эти груши вы ей принесли? — спросил я.

— Ну да, а то кому же! За пятьдесят километров на поезде гонял за ними, а каково это — шоферу на поезде, а? Их только в одном совхозе и продают, — раньше других там план выполнили.

— Но почему же она вам не сказала, что уезжает?

— Не могу понять! — с силой стукнув по железной решетке, громко сказал Петя, но тут же оглянулся на окна гостиницы и продолжал шопотом: — Может, решила, что я — шофер, а она — инженер, так со мной и знаясь не стоит... Ну что же, что шофер? Я сам могу инженером быть: с осени иду в вуз. Она же мою подготовку и проверила: говорит, вполне выдержишь. А теперь — бац! — и

Урок арифметики

Фото Л. Смирнова

ную синим карандашом на листе бумаги; рядом с цифрой стоял вопросительный знак. Едва явился портье, — я внушительным, но злобещим шопотом произнес:

— Мой — шестнадцатый!

К моему удивлению, портье, даже не взглянув, протянула мне ключ. Не взглянула она и на паспорт с листком анкеты, которые я положил перед ней.

Номер был узок, как монастырская келья. Большую его часть занимали довольно нелепая полуторная кровать и высокий узкий шкаф.

На столе были цветы в узком бокале.

— Как это культурно со стороны администрации, — подумал я.

нике, со стриженной головой и загорелым лицом. Он стоял прямо под моим балконом и неподвижно, с упорством, смотрел на меня. Я вошел было в комнату, но сейчас же вернулся обратно на балкон: паренек все также смотрел вверх; отчетливо были видны его светлые глаза в овале загорелого лица. Я спросил:

— Что вам нужно, приятель?

Паренек вместо ответа повернулся и скрылся в толпе.

Я пожал плечами и лег спать. Сквозь сон услышал я отдаленные звуки хриплого рояля из радио, потом все исчезло.

Но среди ночи я внезапно проснулся. Я знал, что сразу заснуть будет трудно, поэтому встал и вы-

уехала,—с горечью закончил Петя.

— Так может, она вам все-таки говорила, что скоро уезжает?

— Да нет, ей срок через двенадцать дней! И потом, зачем она мне вчера назначила притти под балкон к восьми вечера?

— Назначила? — с недоумением спросил я.

— Ну да! Я стоял-стоял, как дурак... и вдруг — выходите вы!

— А почему такое странное свидание: она — на балконе, а вы — под балконом?

— Будете смеяться, — отвернувшись сказал шофер, — так я лучше уйду. Я не для смеха рассказываю.

— Может, закурим? — предложил я, не зная, что сказать и протягивая папиросу.

— Не курю я, — ответил Петя и занес ногу через решетку. — Физкультурнику лучше не курить. До свиданья пока, а то публика начинает ходить.

Он прыгнул в сад и скрылся между деревьями. Было уже совсем светло. Прямо перед моими глазами, на сине-зеленой искрящейся волне покачивались два белых дозорных катера: должно быть, это их огни виднелись ночью с моря. По песчаной аллее, по направлению к морю, пробежал толстый человек в синих трусиках и тапочках. — «Купаться отправился — как рано», — подумал я, и лег еще подремать, но заснул.

Разбудил меня громкий стук в дверь. Лениво я надел пижаму и отомкнул дверь.

— Можно? — спросила пожилая коридорная и, не дожидаясь ответа, вошла в номер. — Тут на вас претензию имеют, что вы чужой номер заняли.

— Это не чужой номер, а мой, — с досадой ответил я. — Вчера я заполнил анкету, отдал паспорт и получил ключ от портье.

Дверь со стуком распахнулась и в комнату шагнула высокая молодая девушка; мне прежде всего бросились в глаза длинные косы, перекиннутые через плечи. Девушка гневно сказала.

— Это мой номер, а вовсе не ваш! Я вчера уехала к подруге в дом отдыха, опоздала на обратную автомотриссу, принуждена была ночевать. Ясно?

— Да чем вы докажете, что это ваш номер? — возмущенно спросил я. — Это, знаете ли, нахальство: врывать в чужой номер и объявлять, что он ваш.

— Чем докажу? Это вам доказывать придется! — Девушка приподняла бокал с цветами и стукнула им об стол.

— Вот: это мои цветы! — Потом она распахнула дверь шкафа и продолжала: — Мои платья висят, не ваши! Чего тут еще доказывать?

— Но ведь не виноват же я, что портье все перепутала и направила меня в этот номер, — растерянно пытался я оправдаться.

— Так ведь и я не виновата.

Положение было довольно глупое: я не знал, куда деваться, но вместе с тем сдавать свои позиции без боя мне не хотелось.

— И кроме того, я спать хочу, — объявила девушка и, сев на кровать, с которой я только что встал, сбросила с себя тапочки.

— Может быть, как-нибудь по очереди? — с нерешительной улыбкой предложила коридорная. — А то номера все заняты доотказа. Сегодня в вестибюле трое ночевали.

— К чорту с вашей очередью! — ответил я всердцах и, схватив свой чемодан, как был, в пижаме, отправился к портье.

У окошечка сидел бритый длинноносый мужчина. Узнав, в чем дело, он только мотнул головой и объяснил:

— Номера все заняты. Освободятся не раньше завтрашнего дня.

— Так ведь это же безобразие, — начал было я, но в этот момент кто-то тронул меня за плечо. Я оглянулся: это был шофер Петя, на этот раз в косоворотке и в кепке.

— Что у вас такое? — спросил он меня дружелюбно.

Я рассказал. Лицо шофера вспыхнуло.

— Пойдемте-ка на минутку, — потянул он меня за пижаму. Мы вышли в подвезд.

— Это она вернулась! Светлана!! — радостно воскликнул Петя и ударил меня по плечу. — А я-то, дурак, думал, что она сбежала!

— Да мне-то какое дело, Светлана это или нет? Теперь я без комнаты остался благодаря вашей Светлане!

— Ну, не сердитесь! — улыбаясь, сказал Петя. — Хотите ко мне в комнату? Конечно, тех удобств нет, но все же... Давайте чемодан!

Комната была на задворках гостиницы, но уютная, довольно опрятно убранная.

— Вот вам и ключ от нее, — сказал Петя. — Живите, номер я вам схлопочу в ударном порядке. А насчет меня — не беспокойтесь: в случае чего, я у товарища переночую. Ну — пока, меня машина ждет.

К вечеру я получил номер — на этот раз без недоразумений.

Десятикилометровый заплыв начался через день — рано утром, по холодку. С борта моторки первая бросилась Светлана в красном купальном костюме. Я был приглашен в качестве зрителя и, расположившись с удобством на носу лодки, наблюдал, как стройная девушка, ловко работая локтями стала обгонять замедлившую ход моторку.

— Пошел! — подняв хронометр, крикнул судья, молодой моряк со спасательной станции. Петя ринулся в воду. Он сразу взял брасом, — должно быть потому, что Светлана плыла кролем. Однако на втором километре Петя тоже перешел на кроль.

Теперь они плыли рядом, метрах в пяти впереди моторки, изредка поднимая головы кверху. Встречный ветерок поднял легкую зыбь.

Справа, из-за гребня гор, брызнули веселые неяркие лучи. Разгораясь, они заиграли на прозрачных волнах и на гибких телах юноши и девушки. Моторка чуть-чуть подтянулась, и теперь шла сбоку пловцов.

— Термос дать? — крикнул судья. Петя отрицательно мотнул головой. Светлана сосредоточенно работала локтями. В этот момент я заметил разницу стилей: у Светланы кроль был мягок и плавен — в отличие от резковатых бросков ее партнера. Но в обоих пловцах была красота юности, задора, победы!

Солнце решительно овладело морем и горизонтом; когда пловцы приблизились к финишу, — оно сильно припекало плечи и затылок. Мне самому захотелось в воду. Пляж на всем протяжении заплыва уже пестрел купальщиками.

К финишу Петя стал отставать. Мы поравнялись с маяком, — это был финиш.

Светлана схватила руку судьи и легко вскочила на моторку.

— Моя победа! — воскликнула она, сняв свой чепчик и размахивая им в сторону партнера. Ее темные косы упали на голые плечи.

— Спокойно, спокойно, — что хронометр скажет! — ответил судья,

улыбаясь. Да и трудно было не улыбаться, глядя на эту рослую, красивую девушку в мокром красном шелку, — озаренную солнцем.

— Ты, конечно, победила, — тяжело дыша сказал Петя, карабкаясь на борт. — Но это — ничего. Я тебя на реванш в шахматы обыграю.

Он обнял Светлану, — и во-время, так как лодка, забирая к берегу, накренилась. Теперь они стояли рядом, — молодые, светлые, сильные.

— Можно? — спросил Петя.

И, не дожидаясь разрешения, он звонко поцеловал свою подругу в губы.

Мы любим солнце.

Мы приветствуем его по утрам веселой зарядкой, оно ласкает нас на водных станциях, оно дружески обжигает наши тела на пляжах и спортивных площадках, — и даже зимой, на лыжных вылазках, мы кричим солнцу дружное «физкульт-ура!»

кардой. Юноша стоял у глиняной стенки окопа и ожесточенно терся об нее спиной. Одновременно, приподняв грязную гимнастерку, молодой солдат скреб обеими пятернями грудь.

— Заела вошь, — с отчаянием сказал он мне. — Нет тебе ни бани, ни просто водички. У, сволочь проклятая!

Он поднял кулак и погрозил им небу.

— Кого это ты, товарищ?

— Да солнце, дери его чорт!.. Печет и печет, и удержу ему нету... А вошь, от него еще пуще плодится...

Это было страшно: двадцатилетний человек проклинал солнце. Я потом встретил этого парня в 1919 году на Лозовой; он вел батальон против Деникина. На этот раз он шел завоевывать право на солнце.

И теперь это право у нас есть. Мы владеем правом на солнце, воз-

Счастливая молодость

Фотоэтид П. Трошкина

Девушки на колхозных полях собирали великолепный урожай этого года, улыбаясь солнцу. На громадных площадках и в цехах наших заводов и новостроек солнце помогает нам растить цветы, наполняющие воздух кислородом. Неотъемлемо наше право на солнце!

А двадцать лет назад, в семнадцатом году, я бродил по окопам западного фронта. Окопы почернели и прогнили от дождей, грязи и проклятий. Ленивая перестрелка с немцами была единственным развлечением. Нет; пожалуй, было еще развлечение: можно было курить прелые, прошлогодние листья.

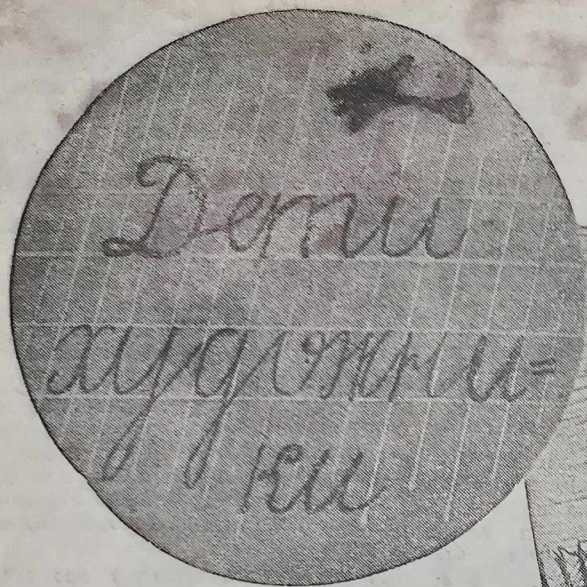
В окопах я видел юношу. Ему было около двадцати лет, он был в мятой фуражке с солдатской ко-

дужа и воду, — таким же реальным, как наши права на труд, на отдых, на образование.

Двадцатилетний юноша — наш современник — полон здоровья и молодой бодрости. Его подруга ему подстать. Они оба владеют юностью и счастьем, которым дано расцветать пока только у нас, в Советской стране. Соками могучих сил налилась страна, и эти силы отражаются в ясных глазах наших юношей и девушек.

Мы — страна молодости и здоровья! За нас — все развитие истории, за нас — передовые идеи человечества.

Горе тому, кто посмеет посягнуть на любое из наших прав!

В. Альтер

Фото Р. Бенарио

Искренность, свежесть, острота восприятия, любовное проникновение в тему — эти качества характеризуют большинство экспонатов третьей Московской областной выставки детского изобразительного творчества.

Вот шагает по льдине на лыжах, с ружьем за спиной «Дедушка Шмидт». Это картина тринадцатилетнего Жигалова «Дедушка Шмидт на охоте». Много непосредственности в детском рисунке. Спокойная величавость в фигуре и поступи Шмидта — этого смелого завоевателя Арктики — и явственно чувствуется в картине любовь художника к «дедушке»!

Хорошо сделан «Пограничник с собакой» одиннадцатилетнего Кудрявцева. Ярка по колориту картина Степаниной — девочки тринадцати лет из Орехово-Зуева — «По

дороге». Очень выразительно переданы фигура возницы с поднятым кнутом и мчащаяся вскачь лошадь.

По выставке можно судить о широте интересов и полноте жизни советских школьников. Тут и природа, живая и мертвая, колхозы, пионерский быт, спорт. Иллюстрации к сказкам, к произведениям Пушкина, Гоголя, Горького, завоевание Арктики, самолеты,

радио, героическая борьба Испании, пограничники и т. д. Любовь к природе чувствуется во всех пейзажах — зимних, летних, осенних, весенних.

Обращает на себя внимание работа мальчика тринадцати лет — Кукушкина: «Пушкин на фоне осеннего пейзажа». В центре картины стоит, прислонившись к дереву, Пушкин. Густая листва деревьев дает целую гамму тонов —

от золотисто-желтого до багряно-красного.

«Сталиногорск» Карева, отличающийся четкостью линий, выразительно передает индустриальный пейзаж города.

Сильное впечатление остается от картины Смирнова: «Республиканская Испания». На баррикадах залегли республиканцы с ружьями и пулеметами. Среди них стоит женщина, с гранатой в одной руке и с ружьем в другой, вдали — в вышине летит истребитель. Все фигуры, камни баррикад и пейзаж создают образ республиканской Испании, полный героизма и величия.

Борьба испанского народа отображена в выразительном плакате Чистякова (ученика Калужской изостудии): Темносиний фон прорезает полукругом темнокрасная лента знамен, с крупной надписью посередине: «No pasaran!», напоминающая собой как бы арку, под которой в темноте настороженно, но твердой поступью, с ружьями на-перевес, устремляются в атаку республиканцы. Бесстрашие и решимость ярко выражены в их лицах и фигурах.

Замечательна по динамике работа Ярика Могилянского, показывающая поимку нарушителей границы.

Прекрасно передана летящая в атаку Чапаевская конница — работа ученика V-го класса Кленеева: кони и всадники с занесенными вверх саблями несутся вперед.

А вот колхозный быт — работа Галичева под названием «Слушают доклад Сталина». Вокруг радио сгруппировались колхозники и с большим вниманием и сосредоточенностью слушают речь любимого вождя. Картина написана в радостных тонах. Дети хорошо чувствуют материал акварели, которой написано подавляющее большинство картин.

Иллюстрация к сказке Пушкина «О попе и работнике его Балде». Рисунок ученика 8-го класса Ю. Галозинского

«По дороге». Рисунок Степаниной, 13 лет

Из картин, написанных маслом, следует отметить «Осень» Семенова. Юный художник успел, видимо, хорошо познакомиться с произведениями крупных мастеров. Картина написана с большим мастерством.

Очень интересны рисунки. Особенно отличился Винокуров в работе карандашом «Вечерет».

Следует отметить еще альбом рисунков-иллюстраций к пушкинской сказке «О попе и работнике его Балде».

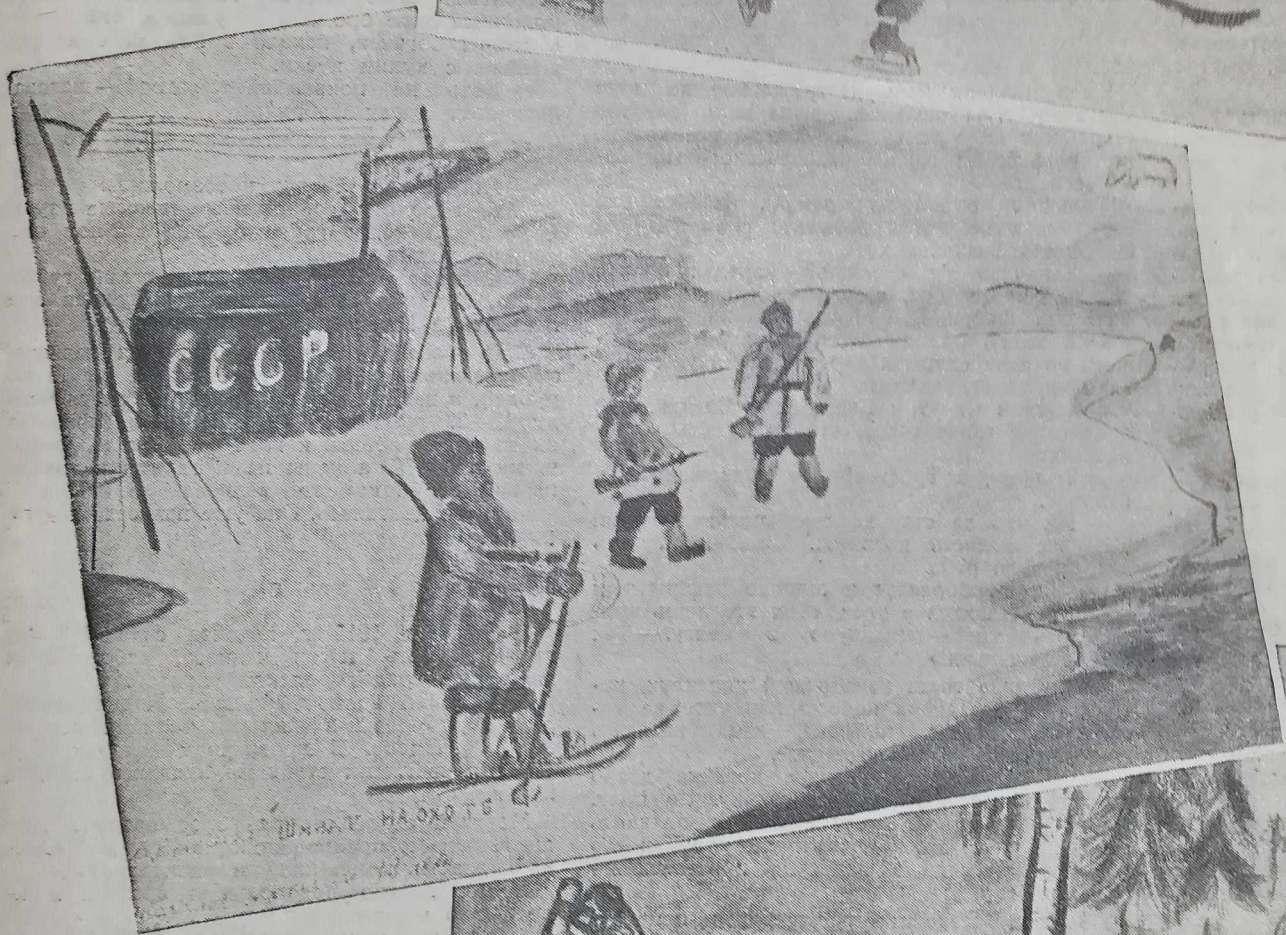
На выставке есть и скульптура. Вот монументальная фигура из мрамора «Пограничник» — работа шестнадцатилетнего Морозова. Фигура пограничника массивная, крепкая, спокойная.

Отметим в заключение группу из обожженной глины «Прощание республиканца с семьей»: кавалерист, сидя на коне, наклоняется к жене, подносящей ему ребенка. В этой сцене хорошо сочетаются мужественность бойца с нежностью. Гармонично увязаны друг с другом все фигуры.

Мы не коснулись аппликаций, выжиганий по дереву, вышивок, и-

↑
«Хоккей». Рисунок Хромова, 14 лет

←
«Дедушка Шмидт на охоте». Рисунок Жигалова, 13 лет

↓
«Охрана границ». Рисунок Могиланского, 13 лет

делий из папье-маше, бумаги и т. д. Но и этого достаточно, чтобы оценить выставку по достоинству.

Несколько слов об организации выставки. Экспонаты отобраны специальными инструкторами, командированными с этой целью в пионерские лагеря, школы, студии и т. д. На выставке представлены лишь произведения, созданные вне школы. Талантливых вещей оказалось так много, что эти 900 выставленных экспонатов представляют лишь небольшую часть всего отобранного. Остальное не удалось поместить за недостатком места. И это только в одной Московской области!

РАСПРАВА

Рассказ

Для объединения партийных сил в Иваново-Вознесенске созвана была конференция большевиков.

Все выступления единодушно сводились к одному: начать среди рабочих немедленно агитацию за вооруженное восстание и свержение царского правительства.

В ту же ночь, перед рассветом, в жандармское управление был доставлен восемнадцатилетний отбелщик Алеша Крупенин.

Едва его ввели в кабинет, как невыспавшийся ротмистр ткнул ему в лицо пачкой листов.

— Это что?

— Должно быть, бумаги,— спокойно ответил юноша.

— «Должно быть!»... «Должно быть!» — перерезал арестованного жандарм.— А прочтите-ка, молодой человек, что вы в них сочинили!

— Я и грамоте-то не разумею, господин офицер.

— Ах, так! Скажите, какая святая наивность. Ну, так я вам прочту! — еле сдерживаясь, чтобы не разразиться потоком ругательств, крикнул ротмистр и, брызгая слюной, быстро заатараторил:

«...так что же нам делать? Послушаться ли призыва правительства, позабыть партийную рознь и пойти на братоубийственную войну, верными слугами царизма? — Нет, товарищи! С правительством не может быть никакого примирения. Мы до конца останемся его врагами... Надо смести всех палачей — от царя и министра до урядника, надо на развалинах деспотизма и варварства водрузить знамя свободы... Будем прислушиваться к голосу социал-демократии и при первом удобном случае повернем оружие против нашего настоящего врага — правительства, превратим эту братоубийственную резню в гражданскую войну — революцию...»

— Ну-с, что вы скажете?

Юноша только разводил руками и делал вид, что решительно не понимает, чего от него хотят.

— Ладно же! — поднялся со стула офицер. — Я помогу вам вспомнить, откуда вы получили прокламации для распространения.

И, кликнув вахмистра, приказал отправить задержанного в тюрьму.

2

Полночь. Тюремный надзиратель то-и-дело подкрадывается к одиночкам, заглядывает в волчок.

Не спят заключенные. Там, без конца, до одури, шагают из угла в угол, здесь, кажется, собираются перестукиваться, тут что-то пишут отрывком карандаша на бумажном клочке или шепчутся.

Неспокойно надзирателю. Много годів провел он на царевой службе, всяких видывал на своем веку арестантов, а таких «оголтелых» никогда не встречал.

В карцер ли угонят, лишат ли передачи, отнимут ли книги, они не только не стихнут, а еще больше «охальничают».

Одного накажешь, — и весь коридор тотчас же как с цепи сорвется.

Сутками, без передышки, колотят крышками от параш, что есть мочи, в стены и двери, истошно кричат, требуют прокурора, отказываются от пищи.

А как с властями предержащими разговаривают! Надзирателя вчуже страх пробирает.

— Нет, прошли добрые времена, — кручинно вздыхает надзиратель. — Одолеи нашего брата политики эти самые. Добро еще, ежели б всех зараз выловить можно. А то, что ни день, все новенькие, да новенькие. Сколько же их, прости господи, развелось на белом свете?»

Из камер несет зловонным парашным духом, едкою сыростью, затхлостью. В каж-

дой одиночке, за «нехваткою» мест, сидят по трое-пятеро заключенных.

Вон в крайней одиночке, устроившись на давно не мытом полу, оживленно беседуют с только что привезенным товарищем Алеша Крупенин и старый подпольщик — рабочий Егор Степаныч, носивший кличку «Федор».

— Как же! — сжимает кулаки новенький. — Подумайте! С начала войны по сей день цены на продукты выросли на триста девять процентов! Жить же как рабочему человеку?

Он внезапно снижает голос до шопота.

— Стачка обеспечена... Фабрики подготовлены, товарищи... Голод гонит людей на улицу...

Алеша захлопал в ладоши.

— Я так и знал. Еще за день до моего ареста, на прошлой неделе партийный комитет...

— Тише! — зажал ему рукой рот «Федор». — Эх, молодо-зелено! Тут, Алеша, и стены уши имеют.

И незаметным кивком указал на дверь.

Из волчка на них глядел немигающий глаз надзирателя.

3

Была поздняя ночь. Погруженное во мрак местечко Ямы казалось вымершим, словно стертым с лица земли. Далеко, во все концы, ни огонька, ни голоса человеческого, ни собачьего лая.

Только в одной из крайних избенок все еще никак не могла забыться сном ткачиха Екатерина Васильевна.

— Ты чего все егозишь? — изредка ворчал сквозь сон ее муж, старый отбелщик с куваевской фабрики, Трофим Никанорыч.

Она много раз пыталась заговорить с мужем, но едва открывала рот, как он уже снова начинал всхрапывать.

С каждой минутой Екатериной Васильевной овладевала такая тоска, что впору было расплакаться.

— Трофим, а Трофим! — не выдержала она, наконец.

— Ну что за старуха суматошливая такая! Дай же малость поспать... Чать, не гулять завтра, а на раб...

Он вдруг оборвался и широко раскрытыми глазами уставился в угол. «Так это лишь при виделось мне! — мелькнуло в мозгу. — Так нету Алешеньки!»

От мутного света начавшейся коптилки, которую в последнюю неделю нарочно не гасила Екатерина Васильевна, изба казалась еще уютнее и непригляднее.

Всегда такая чистоплотная, хозяйка давно уже позабыла про веник и тряпку. На полу, там и здесь, среди грязи и мусора, валялось тряпье. Стул от трех ножек, как уронили его тогда в ту страшную ночь, так и остался лежать на-бок.

По столу деловито расхаживали осмелевшие мыши. Одна из них, самая маленькая, жадно скребла зубами просалившуюся середину доски.

Взгляд старика не отрывался от угла, от того места, где темнела койка.

Сомнений не оставалось: койка сына была пуста.

Трофим Никанорыч с ненавистью обернулся к жене.

Зачем она разбудила его? Зачем помешала видеть Алешу, говорить с ним, слушать его?

Седая голова Екатерины Васильевны жалко свесилась на плечо. Из ввалившихся глаз капали крупные слезы. В лице не было ни кровинки, оно показалось отбелщику мертвым. Чуть вздрагивала согнутая спина.

— Боже! Что они сделали с моим Лешей? Что они сделали?

Гнев старика мгновенно исчез.

— Катя... не надо, Катя... неожиданно тепло вымолвил он и почувствовал, как к горлу подкатывается соленый ком. — Не тужи, вернется еще.

Они тесно прижались друг к другу и при-молкли.

За окном бесновался дождь. Сквозь пазы стен то-и-дело со свистом врывалась в избенку водяная пыль. Когда свирепеющий ветер особенно сильно сотрясал сенную дверь, старики, словно по уговору, внезапно вскакивали и напряженно вытягивали шею.

— Никак стучит кто-то?

Екатерина Васильевна бежала к двери.

— Алешенька, милый!

Обоим было до боли ясно, что это стучит дождь, но они всем существом своим поддавались обману. И ждали. Вот сейчас, сию минуту, войдет он, их надежда, единственный сын их, русокудрый синеглазый Алешенька.

4

По улицам все реже и неуверенней проходили пестрые толпы лавочников, переряженных городских, унтеров, мелких чиновников.

Хоругви, портреты царя, молебны на площади не будили уже даже в сердцах самих манифестантов бывшего воинственного задора и лампадного патриотизма.

И все непреложней в слова гимна вплетались новые гневные ноты:

— Хлеба! Война войне! Хлеба!

Крик этот находил живой отклик в каждой избе. Жить становилось все хуже и хуже. Хлеб дорожал. Получки нехватало, чтобы прокормиться даже неделю. Появились больные. Голодные дети бродили по улицам, забирались в дворы богачей, искали в помойках выброшенные с кухни куски.

— Хотя не показывайся домой, — жаловались друг другу фабричные.

— Где уж, коли ребятишкам не на что хлеба купить.

— Глядеть на детвору невозможно...

Над городом собирались тяжелые тучи. Всем было ясно: гроза близка, вот-вот она должна разразиться.

Чувствовал это и сам владимирский губернатор. С тяжелым сердцем он вынужден был написать в Петербург:

«...до войны месячный заработок иваново-вознесенских рабочих простирался от 15—23 рублей, в настоящее время он колеблется между 18—27 рублями. Таким образом заработок их за время войны, к концу 1915 года, увеличился до 20%, а цены на продукты и товары первой необходимости возросли до 100%».

Гроза надвигалась. Она уже нависала над городом.

5

10 августа 1915 г. великая сила рабочих, двадцать пять тысяч человек, собралась на площади перед городской управой.

Был яркий солнечный день. Над головами людей рубиновыми частыми волнами переливались знамена. В прозрачном воздухе голубиными светлыми стайками купались вольные песни.

Могучей силой звучал голос оратора, призывавшего к прекращению войны, к свержению власти помещиков и капиталистов.

Народ горячо поддерживал оратора и непрерывно выкрикивал:

— Вернуть наших братьев с войны! Хлеба! Довольно разбоя!

До самого вечера по улицам ходили демонстранты. К ним примыкали все новые и новые толпы.

6

— Что делать? — бегал по комнате жандармский подполковник. — Так терпеть дольше нельзя.

— Надо заставить фабрикантов пойти на уступки, — в десятый раз повторял ротмистр. — Они шутят с огнем. Если так будет продолжаться дальше...

— Ах, оставьте меня со своими советами, — передернулся подполковник. — Фабриканты, по своему, правы. Их не прибавками, а пулеметом нужно учить.

Вскоре к подполковнику приехали прокурор и представители от управы.

Они долго совещались о чем-то и наконец пришли к общему решению.

— Освободить арестованных! — раздался чей-то страстный призыв.

Трофим Никанорович, с утра ходивший по городу с демонстрантами, больно вцепился в руку жены.

Лицо Екатерины Васильевны, изможденное, желтое, вдруг залилось ярким румянцем.

— Освободить арестованных! — ликующим эхом отозвалась она на призыв. — Идем, Трофим... Алешеньку будут освобождать!

Кругом площади выстроились нивесть откуда появившиеся казаки. Против Приказного моста, по дороге к тюрьме, стал отряд унтер-офицеров, переодетых в солдатские шинели.

У казарм, в которых заперли солдат из опаски, что они могут перейти на сторону рабочих, дозорили жандармы и городовые.

Руководители демонстрации поняли, что наряду готовится ловушка.

— Товарищи! — обратился к народу только накануне выпущенный из тюрьмы Егор Степанович. — Время позднее, товарищи, разойдемся до утра. А завтра вновь встретимся перед управою.

— Будем стоять здесь до тех пор, покада не выпустят всех арестованных! — вырвалось из сотен грудей. — Мы безоружны! Чего нам бояться? Кто тронет безоружных людей?

Екатерина Васильевна первая ринулась к тюремной площади. За ней помчался Трофим Никанорович.

В переулке стоял наготове поручик, командовавший воинскою заставой. Он только дожидался мгновенья, чтобы выполнить «с честью» решение, принятое на совещании у жандармского подполковника.

— За мной! — крикнул поручик и вынырнул вместе с засадой из переулка. — Пли! Пли! Пли!

Улица обагрилась рабочей кровью...

После трех залпов на Приказном мосту осталось тридцать убитых и пятьдесят три тяжело раненых.

Остальные, кто только мог еще двигаться, истекая кровью, поползли в разные стороны, в подворотни, только чтоб избавиться от ареста и издевательств палачей.

Городовые хватали здоровых и раненых, связывали по рукам и ногам, волокли к тюремным воротам.

С улюлюканьем, гиком и свистом неслись по темным улицам казаки.

Убитые лежали в мертвецкой. Их караулил жандармский вахмистр.

Другой страж, городской, сердито покрикивал на людей, задерживавшихся у трупов.

— Осади, который, за двери! Нечего тут зря околачиваться!

Он прошелся по мертвецкой, важно задрал голову, и споткнулся о чьи-то ноги.

— У, повакидало вас сколько тут!

И отпихнул в сторону труп «Федора».

— Он! Кормилец наш! Он! — то-и-дело слышались вопли людей, признавших среди покойников своих близких. — Он! Люди добрые! Помогите!

У самого порога, крепко вцепившись в руку мертвой жены, лежал с разбитым черепом старый отбелыш Трофим Никанорович.

Где-то благовестили к обедне. С улицы доносились черная ругань, пьяные песни и лихие звуки оркестра.

То чиновники и фабриканты справляли кровавую тризну по убитым рабочим.

Ник. Панов

Композитор

Переполненных ярусов

Яркая даль,

Смотрят тысячи зрителей с разных сторон.

Черной льдиной мерцает концертный рояль,

Белой льдиной блеснул из-под фрака

Пластрон.

И в страну эту в первый приехавший раз,

С сединой в волосах, со щеками, как шелк,

Под обстрел любопытных, внимательных глаз

Композитор советский к роялю прошел.

Композитор на клавиши пальцы кладет.

Зал замолк. Тишина напряженной струны.

Что сыграть для начала?

Что публика ждет

От приезжего из большевистской страны?

Там, где комнат отельных

Граненый кристалл,

Брошен утром на стол незаполненный лист —

Это строки анкеты, с которой пристал

К знаменитости

Острый, как нож, журналист:

— Вы, маэстро, всемирная величина!

Вас впервые приветствует наша страна.

Наша публика вами увлечена,

Биографию вашу знать хочет она!

Он тогда написал, пожимая плечом:

«Биография очень несложная — вот:

Полуграмотным парнем, голодным ткачом

Повстречал я в России семнадцатый год.

На господ фабрикантов, покорней вола,

Я работал — и руки мертвели мои.

Большевистская партия нас повела

По октябрьской дороге, в крутые бои.

И однажды...».

Он кончил на полустроке —

Как всю жизнь свою

Втиснуть в короткий листок?

Но сейчас, на концерте, от сердца к руке,

Нарастая, бежит вдохновения ток,

Что не входит в столбец

Прозаических фраз,

Что на сердце его назревало давно,

Рассказать он сумеет, он выразит враз

Языком раскаленных пылающих нот.

Ожидает рояльная пестрая пасть.

Разом подняты пальцы взволнованных рук,

И на клавиши пальцы готовы упасть,

И неожиданный экспромпт

Начинается вдруг.

Звуки встали — и зала недвижимого нет.

В память хлынула воспоминаний река:

Озарил орудийный, мерцающий свет

Дыбом вставшую проволоку баррикад...

Мокрый запах камней... Ржавых вывесок жечь...

А за ними ползут и друг друга бодрят

Старики, молодежь... Чтобы жить, чтобы есть

Поднимается в бой

За отрядом отряд.

После славных боев,

После дымных фронтов.

Интервентов знамена конями топча,

Возвратились домой... Был он снова готов

Стать в цеху у станка...

За работу ткача.

Но однажды к роялю он сел... И тогда

Взял в работу его музыкальный кружок...

Он с азов начинал, он работал года,

Чтобы дар его — вел, очаровывал, жег.

Композитор играл про любимых друзей,

Про участников славных октябрьских боев,

Чи отряды разлились по родине всей —

Защищать, переделывать, строить ее!

С блеском радостных глаз

Все барьеры берем!

Жизни нету полней, жизни радостней нет,

Чем у нас,

Кто родился на свет с Октябрем,

Кто торжественно

Двадцать отпразднует лет...

Он играл, как над ширью

Советских границ,

За которыми войны и ужас и мрак,

Льется рокот

Бесчисленных сталинских птиц,

Пограничник следит, чтоб не двинулся враг.

Он играл,

Как безводной пустыни пески

Оживают усилями творческих рук.

Как шуршат над песками плодов лепестки,

Как Советы пришли за арктический круг,

Чтоб пустыни снегов — холодна и бела —

Засияла огнями строительства сплошь...

И прочитана рта анкета была

От высокой галерки до бархатных лож.

В восемнадцатом году

Рассказ

Дело в том, что отправлялись мы ловить птиц. Степан Андреевич, колхозный бригадир и стахановец, партизан, отличный хозяин, за которым числился не один колхозный рекорд, вот уже полтора месяца, с первых весенних дней, готовил «шпарки», «тайнички» и даже какую-то «крану-самолов», но весенние колхозные дела заставляли его все откладывать и откладывать путешествие на бочажок с обгорелыми пнями — место, какого, по его словам, «не могла миновать ни одна птица».

В восемнадцатом году, когда завоевывать наш Север пришли интервенты, — Степану Андреевичу пришлось отстаивать своей грудью вот эти самые места, деревню Пошеньгу, в которой я третий день живу, вот этот лес с черными, словно обкусанными пнями елей, проросших новой буйной порослью, и тот самый бочажок, куда мы шли и где произошло со Степаном Андреевичем «большое событие».

Но только к полудню, когда в холщевом мешке Степана Андреевича билось штук семь чижей, когда позавтракали мы остывшими шаньгами и полуденный примолкший лес заструил под горячим солнцем тяжелые запахи заботевающей почвы, Степан Андреевич показал пальцем на пятак молоденьких зазеленевших рябинок возле обгорелых пенек, любимого места птичьей ловли, «какого ни одна птица не минует», и сказал:

— На этом самом месте поймал я трех отличных чижей десятого сентября восемнадцатого года, как раз на другой день, как меня расстреливали... Рябинок тогда не было... я их после посадил...

Воевать за нашу советскую власть, — начал Степан Андреевич, — пришлось мне в моих родных местах. Вот она, Пошеньга, сейчас за лесом, по этой тропке Ловля будет, за ней Еремино, — мои гражданские фронты, — но попал я на свои родные фронты из Ярославля по случаю ноги. Когда эсеры Савинкова подняли в Ярославле восстание, работал я на спичечной фабрике бывшего Дунаева и мне пробрили ногу выше колена. Я перевязал ногу бинтами, но отстреливаться приходилось в канаве, и грязь прошла сквозь марлю, почему и пришлось через некоторое время слечь в ярославскую больницу с антоновым огнем.

Ну-с, лежу. Палата чистая, сам я чистый, как херувим, нянька насквозь чистая, а доктор до того беленьким и чистеньким оказался, что после первого же разговора с ним попросил я из цейхгауза походный свой вещевой мешок и переложил револьвер под подушку. Кое-кто из докторов в те времена к раненым красноармейцам были подозрительно «добры»: палец красноармеец обрезал — не годеи, ногу прострелили — не годеи, расстройство желудка — тоже не годеи. Начнет такой «доктор» в твою нутре копать — наговорит такое, что не воевать — до фронта не доехать. Однако в германскую войну гнали такие милостивые доктора, как пушечное мясо, и чахоточных, и с незажившими ранами, и после тифов больных, — многие действительно до фронта не доезжали.

Как-то утречком приходит доктор ласковый, как родная мать.

— Очень жаль вас, золотой мой, ногу придется, однако, отрезать...

— Чего ж так? — спрашиваю.

— С ногой не жить!

— Это верно! Отрезать ногу куда легче, чем без ноги прожить...

Поиграл он блестящим своим инструментом, глаза прищурил и спрашивает материнским шопотом:

— Так что ж предпочитаете? Умирать?

— Кому? — отвечаю также шопотом и тащу револьвер из-под подушки. А эта птичка перед чужим носом — сами знаете! — поворачивается, как живая...

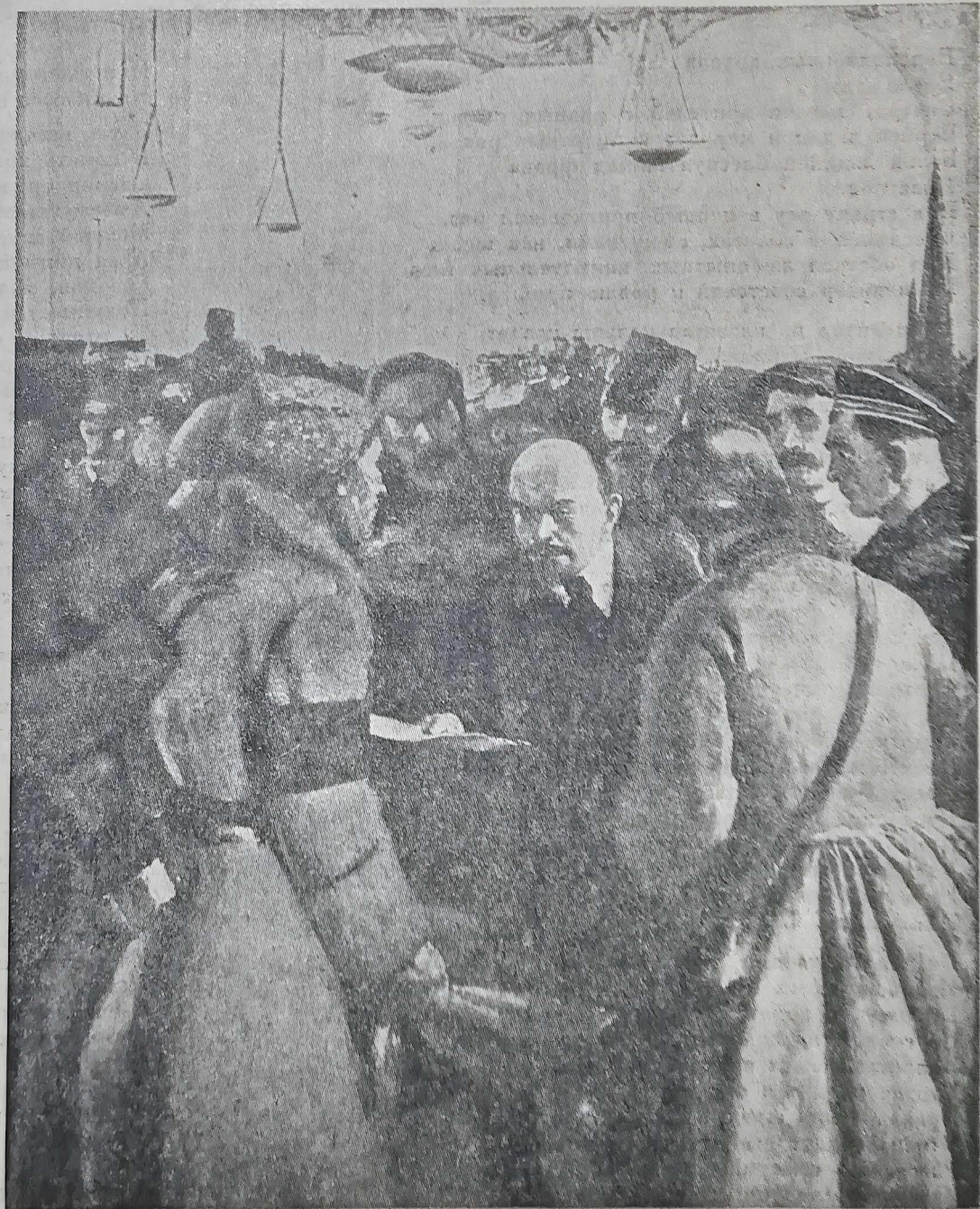
На другой день получил я месячный отпуск, собрал походные свои монетки в мешок, уперся для устойчивости на костыль и вышел из госпиталя с железнодорожной literой в город В., ныне бывшей архангельской губернии.

По дороге на вокзал купил я на сорок копеек купоросной кислоты и на двугривенный масла, про которое аптекарь сказал, что оно — для придания дамскому лицу загара, но химически безвредное, хоть грибы на нем жарь. И в поезде прижег рану купоросом, а когда волдырь лопнул и вытекла из него черная вонючая дрянь, промазал дамским тем маслом. Дня через три была у меня новая кожа и нога поправлялась на глазах удивленных пассажиров. Им, конечно, странным показался такой способ лечения, а меня в госпитале научил один верный человек — лечили так сбитые кандалами ноги на царских этапах...

С большой радостью добрался я домой после четырехлетнего пребывания на царской и гражданской войнах. Но дома радостного оказалось мало. Жену не узнал — так постарела, мальчишка, Петька этот самый, подросток, вихрастый, грязный, меня дичится, в день приезда так и не подошел — поотвыкли в те годы от нас, отцов, ребята у материнских юбок. Избенка моя совсем вросла в землю, крыша

очень зеленой травой поросла — такая зеленая трава только на кладбищах бывает. Коровенки нету — продали, кур, сами знаете, на севере не подят, сели ужинать, — хлеба и того не вдоволь. А время было такое, что на нас войной весь свет обернулся. Под Питер немцы шли, с Белого моря все наши бывшие союзники — англичане, американцы, итальянцы, французы, сербы... В каждой деревне свой фронт обозначился. На что уж наш В. был маленький городок, а подняли в нем два белых гада — капитан Будаилов да купец Никитин, восстание и шли войной на ближайшие деревни. Ну, что ж! Не сидеть же сложа руки, когда на тебя со всех сторон дезут. Сбили мы в нашем селе партизанский отряд, и шестого сентября, за два дня перед нашим престольным праздником, напекла моя старуха из прибереженной на праздник муки шанежек, не хуже тех, что мы с вами поели, уложил я их в беззаветный свой походный мешок, в одну засунул партийный свой билет поглубже и, попрощавшись с семьей, выступил навстречу белобандитам, захватившим соседнее с нами село Ловлю.

На другой день столкнулись мы с белыми, они повели наступление от Ловли на мое родное село. И мы с такой силой бросились вперед, что отбросили их в Ловлю, ворвались в самое деревню, и это была первая наша победа на родных нам фронтах. Тут мы решили задержаться, выставили сторожевое охранение на околице, а к вечеру того же дня увидели мы цепи белых солдат, которые шли от опушки на деревню. Белые солдаты вставали в поле,

Ленин в Смольном. Картина худ. С. Герасимова

как автоматы, все сразу, шли под нашим огнем и снова ложились на землю, как один. И вот оттого, что стали над нами рваться снаряды, а их никогда не слышали в тундре, и что шли затанутые в мундиры интервенты (это были они), — партизанская наша молодежь растерялась.

Отступили мы немного. Я бросился в чей-то огород — на нем еще не сняли картошку, и ботва была мне по колено. В той картошке я залез, уложил винтовку на жердь и начал обстрел — интервенты все идут, поднимаются в цепи по команде, ружья наперевес, мерным шагом, как гуси, все идут по полю. А я и не заметил, что, прыгая в огород, оторвался от своих, и цепи интервентов вышли ко мне с фланга. Вкладываю очередную обойму и вдруг слышу треск изгороди за спиной, а это четверо иностранных солдат бегут ко мне по картошке. Я перекинул винтовку на ремень через плечо, ухватился за изгородь, чтобы перемахнуть наискосок к баньке, за которой отстреливались партизаны.

Вот тут-то я и погиб. Погиб самым дурацким обидным способом! Зацепился ремнем винтовки за кол и повис на нем вниз головой, угодив физиономией в крапиву по ту сторону изгороди. Интервенты рассмеялись, ухватились за болтавшиеся в воздухе мои сапоги и стащили их. И вот я уже стою перед ними безоружный, в размотавшихся грязных портниках, потный, от того, что висел головой вниз, и от того, что так глупо и обидно попался.

Солдаты поговорили на своем языке, один толкнул меня прикладом в плечо, и я понял — надо идти. В таком позорном виде предстал я перед капитаном Будаиловым, командиром белого отряда.

— Мобилизованный? — спрашивает.

— Мобилизованный...

— Много такой сволочи в вашем отряде?

— Не считал...

— А шомпола на спине сумеешь подсчитать?

И, обернувшись к интервентам, отдал им приказание на чужом языке. Те начали меня обыскивать. Пошарили по карманам, пощупали воротничок и рукава рубахи по рубцу, принализались за походный мой мешок. И тут показали сначала постиранные женой исподние штаны и рубаха, а потом — шанежки.

Один иностранец брезгливо, как лягушку, поднял шанежку двумя пальцами перед Будаиловым, а тот улыбнулся и говорит по-русски:

— Шаньги! Очень вкусная штука! Давно не ел...

Солдат подал ему шанежку, и, надкусив, Будаилов обнаружил в ней мой партбилет.

— Эге, — говорит, — да они у тебя с начинкой.

Вытащил партбилет, обнюхал его со всех сторон.

— Другой начинки я от тебя, подлеца, и не ожидал! — И тут же сказал интервентам одно слово на их языке. То слово понял я сразу — все потемнело у меня в глазах. Вот и конец жизни! И все хочу вспомнить, какая же она была у меня, жизнь-то? — И вспомнить не могу. То старенькое лицо жены перед глазами, то Петя — как стоял он в углу в первый день моего приезда, ногой ногу обвил, грязный палец во рту, смотрит исподлобья... Много после над этой смертной своей минутой я раздумывал. Видел я сына и жену в ту минуту так ясно, как никогда и в живой жизни не видел. И вот сейчас вспоминаю их, а лица перед моими глазами такие, как видел в ту неповторимую минуту. Иностранец тронул меня штыком в бок, и лица потухли...

Мы перешли улицу, — куда же? Должно быть, ведут к тому вон сараю. Сарай большой, серый от времени, из пазух леса-корабельника. Такой большой сарай, что, кажется, не я к нему, он на меня идет. И так страшно мне стало, что я остановился, солдат снова толкнул меня штыком в бок, и вижу я — четыре штыка вокруг меня, как иглы... Нет, не убежать!

У сарая поставили к стене. Крикнуть им? Сказать? Не знаю ни одного языка, кроме русского. Солнце в глаза светит. Смотрю в дула винтовок. Нету силы оторваться. Страшная злость заливает с головой. Никогда такой злости не испытывал, как в ту минуту. Кричу им в дула:

— Стреляйте, бандиты!

И ведь поняли! Один подымает дуло мне в грудь. Высокий, с золотым зубом, потные волосы плывут из-под фуражки, ремень через плечо блестит, как речка на солнце. Миллион человек поставь передо мной — пройду, сразу узнаю того высокого, наощупь в том миллионе найду: уж очень он правильно держал винтовку! А другой — плохонького роста, сразу покраснел, левая нога у него все подгибается, словно она короче. Навел дуло в мои глаза, встретились взглядом — упала винтовка. И опять ведет, не может к моим глазам поднять, дуло к земле тянет, как только наши глаза сойдутся.

Высокий выстрелил первый. Меня толкнуло в грудь. Повернувшись спиной к ним, я повалился на землю и не слышал второго выстрела. Он был: пуля навывлет прошла через шею.

И вот лежу я на земле, вижу землю, трава на ней большая, как лес, песок, муравей ползет, раздавленная спичечная коробка, — неужели смерть? К самым моим глазам подошли шнурованные башмаки, высокие, как колокольни. Чей-то голос сказал:

— Капуть!

Это слово я понял. И понял еще — живой я, живой, вот он, вот он муравей-то уже взбирается по башмаку. Башмаки стояли, как вкопанные, и, большие, они закрывали страшный сарай из корабельного леса. Они стояли, как горы, я знал — они обрушатся на меня, едва я подам знак жизни, а кровь наливалась в нос и в рот, и я не дышал, чтобы она не булькала. Потом башмаки отошли, и я потерял сознание.

Очнулся я ночью: кровь забила нос и горло. И еще от холода — сентябрьские ночи на севере крепки, с инеем. Попробовал подняться — не могу, много потерял крови, — подо мной лужа, в ней я прилежался. Было очень свежо, спокойно горели звезды, как будто ничего не произошло, ветер шевелил траву, она шелестела совсем человеческим шопотом. В сарае с хрустом жевала лошадь.

Я приподнялся на руках и согнул ноги в коленях, боли не было. Теперь бы только вздохнуть полной грудью, отхаркаться, — так после сна курящему человеку забивает глотку всякая дрянь, и надо отхаркаться, как проснешься. Но кровь набивалась в горло, — чтобы она не затуманила опять мозги, я задрал голову, как ночная собака к луне, и пополз ст сарая через поле.

С полверсты через поле до кустарника полз весь остаток ночи. Увидят в поле — добьют. Не выходя из деревни, добьют. Сначала я полз без разбора, лишь бы доползти, но скоро понял — ползу глупо, опять потеряю память, тогда крышка — с поля не сползти. И вот выработал способ: переступлю два раза правым коленом, потом два раза левым, и ложусь лицом на землю — земля холодная, и отдохнешь и будто глоток воды выпьешь. К рассвету добрался до кустов, залез в чащобу, в мочажину, поел морошки и, должно быть, с нее потерял память. И опять пришел в себя только к вечеру, когда похолодало. Пришел в себя — стал соображать, куда податься. Места знакомые, с детства собирал грибы и ягоды, птиц ловил, по этой вот тропке до германской войны в волость ходили. Но тропки побоялся, полз чащобой, раздвигая кусты. Лез всю ночь, задирая голову к небу и падая лицом к земле. И чем ближе подбирался я к этому вот лесу, тем страшнее становилось. Тишина, каждый хрустнувший сушоч слышишь: белка срывает шишку — та шишка гремит по земле, как выстрел. Ночь в лесу тревожна, хоть мы, северные люди, и привыкли к лесу и знаем его.

И сколько ночей я провел в лесу, а вот так-то утра, как тогда, не доводилось. Словно он мне в тайнах своих открывался, лес, в то утро. А холодно. Зимой в лютейшие морозы не бывает так холодно, как в сентябрьские утра, когда ложится первый иней.

Я дополз как раз до этого вот самого места, где сейчас мы с вами сидим. Вижу, дальше не уползти. А тут в то время тропа была, с Еремина. Забрался в чащобу, ох и гугогата же лесная в то время здесь была! Вековые ели, — видите ли какие! Забрался и решил ждать утра. А утра у нас — сами знаете какие: долгие, просторные. Небо ясное было, голубое, хоть и подернуто поближе к земле дымкой, на южной стороне деревьев иней блестит... В такие утра птицы кучатся, к отлету собираются. Зяблики, синички, желтые чижи,

пеночки — чего только не увидишь в такое утешное утро. Лежу, тихо в лесу, — неужели, думаю, войной мы всех птиц распугали? Неужели, думаю, так и нет на весь лес ни одного птицелова — босого, накрытого, как решето, тяткинны картузом, сурьезного мужчины в тринадцать лет? Только успел подумать — вот он! Он самый! Птицелов. Идет по тропке с Еремина. Рубашка на нем полгода назад была белая, штаны подтянуты веревочкой, тяткин картуз без козырька, ноги красные от холода, на руке клетка с птицей... Милый ты мой!

Птицелов присел на тропке, — я не шелохнулся, лежу в кустах, глаз от него оторвать не могу. Достал из портков жестянку с махоркой, раскурил, руки ковшиком — совсем как взрослый на ветру. А с дерева в это время — «вжя! вжя! вжя!» — вьюрки, они! словно ждали его! Голову приподнял чуть, смотрит, боится волнением себя выдать. Стайка вьюрков упала в овражек. А на осинку, над самой головой мальчика, неслась синица, — брюшко снизу-то видно, — черное, значит — старая... Хладнокровно докурив, птицелов напустил в окурок слоней, раздавил его пальцами, с хозьяйской неторопливостью принялся оснащивать западню.

И вот в этот момент над самой его головой раздалось громкое, как пулемет, тьяканье.

Птицелов выпустил западню и присел на корточки.

— Чудак! — не выдержал я, высывая из кустарника голову. — Да это ж дятел!

В западню билась без толку прирученная его птичка, роняя перья.

— Чего испугался, чудак? Это ж дятел стучит... Он всегда перед стаей идет... Дятел пройдет — жди чижей, синичку жди, зябликов... Зяблики сегодня тучами полетят...

— А ты чей будешь? — спросил мальчик.

— Из Пошеньги...

— Чего ж у тебя морда-то в крови?

— Птицелов я... ободрался в лесу... Да тише ты! Спугнешь.

— Я тихо...

— То-то что тихо... Дятел на перелетах — всем птицам вожак!

— Ну-у?

— Вот тебе и ну! Табак-то весь вышел?

— Есть еще...

— Давай сюда. Сам-то чей?

— С Еремина.

— Воюете небось?

— А как же! К нам иностранцы встали...

— К тятке?

— Убег тятка...

— Тс-с-с! — погрозил я. — Слышишь, дятел примолк. Сейчас, если тронется, — вся стая за ним... Давай западню...

Я вытащил его птичку из клетки, посадил ее на «шпорку», мальчик насыпал на точок муравьиных яиц и таракашек. Небо над нами все светлело. Над кустами полетела паутина — верный признак солнечной погоды. Лес просыпался по-настоящему. Закрыкали вьюрки, зашвистели еще какие-то птички, — далеко, не разберешь, — метнулась сторожкая после ночи стайка зябликов.

— Ползи ко мне в шалаш! — шепчу птицелову. — Да тише.

Он прикусил язык и, засунув голову под ветки, прильнул к щелям. Под ветками сразу стало темно и жарко.

— Пили-тл-тл — завела свою трель приманочная мальчикова чижевка. Мы оба затаили дыхание. Слышно было, как бьется сердце мальчугана и булькает кровь в моем горле.

— Ты на Пошеньгу? — спрашивает мальчик чуть слышно.

— На Пошеньгу...

— Мой тятка туда же уберет...

— Погоди! — шепчу я. Отличный желтый чиж слетел в это время с вершины дерева к западу. — Весь улов поползам... Тебе в жизнь столько не поймать, сколько я сегодня поймаю... Я, брат, счастливый... Как зовут?

— Васяткой.

На точок опустились еще два желтых чижа. — Крой, тетеря! — толкнул я птицелова, и под сетью затрепетали три птицы.

Стая сбилась с деревьев, зачирикала, кинулась через тропу. В лесу стало тихо.

— А ты говоришь... Ловил ли по тропе-то?

— Не, — с уважением замотал он головой.

— Желтенького переярка я себе беру, а чижевка и другой твои будут... Давай покурим...

Он с нетерпеливой готовностью вытащил жестянку с табаком и газету. Газета была не наша, не русская.

— Белые давно в деревню-то вошли?

— Третьего дня к вечеру...

— И бои были?

— А как же!

Мы помолчали, совсем как взрослые, когда один разговор отговорился, а нового еще не придумали. А день разгорался все ярче. В кустах пропали тени. Ткнулась косым полетом бабочка—осенняя, последняя—желтая, как самая первая бабочка весной.

— Давеча, слышать, в Ловле расстреляли одного, а он уполз... Ты что ль?—спросил вдруг мальчик.

— Я.

— Ишь ты ведь!..—и, помолчав, добавил:—Сворачивай западню... птиц мы с тобой все одно поугадили... да ползи вперед потихоньку, а я за тобой... Давеча, как мне итти, белые к опушке караул высылали...

Клетку, однако, я взял к себе. Понял ли он мою предосторожность? Милый мой птицелов, прости меня за нее! Поглядев, как я приматываю клетку одной рукой к шее, он сплюнул сквозь зубы равнодушным плевком и полез в кусты. Я на локтях—за ним. Позади меня—кровавый след. Ужасная штука—кровь на траве! Она, знаете, ржавеет сразу, сизая какая-то становится, ничего человеческого в ней не остается. Значит, лесок-то обязательно местом боя будет,—кто-нибудь да должен его захватить... Как же это я раньше не подумал? И как с малым быть?

— Очень ты шумишь, Васятка! Ломишься, как медведь...

— А чего?—спросил он, приостанавливаясь.

— Птицы успокоятся—опять западню поставим... Синицы еще не видать...

— А почему?

— Она пасмурную погоду любит... А в такое утро стайки по-одиночке рассыпаются... Все надеется она, синица-то...

— Ну!—прошептал он завороченным шопотом. Его, видимо, ошеломляло мое знание птичьих привычек и тайн.

— Я тебе говорю... надеется, что лето вернется... Ну, ползи, сынок... Да вот клетку возьми! Тянет очень...

С этими словами я уткнулся лицом в землю, а приподняться уже не смог. Очнулся я, когда солнце стояло высоко и елки совсем пообсохли от ночной влаги. Птицелов сидел рядом, поджав под себя ноги. Чижи пообжились

в клетке, только мой желтенький—глупыш!—продолжал биться о прутья. Его хохолок был растрепан и мокр. За лесом строчил пулемет—с уверенной отчетливостью, как на полигоне.

— Подзем потихоньку, Васятка!..

— Ну, слава богу!—сказал он с грубоватой лаской.—Я уже думал, ты совсем окачурился... Вот за этим кустарником сейчас и Пошеньга! Враз к задам вылезешь...

— А ты куда ж? Отец-то ведь там!—указал я на кусты.

— Мамка одна осталась! Как можно мамку одну оставить!—важно сказал он сломившимся на басок голоском.

— Ах, Вася, Вася! Обязательно, знаете ли, в тот самый момент у него голос-то на басок и сломился в первый раз.

И прибавил обычным своим, детским, голоском:

— Давай птицу делить!

С каким вниманием глядел я на его обветренное в белесых бровях лицо. На руки в цыпках по одубевшей коже. На глаза—чуть выцветшие, у деревенских мальчиков всегда к осени выцветают глаза. Что-то даст тебе новая жизнь? Милый мой птицелов, в кого ты вырастешь в новом строю?

— Ты желтенького,—говорю,—бери себе... Мне все одно не выходить, сам видишь...

— И то,—отозвался он солидно,—побился здорово... А видать, хорошая будет птица... Ишь какой шустрый!—наклонился он к клетке, в которой продолжал трепыхаться чиж.

— А знаешь, какой я тебе дам совет?

— Какой?

— Выпусти ты его...

— Это еще зачем?

— Не прижиться ему в клетке. Выпусти сейчас...

Он потянул клетку к себе, и в глазах его я прочел жадный детский испуг и страдание. Сейчас он мог бы вскочить и убежать от меня. Наше охотничье условие было кончено.

— Ты не жадничай!—продолжал я.—Не всякую птицу можно приручить... Эту не приручишь, только изведешь зря...

Он пододвинул клетку к себе еще ближе, запустил в дверцу руку и очень ловким движением, как умеют делать это только настоящие птицеловы, захватил ее в ладонь, пальцами под хвост и за шею. В руке чиж прикрыл глаза, капля крови на его хохолке стала еще ярче.

— Видишь?—прошептал я.—Кровь!

Тогда он разжал руку. Чиж скакнул на его ладони, покачался на лапках, словно пробовал их крепость, и вдруг кинулся в сторону с тем особенным писком, какой обычно издает самец, учувший опасность. Еще через секунду наш недавний пленник сидел на вершине елки—с вздерошенным хохолом, с крыльями, приспущенными вниз, но с задорно поднятым хвостом.

— Прощай, дяденька!—сказал Васятка, вставая.

— Прощай, сынок!..

Вот с той самой поры, всякий раз, как только придется мне наловить столько чижей, как сегодня, всегда одного, что побойчее, вытащу вот этак-то,—и Степан Андреевич в самом деле запустил руку в мешок,—вытащу да и, не знаю сам почему, возьму да и выпущу...

Нашарив в мешке, он вытащил испуганную, нахохлившуюся птицу. Мне показалось, что это был тот самый чиж, о котором он только что рассказывал. Даже хохолок тот же—с капелькой крови...

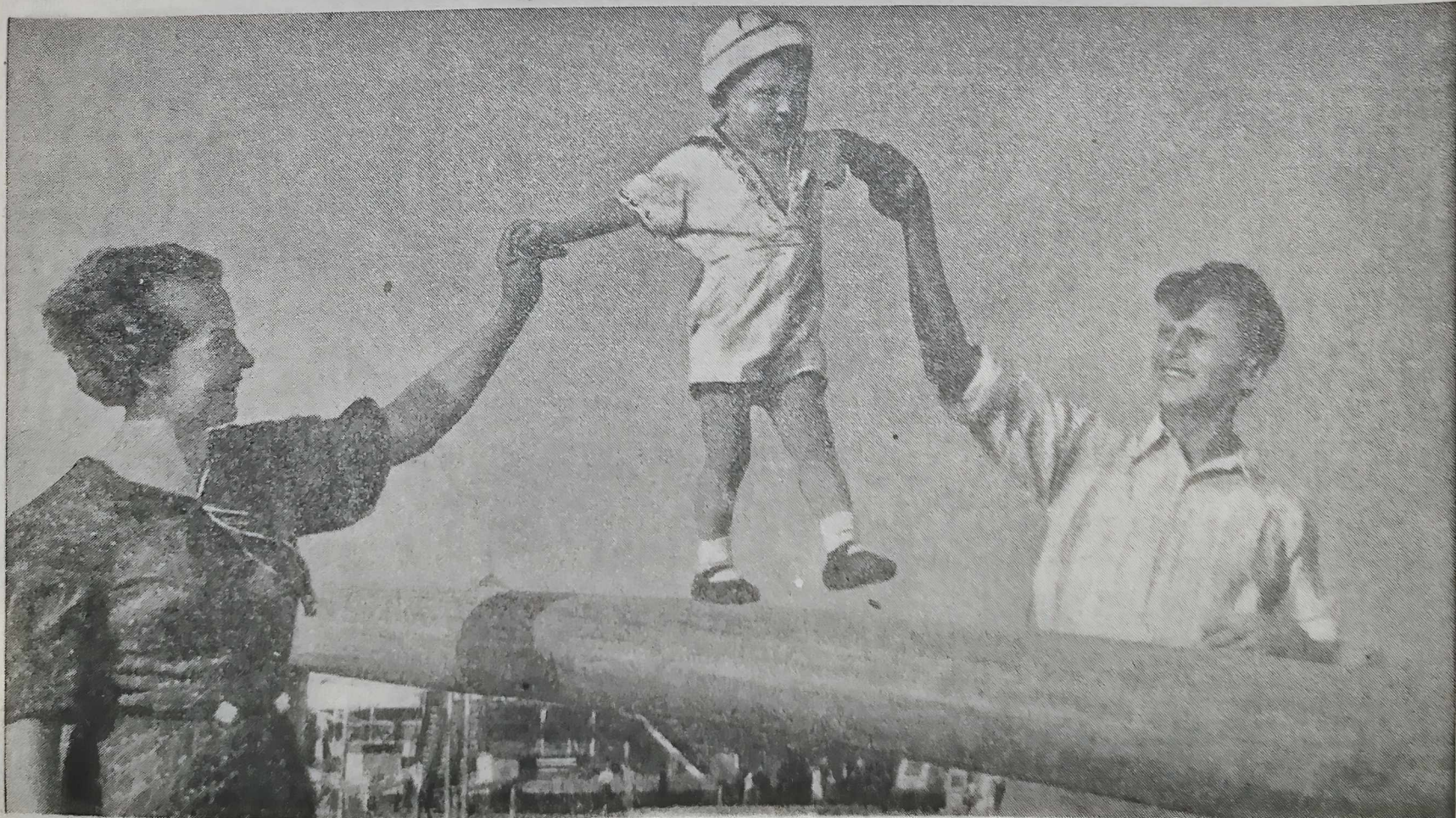
— Побился, бедняга!—сказал Степан Андреевич, разжимая руку. Чиж скакнул на его ладони, покачался на лапках, словно пробовал их крепость, и вдруг кинулся в сторону. Еще через секунду наш недавний пленник сидел на вершине елки.

— Пойдем, что ли?—сказал Степан Андреевич, вставая.

Мы пошли старым путем—лесной тропой среди бурелома. Пни больших елей, неровные, точно обкусанные громадными зубами, торчали на каждом шагу. А меж них, глуша и скрывая их страшную черноту, рос молодой ельник, сплетая ветви. Казалось, что когда-то, очень давно, прошелся по лесу озорной ураган, пообкусал, поломал деревья, но ураган прошел, прошло время,—меж старых пней поднялся молодой зеленый лес, прикрыв черные дупла обломков буйным своим согласным ростом...

— Так ничего и не слышали про Васятку-то?—спросил я, когда мы вышли из леса к угорам, открывшим полноводное течение реки.

— Почему не слышал?—сурово переспросил Степан Андреевич.—Наводил справки. Я, видишь ли, и тогда думал, что утром за лесок бой обязательно разгорится... Белые начали крыть из орудий... Видишь, во что превратили лесок-то... На третий день мамка нашла мертвенький, а в руке клетка с живыми чижами... Настоящий был птицелов...

Не страшно...

Фотоэтид Г. Зельма

В лагере

Рассказ

Этим летом я попал в плен к пионерам. Дело было в Крыму. Я сидел у моря и рисовал похажую на медведя скалу. А они подбежали на ялике, тихонько, без плеска, высадились и притаились за кипарисами. Но только я захопнул альбом, как они выскочили из засады и окружили меня.

— Художник?

Улики—альбом и краски—налицо, и я не стал отпираться. Они издали победный клич и закружились в пляске. Потом их вожакая—стройная, до черноты загорелая девушка—сказала:

— Мы хотим вас взять... в плен!

— За что, ребята?

— За то, что вы художник! Наш, лагерный, заболел. Тут Большой костер на носу, надо подготовиться, надо портреты, надо лозунги, надо украсить костровую площадку, а он вздумал болеть. Мы кинулись искать художника по всему побережью. И вот—нашли! Пожалуйста, поедьте. Лагерь наш—вон он, близехонько!

— Ладно, берите меня в плен,—сказал я,—только там у вас камешки, так вы их выкиньте... я и так поеду!

Они засмеялись:

— Ведь это для коллекции... тут кальцит, кварц, диорит... раз-ве можно. Ребята, к ялику! Фанфарист, труби веселей!

Они повели меня к ялику, усадили на корме, навалились на весла,—и мы понеслись по спокойному, величественному морю.

— Споем, ребята!

Хорошо поется на воде! Песня растет, крепнет, ширится, точно над лодкой простерся большой, полный соленого морского ветра парус.

Мы причалили к лагерной пристани, поднялись по широкой белокаменной лестнице и очутились в сказочном государстве. Оно было обтято сном, точно заколдованное. Тихо стояли диковинные деревья: самшит, магнолии, миндаль, туя... На тонкой мачте замер флаг. Улегся спать ветер. Притихло море. На пригорке, как и полагается в сказках, возвышались голубые палаты. В палатах спали загорелые обитатели сказочного государства.

— Кто это вас всех заколдовал?—тихо спросил я.

— Это злой чародей «Мертвый час». Он приходит к нам каждый день после обеда.

Но вот заиграли волшебные трубы, зашумели деревья, забегал ветер, заговорило море, захлопали двери—проснулись «чернокожие» ребята, пионеры и октябры. Они широко раскрывали глаза:

— Как долго мы спали, Зина?

— Сто лет,—смеялась вожакая,—вставайте, сони, бегите на костровую площадку, я художника привела.

На просторных трибунах костровой площадки собралось все славное племя «чернокожих»... Зина четко и раздельно сказала:

— Товарищи, давайте думать, чем украсить костровую площадку. У кого какие идеи?

Трибуны зашумели. Невысокий, головастый мальчишка поднял руку:

— Я хочу спросить: мечту можно нарисовать?

— Как это—мечту?

— У нас есть такая мечта,—объяснил мальчик,—потому что мы часто в отряде мечтали, что вот будто к нам сюда приехал товарищ Сталин. И вот будто он сидит с нами на трибуне, а мы все на него смотрим. Вот у нашего отряда какая мечта, и можно ли это нарисовать?

По трибунам прокатился одобрителный гул. Потом заговорила девочка:

— У меня вот картинка,—она взмахнула вырезанной из детского журнала страницей,—нарисован товарищ Сталин, как он держит девочку Гелю. Товарищ Сталин так приветно улыбается, а Геля с цветами, така чернявенька та гарни-сенька. Не можно ли сделать, як это, только чтобы вместо Гели были мы, наш отряд?

— Как вы считаете, товарищ почетный пленник?

Я ответил Великому Собранию:

— Ладно, попробую нарисовать вашу мечту.

Я начал рисовать. Кудрявая хохотунья украинка Нинель, стройный и ловкий кабардинец Барасби, узкоглазый, не умеющий говорить по-русски кореец Пак, молчаливый ненец Юфат, землячок Миша Кулешов, толстошекая шумная Сарра из Биробиджана,—все они очутились у меня в альбоме.

А жил я в ящике. Зина все уговаривала меня перейти в просторную комнату, но мне понравился ящик. В нем недавно привезли из Москвы столичный подарок лагерю—концертный рояль. Ребята смеялись:

— Посадили пленника в ящик!

Но ящик ящику рознь. Этот был огромный, как дом. Я поставил его у самого моря, навесил дверь, пробил окно, и там стало очень хорошо.

Целый день за тонкой стеной моего «музыкального ящика» звенят пионерские песни.

А в открытое окно врывается морской ветер, шуршит бумагой на моем столе, точно спрашивает:

— Как работается?

А волны то тянутся к окну, подсаживая друг дружку, то стучат галькой в дверь:

— Как работается?

А ночью заглядывали большущие звезды, мерцали изо всех сил и тоже, я уверен, интересовались:

— Как работается?

А когда я заснул, мне приснилась удивительная музыка—недаром в моем «доме» долго жил важный концертный рояль.

Разбудили меня горнист, солнце и звонкий голос:

— Вы не спите?

Это Нинель. Она засунула кудрявую голову в окно:

— Як работается?

Я показал ей черновой набросок будущей картины. Она живо нашла себя среди массы нарисованных пионеров:

— Это я? Ой, смех! Только почему вы сделали меня так далеко? Не можно ли меня сделать у серединке, совсем близко к товарищу Сталину? Что б я была, как Геля?

— Отчего нельзя, можно!

Она убежала счастливая. Я взялся за карандаш. Работалось легко, потому что все—яркий утренний свет, особенная свежесть, синий морской простор—все это было со мной заодно. Вдруг чья-то тень упала на рисунок. Это кореец Пак завернул ко мне, в мой фанерный «дом»:

— Что скажешь, Пак?

— Ничего, моя... так!—Он пошмыгал носом.—Моя пришел спросить... можно моя сделать очень близко к товарищу Сталину... можно?

Он умоляюще смотрел на меня узкими лукавыми глазами и долго и неумело упрашивал.

Я не устоял. Я взял резинку и начал стирать Нинель, отгесняя ее на задний план ради Пака. Но недолго пришлось Паку торжествовать. Самодельная дверь хлопнула, и в мой «дом», похожий на домик из сказки, ворвалась шумная рыжая Сарра:

— Товарищ художник, я вас хочу попросить! Вам же это ничего не стоит! Сделайте меня близко к товарищу Сталину, вот здесь в серединке! Ну, пожалуйста!

Я засмеялся и стал было объяснять ей, что... Но она не слушала и все уговаривала меня. Пришлось уступить, и я снова взялся за резинку.

Но когда пришел Юфат и стал долго, молча и упорно сопеть за моей спиной, я не выдержал:

— Ты зачем?

— Я бы хотел... меня... сюда...—и он показал пальцем на то место, где уже была нарисована Сарра. Нет, я не выдержал и побежал к Зине—пусть ее разбирается!

Вечером на костровой площадке снова заполнились трибуны. Снова шумело Великое Собрание Отрядов. Зина, размахивая руками и горячась, говорила:

— Товарищи, так же нельзя! Художник отказывается работать! Нельзя же всех в серединке, около товарища Сталина! Ведь вас много, надо же понимать!

Великий Сбор долго обсуждал положение и постановил:

«Просить художника сделать в большом виде уже имеющийся портрет товарища Сталина с Гелей, чтоб никому обидно не было».

Это вышло очень кстати, потому что, когда громадный портрет был уже готов и мы повесили его над трибунами, оказалось, что в лагерь приехала сама Геля.

Ребята невероятно обрадовались и повели ее на костровую площадку, поставили под портретом и все смотрели: похожа она или непохожа. Потом ее заставили чуть ли не до ста раз подряд рассказывать, как она была в Кремле и как товарищ Сталин брал ее на руки.

А я стал собираться в дорогу. Я очень жалел, что «плен» мой окончился, и что пришла пора покинуть веселое солнечное государство «чернокожих» пионеров.

Пионеры

Фотоэтиюд Г. Гера

ИСТОЧНИК

Рассказ

Стушившись из Артека в Гурзуф, Мемет-Али увидел полковника Синевзорова. Было лето тридцать седьмого года. Полковник лежал на санаторном пляже, подставив солнцу голую изрубцованную спину. Бронзовое тело его недвижимо распласталось на гальке. Волны, поднимаясь столбом, заливали его светящимися брызгами. Вдали море было спокойное и синее, как небо. Горы поднимались лиловый дымкой, такие высокие, что облака проносились, цепляясь за листву. В санаторном парке было пустынно. Белый накаленный воздух плотно стоял над землей.

Мемет-Али присел на камень, насыпал в бумажку табак из кожаного пузырька и провел языком по бумажке, как по губной гармонике. Он огляделся вокруг, и взгляд его остановился на полковнике. Мемет-Али в первый раз увидел в санатории этого человека, и поэтому, сняв с головы круглую барашковую шапку, он проговорил:

— С приездом, товарищ начальник.

Полковник чуть пошевелился и посмотрел на татарина через широко расставленные локти. Он приподнялся выше, и глаза его, полузакрытые от солнца, широко раскрылись и заблестели. Синевзоров встал во весь рост и, разглядывая татарина в упор через ладонь, как в бинокль, спросил:

— Мемет-Али?... — И, подойдя ближе, уже без сомнения, весело проговорил: — Да это ты!..

— Ва-а-а... — заклокотало от волнения в горле татарина. — Товарищ Синевзоров!.. — выкрикнул Мемет-Али, и бурое, точно вырезанное из дуба, лицо его разгладилось. Морщины вздрогнули, побежали к глазам, папироска выпала изо рта. — С приездом! — радостно захопотал он вокруг полковника. — Отдыхаете? Таким случаем рады...

Вскоре они сидели на берегу рядом, и беседа их текла бурно, как волна, заливавшая берег. У ног их лежало море, огромное, густофиолетовое у горизонта, с пароходными дымками, маяками, бухтами и скалистыми островами.

Временами в ладони Мемет-Али что-то звенело. Похоже было, что звенит воздух. Вслушиваясь, Синевзоров ловил этот звук, но он утихал, гулко отдаваясь в ушах, и похоже было тогда, что звенит земля.

2

...Катер «Крымгирей», пришедший ночью к черноморским берегам, пришлось потопить. Он прошел под потушенными огнями, дважды возвращался в Новороссийск и, наконец, после

тревожного рейса причалил к скале. Впереди блестел, отражаясь в воде, маяк Меганом. Море внезапно вспыхивало под прожекторами, освещенное до дна, и снова текло, осыпанное звездами. Вдали показался берег.

Синевзоров, не выпуская морской карты, взял курс на Чатырдаг, прочертившийся в небе синим зигзагом. Мелькнули огни бухты, берег возник сразу откуда-то из тьмы, с нависшей, как пулемет, скалой. Синевзоров передал руль матросу и бросил компас. Легкое ощущение бодрости охватило партизанский отряд.

— Немедленно потопить катер! — жестко проговорил Синевзоров. — Чтобы никаких следов...

Над берегом проходило узкое извивающееся в горах шоссе. В воздухе проносились огоньки машин, издали доносился топот ног, гудели голоса. Надо было торопиться. Разбившись на две партии, отряд приступил к разгрузке, унося с катера орудия на шоссе и в ложину. С берега доносилась музыка. Высоко в воздухе разрывались огненные пионы фейерверка.

Матрос, бросившись к катеру, пробил в нем дыру. «Крымгирей», захлебнувшись водой, медленно начал крениться на правый борт. Катер покачивался, подхваченный волной, полужатопленный, и шел к берегу, точно был он живой и тянулся к людям, водившим его только что под чужими маяками.

— Прощай, Крымгирей! — сказали партизаны шопотом и помахали в воздухе картузами. Глаза стали теплыми и влажными. — Прощай!.. — чуть громче повторили они, когда катер, мелькнув в последний раз трубой, пошел ко дну и в море остался пустой пенящийся след. — Прощай!..

Отряд двинулся в гору. Вскоре он остановился, измученный и усталый, за скалой, в ложине между двумя долинами. Закопав в землю пустые ящики от патронов, отряд устроил привал. Часовой напряженно глядел вниз, на шоссе, но люди спали только до рассвета.

Танцы на колхозном дворе (село Каменка, Молдавской АССР)

Фото С. Шиманского. Экспонат
1-й Всесоюзной выставки фотографии

Евдокия Фрунзе, колхозница села Подойма, Молдавской АССР.

Фото С. Шиманского. Экспонат
1-й Всесоюзной выставки фотоискусства

Синевзоров, глядя в карту, распластанную на его коленях, обсуждал план перехода в лес. Там, на крутых склонах, всюду, до северной степи, ждали его партизанские отряды, разбросанные горами. Синевзорову надо было собрать их в единую повстанческую армию. Она ударит белых с тыла и поможет красноармейцам пройти через Перекоп.

Партизаны давно ждали в лесу будущего командира.

В полдень в горах стало жарко. Солнце, ожесточительно ударяя по глазам, накаливало камни под ногами, и ходить по ним было трудно и жарко. Белая, известковая от пыли, дымка, пропадала далеко в скалах. Известь несла с низу, с крутых шоссе, окруживших горы кольцами. Люди молча раскрывали рты, пересохшие от жажды. Вскоре они поняли, что без воды невозможен дальнейший переход. Они шли, вслушиваясь в воздух — не звенят ли ручки? Но вокруг была тишина, прерываемая лишь хлестом хвороста под ногами и высоким гудением щебетанием птиц. «Пить!.. Пить!.. Пить!» — звенели птицы на невидимой высоте, где-то на горных уступах.

Кто-то из отряда достал бутылку, наполнив ее до половины водой, нагретой через холщевую сумку до кипения. Много глаз уставилось на бутылку, и ладони с судорожно сжатыми пальцами потянулись к ней. Тогда человек, владевший водой, высоко поднял бутылку над головами и с размаху ударил ее о камень. Полетели осколки. И снова люди шли по выжженной киммерийской горной пустыне, измученные зноем и жаждой. Толстые австрийские башмаки на ногах многих делали шаги тяжелыми, точно к ногам были привешены гири. Но босяком ходить было труднее по острым и горячим камням, и люди продолжали подъем, продвигаясь к партизанским отрядам, усталые и утомянные птичьим обманчивым щебетанием.

— Пить!.. Пить!.. Пить!..

Синевзоров шел впереди, уверенно отбивая подошвами шаг. Вдали, на склоне горы Туман-Кош, по карте значился большой Айгирдинский источник. И оборачиваясь часто назад, Синевзоров громко говорил:

— Впереди источник!..

Слова эти наполняли людей бодростью. Они увереннее ступали и веселее глядели по сторонам. Высоко, за склоном горы, ожидала их вода... Они продвигались к ней, цепляясь руками за камни, и чем выше поднимались, тем больше мучила их жажда. Солнце стояло высоко и прямо, раскаленное до синевы, и неумолимо палило голые, без рубаш, тела. Теперь люди упорно думали о привале у живой воды, но она попрежнему была невидима и высока, как недоступное счастье. Может быть, опускались над нею облака и птицы касались ее крыльями, разнося по воздуху звонкую манящую трель? Может быть, старый бук, зеленевший на горной вершине, смотрелся в нее, как в зеркало? Партизаны вспоминали вкус и цвет ее, и каждый раз, изнеможенные, мгновенно выпрямлялись и шли быстрее, слышав возглас Синевзорова, живой, как надежда:

— А там, впереди источник!..

3

И вот показался крутой склон Туман-Коша. Синевзоров еще издали заметил круглую башню, торчавшую высоко над деревянными желобами, по которым — знал он — вода спускалась через канавы, на поля и долины. Это и был Айгирдинский источник! Но вокруг стояла тишина. В ушах звенел лишь сухой нагорный ветер. Синевзоров побежал вперед и увидел у башни смуглого человека в круглой бараш-

ковой шапке. Он стоял, низко согнувшись, и глядел под ноги, недоуменно разводя ладонью. Отчаяние светилось в черных его глазах. Другой рукой он выколачивал о камень пустую трубку. Временами он бормотал что-то по-татарски, глаза его вспыхивали злобой, и рука, ронявшая трубку, сжималась в кулак.

— Кто ты? — спросил его Синевзоров, близко подойдя к башне.

— Мемет-Али, хозяин источника... — ответил татарин и испуганно поглядел в ущелье, по которому пробирался отряд. — Моя — Мемет-Али!.. — проговорил он в страхе, защищаясь своим именем. — Моя вода до Ялта бежит.

Не слушая его, Синевзоров встал на камень и взволнованно крикнул назад, в ущелье:

— Источник!..

Партизаны вмиг окружили башню, и уже Мемет-Али стоял посредине, высоко взмахивая в воздухе руками и крича что-то, но в радостном гуле его никто не расслышал.

— Ну, хозяин, давай воду, — сказал ему Синевзоров. — Открывай свое богатство...

Татарин продолжал испуганно глядеть на пришельцев. Много белых отрядов с пулеметами проходило совсем недавно по этим горам. Белые увели из деревни под Артеком, где жил Мемет-Али, лошадей, унесли хлеб, молоко, масло, брынзу, собирали татарскую молодежь и гнали ее на Перекоп.

Не они ли пришли и сейчас? В горах шла такая удивительная война, когда русские били русских, и как узнать среди них людей, которые защищали бедняков, таких, как Мемет-Али?

Мемет-Али продолжал испуганно глядеть по сторонам. Наконец, указывая рукой на пустой, высохший под солнцем, желоб, он мрачно проговорил:

— Нема вода!..

Тревога прошла по отряду. Партизаны поняли, что Мемет-Али им не верит. Он не утолит их жажды, ибо думает: за водой пришли белые.

Синевзоров достал из сумки пятиконечные красные звездочки и круглую печать с серпом и молотом. Он показал это Мемету-Али.

Испуг, как тень, прошел с его лица. Широко раскрылся рот, блеснув белой полоской зубов. Мемет-Али прошел на курган и, обводя отряд потеплевшим взглядом, крикнул голосом, зазвеневшим болью и злобой:

— Нема вода!..

В этот момент ему поверили. Партизаны повалились на землю. Лица, покрытые потом и пылью, стали еще больше серыми. Глаза помутнели и руки опустились на острые камни. Наступило тяжелое молчание.

Источник, живой и звонкий, манивший вдаль, оказался пустым...

Мемет-Али шел вокруг башни и разводил руками. Вода была закрыта на верховьях, у истока, на крепкий замок, и ключи хранились теперь не у Мемета-Али, хозяина источника, который орошал поля нищих татарских селений. Они хранились в недоступном месте, наверху, в Артеке, в белом доме под железной крышей.

— Помещик Перлушкин знаешь? — спрашивал Мемет-Али у Синевзорова. — Он закрывал вода... Его земля Артек...

Это была многовековая тяжба. Артековский помещик спорил с татарами из-за воды. Вода текла по арыкам, канавам и камням с высокого Туман-Коша, и жители собирали ее, как золото, отводя каналы в ущелья, где цвели сады и виноградники и паслись овцы. Воды было мало, и Мемет-Али, проклиная судьбу соплеменников, распределял ее по очереди. Люди пили воду из мутных арыков вместе со скотом. Колодцы, вырытые неглубоко, высыхали от зноя. Белая пыль неслась над долинами. Жители ждали воды, как чуда. Все скуперее орошала она узкие горные полосы земли и все обильнее поила жирную перлушкинскую землю, расцветавшую кипарисами, лилиями и магнолиями. Артековский помещик отводил воду в свое имение. Когда белые, занявшие полуостров, отбросили красных за Перекоп, помещик прогнал Мемета-Али, родового хранителя воды. Он прогнал хранителя и закрыл воду для нагорных деревень.

— Нема вода... — уныло повторял Мемет-Али, показывая рукой вверх, на Артек.

Источник его был пуст. В тишине раздался голос Синевзорова, будущего командарма.

— Отряд, стро-ойсь! — скомандовал Синевзоров. — В лес, на соединение!.. — и, повернувшись к Мемету-Али, сказал ему, заблестев глазами: — Не оскудеет твоя вода. Скоро придет время, Мемет-Али, когда мы напьемся из этого источника.

4

Услышав это, Мемет-Али встрепнулся. Он сдвинул на затылок барашковую шапку, сильно дернул ремень на животе и, подойдя к Синевзорову, спросил его:

— Вы дадите вода?

— Мы, — ответил Синевзоров.

— Вся деревня будет вода?

— Будет! — ответил Синевзоров.

Уголки губ Мемета-Али вздрогнули, зрачки заблестели синеватым блеском. Он выпрямился, стукнул палкой по сапогу и решительно проговорил:

— Пойдем лес, покажу дорогу партизан, а?.. Что будем делать здесь?

Дорога в лес к партизанам была неизвестна Синевзорову.

Узкие тропинки, прорезанные в чащах, обрывах и скалах, среди густых зарослей шиповника и кизилия, уводили далеко, и всюду под-

стерегала опасность. Здесь проходили белые, выбивавшие партизан из пещер пулеметами. Тропинки вдруг обрывались у логов, уходя узкой строчкой в пропасть и избегая оттуда круто, как винтовые лестницы. Ноги вдруг начинали скользить по мягкой листве, и люди катились вниз. Воздух вокруг стоял парной и такой плотный, что, казалось, его можно было разрезать ножом.

Мемет-Али взлез на курган, посмотрел во все стороны и тихонько свистнул. Тотчас же из всех горных щелей начали выползать татары. Это были земляки, деревенские жители, стоявшие вдоль длинного и отвесного пути канав. Они давно спустились к истоку воды из Кизил-таша, Дермен-коя, Мамут-Султана, из всех нагорных селений, где земля потрескалась от безводья. Они стояли у канав, протягивая к небу сухие руки, и звали к Аллаху. Унылые фигуры их вдоль канав торчали, как шести.

По знаку Мемет-Али они спокойно двинулись к отряду. Они взвалили на плечи ящики с патронами, достали мажару, нагрузили пулемет и двинулись с отрядом в горы.

Мемет-Али шел с Синевзоровым впереди, показывая палкой дорогу. Она вела к партизанскому штабу. Он расположился высоко, и многим казался таким далеким, как недавно Айгирдинский источник. Жажда мучила попрежнему, и пить хотелось даже тогда, когда горы окутались холодными сумерками. Они наступили мгновенно и незаметно. Мемет-Али повернул на алуштинское шоссе. Тропинка проходила через аллею помещичьего парка.

— Тихо!.. — прошептал Мемет-Али и снял с своих ног сапоги.

Глядя на него, разулся и отряд. Издалека доносились веселое пение и топот пляски. Отряд прошел незамеченным. Мемет-Али, широко вбирая воздух, громко сказал:

— Близо штаб!..

И пошел бодрее, легко отрывая ноги от земли. Он дышал легче и шире, размахивал палкой, светелел смуглым лицом, и похоже было: шел он к живому, звеневшему водой источнику.

В ложине, окруженной лесом, выстроились во фронт партизаны. Здесь был партизанский штаб.

— Сми-ирно!.. — послышалась команда, когда на поляну пришел Синевзоров, и тотчас же партизаны бросились друг другу навстречу.

Наступил конец перехода. Люди, уставшие от борьбы в одиночку, ждали командарма. Он едвал приказ о формировании повстанческой армии.

Мемет-Али взял палку и пошел на Артек.

5

Вскоре начал осыпаться буковый лес. Воздух с каждым днем становился прозрачнее и звонче. Далеко, до высокой Яйлы, отчетливее выделялись в небе кипарисы, казавшиеся тоньше и зеленее. Крутые склоны облысели, выпирая голубым камнем. Море гудело тревожнее и разбивалось у скал со звоном. Вокруг до Ялты, в осеннее это плодородие тянулись пустые сады и виноградники, сожженные ветром и солнцем. Дожди выпали редкие и мгновенные. Вода не оросила землю. Только наверху, в долине, запертой Аю-Дагом и Медведь-горой, весело цвел Артек. Окрестные татары разглядывали за воротами сады, изнемогавшие под тяжестью поздних яблок и груш. Янтарный блеск виноградников ослеплял глаза. Буйная зелень в парке, орошенном насосами, вызвала неистовство. Источник, обезводивший поля, напоил эту землю...

Татары приходили к Мемету-Али. Он бодро шел вокруг своего дома с палкой и говорил им:

— Аллах не поможет нам. В горы пришел большой начальник. Большевик. «Скоро придет время, — сказал он, — когда мы напьемся из этого источника...»

Небо становилось непонятным. Высокое и прозрачное, оно временами вспухало белыми дымками, распускаясь медленно, как бутон лилии. Эти лилии видны были далеко над хребтами. Они распускались, и воздух сотрясался от глухих взрывов. За горами гудела земля.

— Слышите? — спрашивал Мемет-Али. — Боль-

шевик начал бэй. Они несут воду нашим садам и полям.

До Артека, стоящего на краю берега, вместе с гулом доходили слухи. На севере началось бегство белых. Они бежали от Юшуня. Вслед им летела красная конница. Отстреливаясь, белые мчались к Джанкою, где опустел славянский штаб. Впереди у белых было только море. Оттуда дул норд-ост. Он завывал в степи, по которой шли теперь красноармейцы. Командарм Фрунзе приказал: пятнадцатого ноября занять Севастополь.

На всем пути были разрушены мосты и дома пробиты снарядами. По дорогам летела известковая пыль. Вдоль полотна торчали обозы с армейскими шинелями, скатанными, как бублики. Шли танки, двигались пулеметы, валялись винтовки, брошенные при отступлении.

Гул приближался к Артеку, и Мемет-Али сказал:

— Мы должны помочь людям, которые оросят нашу землю.

— Они откопют источник? — спросили у него земляки.

— Да! — проговорил Мемет-Али.

— Они отведут воду от помещика?

— Да! — проговорил Мемет-Али.

И те, которые воздевали руки к пустому небу, где не видно было Аллаха, опустили руки и, жвав их в кулаки, сказали:

— Идем!

Мемет-Али двинулся с татарами к партизанам. Он искал к ним путь по белым лилиям, распускавшимся в небе, и по грохоту, который доносило звонкое эхо. В горах стало известно: красные прорвались через Перекоп. Навстречу белым, бежавшим от Юшуня, вышел начальник Синевзоров. Он решил отрезать отступление. Под его командой с гор сошла вся повстанческая армия. Услышав его фамилию, Мемет-Али вскрикнул:

— Это он! Тот самый большевик...

И шел с земляками на высокий уступ, начинавшийся за алуштинским перевалом. Он шел к Синевзорову, как недавно тот шел к источнику.

Партизанские полки Синевзорова останавливались в татарских деревнях.

— Перекоп прорван! — сказал татарам Синевзоров. — Красные полки приближаются. Белые бегут. Мы идем их добивать.

В этот момент подошел с земляками Мемет-Али. Заметив еще издали Синевзорова, он сорвал с головы шапку и бросился к нему, ломая на ходу колючий кустарник.

— Товарищ начальник! — кричал он. — Это — я... Мемет-Али, хозяин источника. Я пришел к вам с людьми.

— Мемет-Али? — быстро проговорил Синевзоров и протянул татарину руку. — Ты тот, у которого оскудела вода, когда пришли напиться партизаны? Ты тот, который проводил нас в штаб партизан? — и, повернувшись в полудоборот, Синевзоров проговорил так, как будто Мемет-Али был здесь всегда: — Становись с правого фланга!

Остальные также присоединились к полку, где была теперь отдельная татарская рота. Старики-татары дали партизанам подводы. Люди, пешие и конные, двинулись на подводах и звонких тачанках к Симферополю. Когда Мемет-Али пришел с ротой к Зуйской долине, там клубился туман, такой густой, что в нем пропадали и люди и кони. Продвигаясь, точно ослепшие, партизаны столкнулись в долине с группой генерала Барбовича. Она бежала от Юшуня.

— Огонь, пли! — прогремел голос Синевзорова.

Белые бросили оружие и подняли руки.

— Кто такие? — спросил их Мемет-Али.

— Офицеры.

— Вода забрал?.. — закричал Мемет-Али. — Помещик Перлушкин в гости ходил? Давай наша вода!..

С севера продолжали отступать полчища белых. Партизан же была горсть. Это было неравное сражение, но офицеры, отступая, видели перед собой только море. В панике они бросали на пути оружие. Партизаны продолжали их преследовать, складывая трофеи на тачанки. Так дошли до Карасубазара.

В татарской роте гремели барабаны. Татары шли в атаку под непрерывный стук, и были среди них кизил-ташские, дермен-койские, мамут-султанские, пришедшие с пустых и сухих полей.

От Карасубазара белые старались окопаться до самой Феодосии. Они залегали в долинах и за буграми, с пулеметами, выискивая свободный путь к морю. Их выбивал Синевзоров. Возле Феодосии его нагнала кавалерия. Неведомые люди скакали на быстрых конях. На ветру раздувались шинели. Щеки, красневшие от ветра, были прикрыты наушниками. Показались шлемы с красными точками звезд. Партизаны взгляделись, и улыбки засветились на их лицах, и громкие крики смешались с топотом коней:

— Конная Буденного!

Пешие и конные бросились друг другу навстречу, целуясь и пожимая руки, холодные от ветра. Вот и встретились они, буденновцы и партизаны! Они соединились на этой самой, политой кровью, земле, и теперь вместе подходили к Феодосии. Белые, прикрываясь дымом, спешили уйти в море.

Синевзоров повернул на Ялту. Офицеры ушли, не успев погрузить всех. Многие остались в городах и вблизи по всему берегу. Теперь надо было их найти. Партизаны соединились с красноармейцами. По пути к Ялте белых находили в лесах.

Мемет-Али шел знакомой дорогой, уводившей к Артеку. Облака пронеслись мимо, вырезанные причудливо, как виноградные ветви. Вдали синело пустое море с острыми скалами у Суук-Су. В небе было тихо.

— Вон там... — сказал Мемет-Али и показал рукой вдаль. — Артек!..

С надгорья Синевзоров круто повернул вниз, к отвесной тропе, под которой винтом заворачивалось шоссе.

— Куда? — спросил его Мемет-Али.

И точно не расслышав вопроса, Синевзоров повернулся к отряду и громко сказал:

— Мы идем к источнику!

В Артеке было безлюдно и пусто. Люди заперлись в большом белом доме, поднятом над морем, среди кипарисов. Помещик, завесив окна портьерами, шагнул по комнате, заложив руки, нервно шевелившиеся за спиной.

— Я — инженер, — тихо сказал он вошедшему Синевзорову. — Я буду нужен вам. Вы не посмеете меня тронуть. Что вам угодно?

— Ключи! — спокойно сказал Синевзоров.

— Какие?

— Ключи от источника! — проговорил Синевзоров и, взяв ключи из дрожащих рук, передал их Мемету-Али, родовому хранителю воды, и сказал ему: — Пришло это время, Мемет-Али. Мы напьемся из источника.

Звон не прекращался. Временами он усиливался, резко отдаваясь в ушах, и тогда полковнику Синевзорову, сидевшему на санаторном берегу рядом с Мемет-Али, снова казалось, что звенит земля. Иногда звон заглушало лишь море. Полковник повернул к татарину бритое, бронзовое от солнца лицо и спросил, наконец:

— Где звенит?

— Здесь! — ответил Мемет-Али и разжал огромную свою ладонь. Он встал с камня, выпрямился во весь рост и, подняв высоко над головой предмет, зажатый в ладони, гордо проговорил: — Ключи!.. От Айгирдинского источника.

Крепко хранил ключи Мемет-Али. Они открыли источник, орошающий поля колхозов Кизил-таш, Дермен-кой, Мамут-Султан, и всю долину с колхозными землями, от Артека до Ялты, где тучно наливались плодами сады и виноградники. Эта земля расцветала урожаями.

И всюду, по всей долине до перевала знали и уважали человека, дающего жизнь полям, Мемета-Али, хозяина источника.

«Пасионария ведет в бой». Картина Н. И. Сереженко. Всесоюзная выставка народного самодельного искусства, посвященная двадцатилетию Великой социалистической Октябрьской революции

А. Коваленков

РОЗЫ ИСПАНИИ

Конским копытом раздавлена
роза,
Наши сады выгорают до гл,
Черная свастика — тень бом-
бовоза —
На города и деревни легла.

Иди, мой любимый,
За братьев убитых
Огнем и свинцом распла-
тись.

Вернись, мой любимый,
Ко мне невредимый,
С победною песней
Вернись!

Сотни сирот остаются без
крова,
Тысячи вдов безутешны навек.
Вздулись от слез, потемнели от
крови
Воды озер и стремительных
рек.

Иди, мой любимый,
За братьев убитых
Огнем и свинцом распла-
тись.
Вернись, мой любимый,

Ко мне невредимый,
С победною песней
Вернись!

Черным фашистам не будет
пощады,
Дети с отцами шагают в строю,
Матери в бой провожают от-
ряды,
В бой за отчизну, за правду
свою.

Иди, мой любимый,
За братьев убитых
Огнем и свинцом распла-
тись.

Вернись, мой любимый,
Ко мне невредимый,
С победною песней
Вернись!

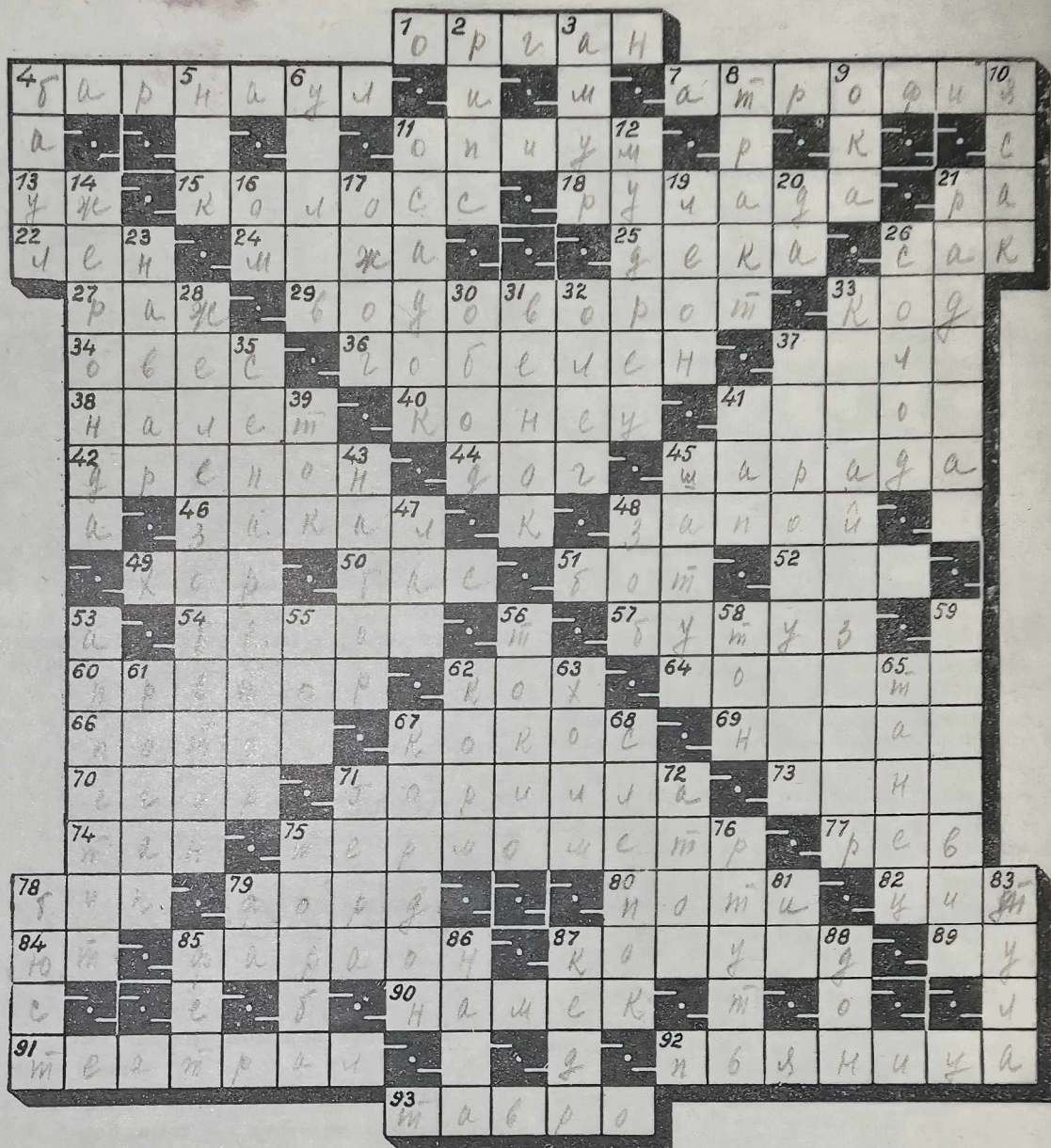
Горе изменникам, горе банди-
там!
Наши полки по костям их
пройдут.
Смятые розы в садах под Мад-
ридом
На обновленной земле рас-
цветут.

КРОССВОРД

СОСТАВЛЕН
ЧИТАТЕЛЕМ В. В.

В каждой незаштрихованной клетке поставьте по одной букве, с тем чтобы, начиная с заштригованной клетки и кончая черным полем или краем фигуры, читались слова следующих значений:

- ПО ГОРИЗОНТАЛИ:**
- 1. Музыкальный инстру- 79. Марка американских автомобилей.
 - 4. Город в Сибири. 82. Центральный институт труда.
 - 7. Постепенное отмирание клеток организма. 84. Кормовая часть верхней палубы корабля.
 - 11. Наркотическое средство. 85. Название древнеегипетских царей.
 - 13. Пресмыкающееся. 87. Минерал.
 - 15. Гигант. 89. Река в Средней Азии.
 - 18. Музыкальный пассаж. 90. Косвенно высказанная мысль.
 - 21. Древнеегипетское божество. 91. Любитель театра.
 - 22. Растение. 92. Алкоголик.
 - 24. Приток Западной Двины. 93. Клеймо на коже животных.
 - 25. Верхняя стенка корпуса струнного инструмента.
 - 26. Приспособление для отщипки проруби от мелкого льда.
 - 27. Прибавка при обмене денег на валютной бирже.
 - 29. Кругообразное движение воды.
 - 33. Сборник условных знаков.
 - 34. Знак.
 - 36. Художественно вытканый ковер.
 - 37. Город республики Колумбии.
 - 38. Нападение.
 - 40. Окончание, завершение.
 - 41. Место для зимнего спорта.
 - 42. Плотная шерстяная материя.
 - 44. Порода собак.
 - 45. Загадка.
 - 46. Повышение твердости металла.
 - 48. Болезнь лошадей.
 - 49. Многоголосое пение.
 - 50. Мужской голос.
 - 51. Небольшое парусное судно.
 - 52. Театральный термин.
 - 54. Узорчатая тесьма.
 - 57. Малыш.
 - 60. Высший судья в древнем Риме.
 - 62. Знаменитый биолог.
 - 64. Единица древней купной ценности.
 - 66. Непрерывность производства.
 - 67. Тропическое дерево.
 - 69. Мужское имя.
 - 70. Имя героя пьесы Горького.
 - 71. Обезьяна.
 - 73. Медицинский инструмент.
 - 74. Французская газета.
 - 75. Прибор для измерения температуры.
 - 77. Плач, крик.
 - 78. Длинный киут.
- ПО ВЕРТИКАЛИ:**
- 2. Материя.
 - 3. Река на Дальнем Востоке.
 - 4. Дорожный сундучок.
 - 5. Городок во Франции.
 - 6. Город в РСФСР.
 - 8. Дорога.
 - 9. Приток Волги.
 - 10. Натуральная податль, собиравшаяся царским правительством с народов Поволжья и Сибири.
 - 11. Отстой нерастворимых тел раствора на дне сосуда.
 - 12. Мудрый человек.
 - 14. Устаревший инструмент для добычи нефти.
 - 16. Знаменитый физик.
 - 17. Поражение тела.
 - 19. Мужское имя.
 - 20. Подтверждение.
 - 21. Алгебраический термин.
 - 23. Продукт варки.
 - 26. Продукт, применяемый в пивоварении.
 - 28. Материал, применяемый для сооружений.
 - 30. Часть колеса.
 - 31. Украшение из сплетенных цветов.
 - 32. Киевский князь древней Руси.
 - 33. Вещество, ускоряющее химическую реакцию.
 - 35. Аппарат для разделения смеси.
 - 37. Старое название залива в Каспийском море.
 - 39. Движение электричества по проводнику.
 - 41. Наплыв на стволах деревьев.
 - 43. Ассортимент разных предметов, соединенных в одной упаковке.
 - 45. Деталь машины.
 - 47. Одна из древнейших поземельных мер.
 - 48. Увеличение щитовидной железы.
 - 53. Желание покушать.
 - 55. Фруктовый напиток.
 - 56. Столица империалистического государства.
 - 58. Звук определенной высоты.
 - 59. Бутерброд.
 - 61. Вид крупного жука.
 - 62. Продукт питания животных.
 - 63. Возвышенность.
 - 65. Ритмические движения.
 - 67. Заградительный отряд.
 - 68. Гипсовый оттиск.
 - 71. Мифологическая богиня.
 - 72. Древнеегипетское жество.
 - 75. Кормушка, подвешиваемая к голове лошади.
 - 76. Жидкий металл.
 - 78. Скульптурное изображение верхней части человеческого тела.
 - 79. Пота.
 - 81. Река в Ирландии.
 - 83. Город в РСФСР.
 - 85. Русский поэт.
 - 86. Приток Оки.
 - 87. Хвойное дерево.
 - 88. Река в СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 28 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Икхтозавр. 6. Сантиметр. 11. Ара. 12. Ключ.
14. Лоск. 16. Путч. 19. Гонг. 20. Мимика. 23. Кредит. 25. Га. 26. Нар. 27. Забор. 28. Сак. 29. Ял.
30. Сатира. 32. Окурор. 35. Инар. 36. Кант. 38. Спич. 39. Раут. 40. Бакал. 42. Ост. 43. Пампр. 45. Око.
47. Тук. 49. Оса. 51. Аир. 53. Эму. 54. Эри. 55. Цпа.
57. Мод. 59. Бра. 61. Вис. 63. Нанка. 66. Ока.
67. Разор. 70. Флот. 71. Риоп. 73. Крап. 75. Чита.
76. Дамаск. 79. Обшлаг. 81. Ру. 82. Мот. 83. Лафет.
84. Лак. 85. Та. 86. Галера. 88. Оратор. 91. Леоп.
92. Руда. 94. Круг. 95. Вече. 97. Уха. 99. Транспорт.
100. Нонпарель.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Инкогнито. 2. Трюм. 3. Ор. 4. Амок. 5. Рак.
6. Сап. 7. Натр. 8. Ил. 9. Енот. 10. Регулятор.
13. Чинара. 14. Липрика. 15. Сазан. 17. Укроп. 18. Чесуча. 19. Гикори. 21. Мат. 22. Обь. 24. Дар. 30. Сабо. 31. Рапт. 33. Кипа. 34. Кара. 37. Ток. 38. Сто.
41. Камин. 44. Мороз. 46. Кон. 48. Ухо. 50. Сыр.
52. Или. 55. Циферблат. 56. Анод. 57. Мане. 58. Дон.
59. Вак. 60. Араб. 61. Бриг. 62. Сгапарель. 64. Атаман. 65. Кратер. 68. Апплаг. 69. Очаков. 72. Оклад.
74. Ротор. 77. Мол. 78. Уфа. 80. Лат. 86. Гора.
87. Руно. 89. Руан. 90. Реле. 93. Аут. 94. Кан. 96. Ус. 98. Па.

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ.

Зам. редактора А. БИНЕВИЧ.

Издатель: ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Адрес редакции: Москва 6, Страстной бульвар, 11.

Тел. 4-28-45.

НЕПРИНЯТЫЕ РУКОПИСИ И КРОССВОРДЫ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

Обложка работы художника Г. Мучника. На последней странице обложки скульптурная группа «К великому Октябрю» работы скульптора К. Луцкого. Оформление номера и монтажа «Наша родина» И. Уразова.

Стат. формат 275 × 360 мм 1/4 доли. 3 бум. листа.

Техн. редактор И. Ахрар.

Учпозн. Главлита Б-21088. Изд № 392. 6 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 2/Х-37 г. Подписано к печати 28/Х-37 г. Зак. № 2042. Тираж 350 000 экз.

Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

СТАРОЕ И НОВОЕ В КАРТИНАХ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

Мы помещаем несколько картин старых художников и художников новых, советских.

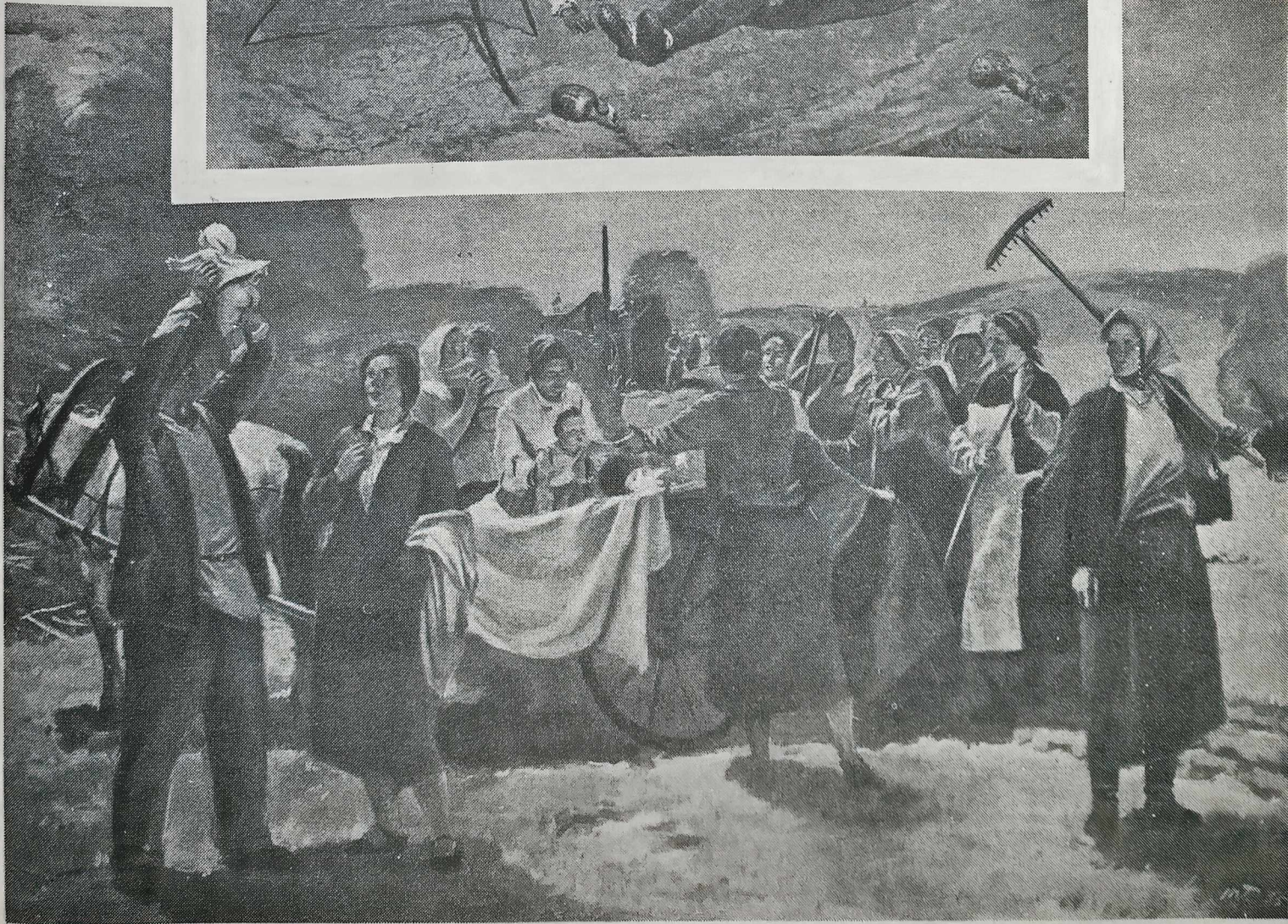
До чего непохожа наша радостная, счастливая жизнь на тяжелую, мрачную, кровавую эпоху царизма! Художники-реалисты С. Иванов, В. Васнецов, В. Пугачев не могли не изобразить правды окружающей их жизни, того, что кажется нам сейчас кошмарным сном.

„Переселенцы“ С. Иванова и „На обед к матерям“ Т. Гапоненко; „Книжная лавочка“ В. Васнецова и „Вузовцы“ Б. Иогансона; скорбная былая правда „Неравный брак“ В. Пугачева и картина С. Ряншиной „Все вышло!“. Нуждаются ли в комментариях эти сопоставления?

Великий реалистический метод в искусстве заключается в том, что жизненная правда выступает в нем особенно ярко и выпукло.

Вверху — картина худ. С. Иванова „Переселенцы“. 1889 год (Гос. Третьяковская галерея).

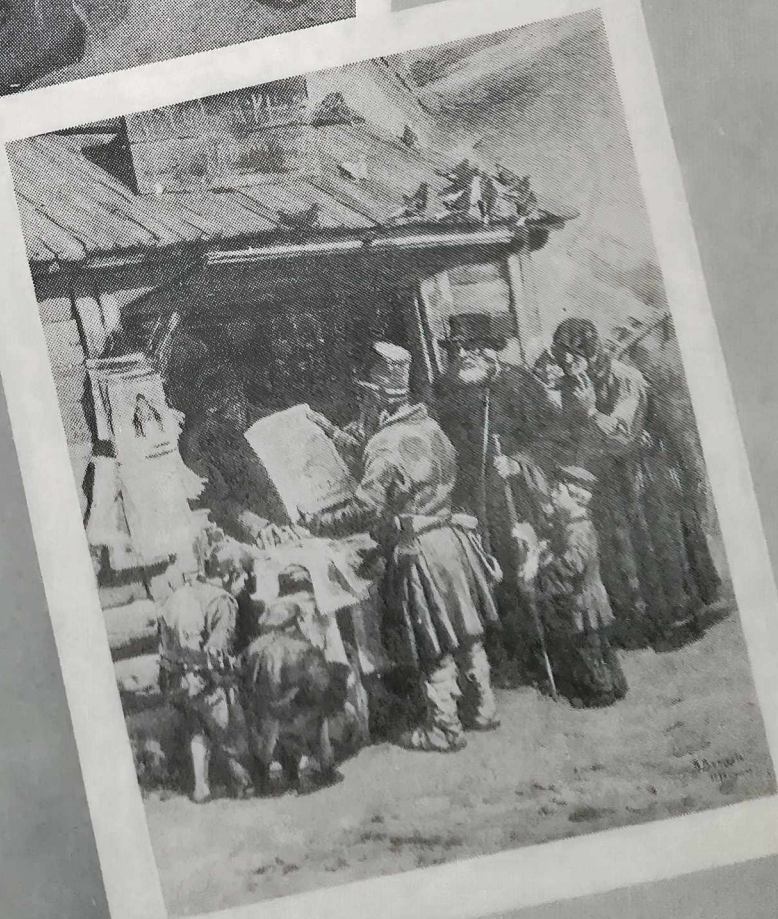
Внизу — картина худ. Т. Гапоненко „На обед к матерям“ 1935 год.

В в е р х у — картина худ. Б. Иоган-
сона „Вузовцы“. 1928 год (Гос.
Третьяковская галерея).

В н и з у — картина худ. В. Васне-
цова „Книжная лавочка“. 1876 год
(Гос. Третьяковская галерея).

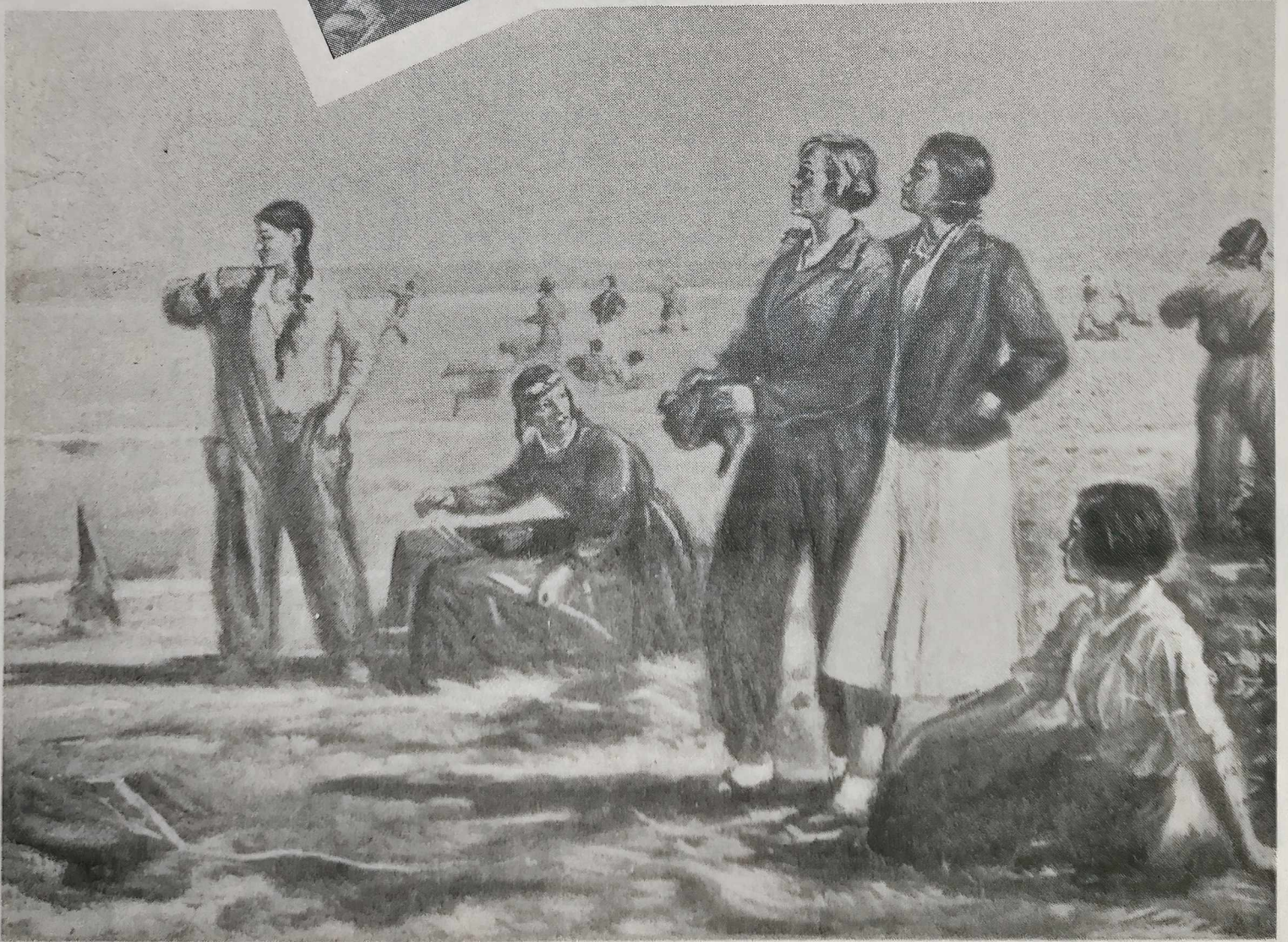

Вверху—картина худ. В. Пукирева „Потрава“. 70-е годы
(Музей революции СССР, Москва).
Внизу—картина худ. Ф. Малаева „Колхозники читают Сталинскую
Конституцию“. 1937 год (Выставка „Индустрия социализма“).

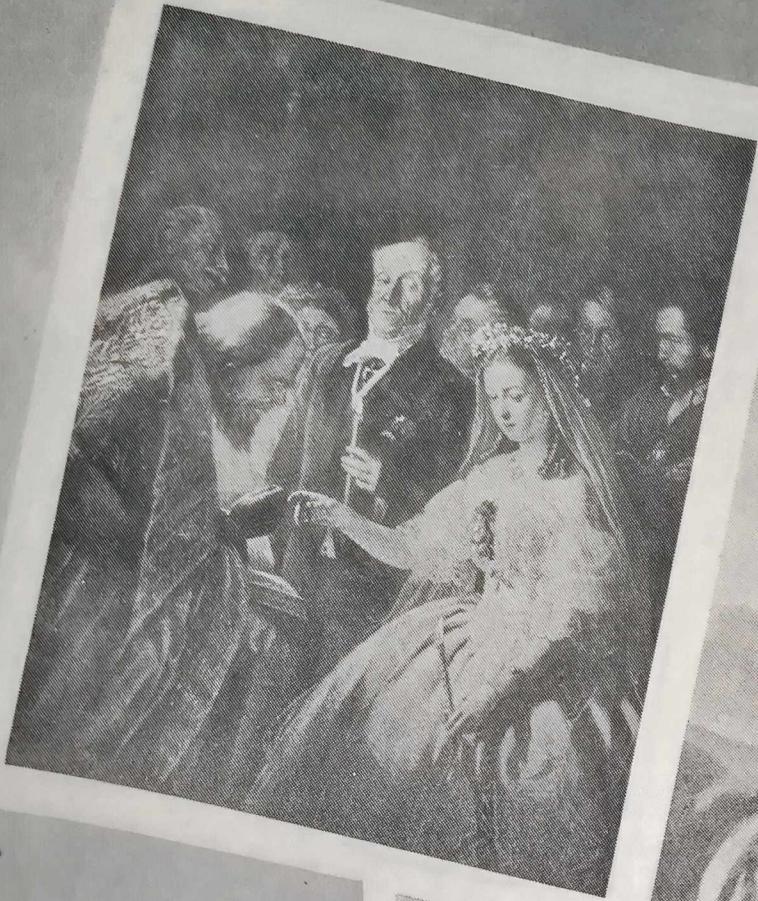
Вверху—картина худ. А. Архипова „Прачки“, 1901 год (Гос. Третьяковская галерея).

Внизу—картина худ. Н. Дорохова „Парашютистки“, 1937 год (Выставка „Индустрия социализма“).

Вверху — картина худ. В. Пукирева „Неравный брак“. 1862 год (Гос. Третьяковская галерея).

Внизу — картина худ. С. Рянгиной „Все выше!“. 1934 год (Гос. Третьяковская галерея).

Огонек

Цена 1 рубль

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ. МОСКВА. 1937 г.